Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова

Научный журнал

ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО

ECONOMICS
LAW
SOCIETY

Scientific Journal

№ 1 (17), 2019

ЭКОНОМИКА
ПРАВО
ОБЩЕСТВО

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гришин Виктор Иванович – председатель редакционной коллегии, ректор Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Курбанов Рашад Афатович – главный редактор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор

Бодак Алла Николаевна – председатель Постоянной комиссии Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь по законодательству и государственному строительству, кандидат юридических наук, доцент

Валентей Сергей Дмитриевич – начальник Научно-исследовательского объединения (научный руководитель Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова), доктор экономических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, доктор юридических наук, профессор

Вельяминов Георгий Михайлович – главный научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Витязь Петр Александрович – академик Национальной академии наук Беларуси, руководитель аппарата НАН Беларуси, сопредседатель Межакадемического совета по проблемам развития Союзного государства, доктор технических наук, профессор

Вознесенская Нинель Николаевна – ведущий научный сотрудник Сектора правовых проблем международных экономических отношений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Воронова Татьяна Андреевна – проректор по учебной работе, персоналу и имущественному комплексу Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Георг Става – руководитель департамента Министерства юстиции Австрии, член Европейской комиссии по совершенствованию правосудия (CEPEJ) Совета Европы

Гринберг Руслан Семенович – научный руководитель Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор

Гришина Ольга Алексеевна – профессор кафедры финансов и цен Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Гулиев Ибрагим Саид оглы – вице-президент НАН Азербайджана, академик НАН Азербайджана, доктор геолого-минералогических наук, профессор

Гурбанов Рамин Афад оглы – президент Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ) Совета Европы, судья города Баку, доктор юридических наук

ECONOMICS
LAW
SOCIETY

EDITORIAL BOARD

Grishin Viktor Ivanovich – Chairman of the Editorial Board, Rector of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Kurbanov Rashad Afatovich – Chief Editor, Director of the Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Bodak Alla Nikolaevna – Chairman of the Standing Committee of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus on legislation and state construction, PhD of Law, Associate Professor

Valentey Sergey Dmitrievich – Head of Scientific and Research Union (Supervisor of the Plekhanov Russian University of Economics), Doctor of Economics, Professor

Vasilevich Grigoriy Alekseevich – Head of the Constitutional Law Department of the Belorussian State University, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Law, Professor

Velyaminov Georgiy Mikhailovich – Chief Researcher of the Sector of Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Vityaz Petr Aleksandrovich – Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Head of Academy Staff Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Co-chairman of the Inter-Academic Council on Development of the Union State, Doctor of Technical Sciences, Professor

Voznesenskaya Ninel Nikolaevna – Leading Researcher of the Sector of the Legal Problems of International Economic Relations of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Voronova Tatiana Andreevna – Vice-Rector for Academic Affairs, HR-Development and Property Complex of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Georg Stawa – Head of the Department of the Austrian Ministry of Justice, Member of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe

Grinberg Ruslan Semenovich – Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor

Grishina Olga Alekseevna – Professor of the Department of Finance and Prices of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Guliev Ibragim Said ogly – Vice-President of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Member of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Doctor of Science (Geology and Mineralogy), Professor

Gurbanov Ramin Afad oglu – President of European Commission for the Efficiency of Justice (CEPEJ) of the Council of Europe, Judge of Baku City, Doctor of Law

Джафаров Азер Мамед оглы – заместитель Министра юстиции, член Судебно-правового совета Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор

Егоров Алексей Владимирович – ректор Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, кандидат юридических наук, доцент

Ершова Инна Владимировна – заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Жаворонкова Наталья Григорьевна – заведующая кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор

Занковский Сергей Сергеевич – заведующий сектором предпринимательского права Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор

Зинчук Галина Михайловна – декан факультета экономики и права Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, доцент

Зубарев Сергей Михайлович – заведующий кафедрой административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

Зырянов Сергей Михайлович – ведущий научный сотрудник отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Иванов Вилен Николаевич – советник РАН, вице-президент Российской Академии социальных наук, член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

Капустин Анатолий Яковлевич – научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Клеандров Михаил Иванович – судья Конституционного суда Российской Федерации в отставке, член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор

Кузнецов Вячеслав Николаевич – президент Фонда поддержки исследования проблем «Безопасность Евразии», член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор

Лалетина Алла Сергеевна – директор по правовому обеспечению и корпоративному управлению «Ростех», доктор юридических наук

Лисицын-Светланов Андрей Геннадьевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор

Манке Карстен – руководитель группы в Немецкой корпорации международного сотрудничества (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Марченко Михаил Николаевич – заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор

Минашкин Виталий Григорьевич – проректор по научной деятельности Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор

Михайлов Николай Иванович – начальник Научно-организационного управления Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Jafarov Azer Mammad ogly – Deputy Minister of Justice, Member of the Judicial-Legal Council of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor

Egorov Aleksey Vladimirovich – Rector of the Vitebsk State University named after P. M. Masherov, PhD of Law, Associate Professor

Ershova Inna Vladimirovna – Head of the Department of Entrepreneurial and Corporations Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zhavoronkova Natalya Grigorievna – Head of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zankovsky Sergey Sergeevich – Head of the Department of Entrepreneurial Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Zinchuk Galina Mikhailovna – Dean of the Faculty of Economics and Law of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Associate Professor

Zubarev Sergey Mikhailovich – Head of the Department of Administrative Law and Process of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

Zyryanov Sergey Mikhailovich – Leading Researcher of the Department of Administrative Law and Process of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Ivanov Vilen Nikolayevich – Counselor of the Russian Academy of Sciences, Vice-President of the Russian Academy of Social Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor

Kapustin Anatoly Yakovlevich – Science Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

Kleandrov Mikhail Ivanovich – Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation Emeritus, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Kuznetsov Vyacheslav Nikolayevich – President of the Foundation for the Support of the Research of Problems "Eurasian Security", Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociology, Professor

Laletina Alla Sergeevna – Head of Corporate and Legal Department of the State Corporation "Rostec", Doctor of Law

Lisitsin-Svetlanov Andrey Gennadievich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the RAS, Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Mahnke Carsten – Head of the Group in the German Corporation of International Cooperation (GIZ) (German Corporation for International Cooperation GmbH)

Marchenko Mikhail Nikolayevich – Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Doctor of Law, Professor

Minashkin Vitaly Grigorievich – Vice-Rector for Research of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Economics, Professor

Mikhailov Nikolai Ivanovich – Head of the Scientific and Organizational Department of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor

Мустафазаде Айтен Инглаб кызы – директор Института права и прав человека НАН Азербайджана, депутат Милли Меджлиса Азербайджанской Республики, доктор юридических наук, профессор
Алиев Назим Талат оглы – Начальник Академии полиции МВД Азербайджанской Республики, генерал-майор полиции, доктор юридических наук
Плигин Владимир Николаевич – ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук
Рагимов Ильгам Мамедгасан оглы – президент Ассоциации юристов стран Черноморско-Каспийского региона, доктор юридических наук, профессор
Сафи Исмаил – член Совета по безопасности и внешней политике при Президенте Турецкой Республики, директор Института безопасности и обороны Университета Истиние, доктор политических наук
Фатьянов Алексей Александрович – заведующий кафедрой государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Хасбулатов Руслан Имранович – заведующий кафедрой мировой экономики Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
Шамба Тарас Миронович – президент Коллегии адвокатов г. Москвы «ТАМИР», доктор юридических наук, профессор
Экимов Анисим Иванович – профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор
Яблочкина Ирина Валерьевна – директор Центра гуманитарной подготовки Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор исторических наук, профессор

Mustafazade Ayten Inqlab qizi – Director of the Institute of Law and Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Deputy of the Milli Meclis of the Azerbaijan Republic, Doctor of Law, Professor
Aliev Nazim Talat ogly – Head of the Police Academy of the of the Azerbaijan Republic, Police Major General, Doctor of Law

Pligin Vladimir Nikolaevich – Leading Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, PhD of Law

Ragimov Ilgam Mammadgasan oglu – President of the Association of Lawyers of the Black Sea-Caspian Region, Doctor of law, Professor
Safi Ismail – Member of the Council on Security and Foreign Policy under the President of the Republic of Turkey, Director of the Institute of Security and Defense of the University of Istinye, Doctor of Political Science
Fatyanov Alexey Alexandrovich – Head of the Department of State-legal and Criminal-legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor

Khasbulatov Ruslan Imranovich – Head of the Department of World Economy of the Plekhanov Russian University of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
Shamba Taras Mironovich – President of the Bar Association of Moscow "TAMIR", Doctor of Law, Professor
Ekimov Anisim Ivanovich – Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Law, Professor
Yablochkina Irina Valerievna – Director of the Center of Humanitarian Training of the Plekhanov Russian University of Economics, Doctor of Historical Sciences, Professor

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-64675 от 22 января 2016 г.

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова»)

Адрес редакции:
117997, Москва, Стремянный пер., 36.
Тел.: **8 (499) 237-85-02**, **e-mail: grapravo.kaf@mail.ru**
www.rea.ru
Главный редактор **Р. А. Курбанов**
Заместитель главного редактора **А. М. Белялова**
Ответственный секретарь **Ю. Х. Давыдова, И. С. Денисов**
Редактор **Ю. А. Еремина**
Оформление обложки **К. Г. Жигалов**
Подписано в печать 07.03.2019. Формат 60 x 84 1/8.
Печ. л. 6,75. Усл..-печ. л. 9,45. Уч.-изд. л. 12,42.
Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано в ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова».
117997, Москва, Стремянный пер., 36.

The journal is registered in Federal Service for communication, informational technologies and media control:
PI N FS77-64675 dated 22 January 2016

Founder
Plekhanov
Russian University of Economics
(PRUE)

Editorial office address:
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow.
Tel.: **8 (499) 237-85-02**, **e-mail: grapravo.kaf@mail.ru**,
www.rea.ru
Chief editor **R. A. Kurbanov**
Deputy chief editor **A. M. Belyalova**
Executive Secretary **Yu. Kh. Davydova, I. S. Denisov**
Editor **Yu. A. Eremina**
Cover design **K. G. Zhigalov**
Signed in print 07.03.2019. Format 60 x 84 1/8.
Printed sheets 6,75. Conv. sheets 9,45. Publ. sheets 12,42.
Circulation 500. Order
Printed in Plekhanov Russian University of Economics.
36 Stremyanny Lane, 117997, Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Сравнительное правоведение

Марченко М. Н.
Теория социально-политической и юридической ответственности бизнеса в западной социологии и идеологии: роль и назначение 7

Зульфугарзаде Т. Э.
Развитие правового обеспечения государственной системы определения социальной кредитоспособности в современном Китае 15

Денисов И. С., Ахматова Д. Р., Кабакова В. М.
Сравнительная характеристика GDPR и российского законодательства о персональных данных 21

Гражданское право

Курбанов Р. А, Гурбанов Р. А., Белялова А. М.
Преобразование юридических лиц по законодательству иностранных государств на примере Великобритании и Испании 28

Рузакова О. А., Степкин С. П.
Наследственные договоры в семейных отношениях: новеллы российского законодательства 36

Изутина С. В., Баркова М. А.
Гражданско-правовой институт представительства на современном этапе: перспективы и предложения правового регулирования 42

Федулов Г. В.
Безопасность как нематериальное благо субъектов гражданского права 48

Щанкина Л. Н.
Исторические аспекты договора найма при строительстве жилища у народов Мордовии 56

Земельное право

Тюрин И. В., Арутюнова А. С.
О некоторых аспектах применения российского законодательства, упрощающего реализацию гражданами прав на ведение отдельных видов деятельности для личных нужд 62

Финансовое право

Манько Е. А.
Правовой анализ особенностей практики применения банковской гарантии в сфере государственных закупок 69

Право и экономическая деятельность

Скворцова А. А.
Актуальные вопросы унификации терминов в свете разработки «Инкотермс 2020» 75

Свечников В. А.
Актуальные вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации 82

Мехтиев М. Г.
Международная денежно-кредитная система, основанная на правилах разумной политики 88

Витульева Т. А.
Реализация политики устойчивого развития Монголии 95

Литвишко О. В., Гвоздева А. В.
Оценка и пути повышения инвестиционной привлекательности предприятия 100

Рецензии

Довнар Т. И.
Рецензия на учебник «Право Союзного государства» / под ред. Р. А. Курбанова. – М. : Проспект, 2018 106

Требования к публикациям 108

CONTENTS

Comparative Law

Marchenko M. N.
Theory of Socio-Political and Legal Responsibility of Business in Western Sociology and Ideology: Role and Purpose 7

Zulfugarzade T. E.
Development of Legal Enforcement of the State System for Determining Social Creditworthiness in Modern China 15

Denisov I. S., Akhmatova D. R., Kabakova V. M.
Comparative Characteristics of the GDPR and Russian Legislation on Personal Data 21

Civil Law

Kurbanov R. A., Gurbanov R. A., Belyalova A. M.
Transformation of Legal Entities according to the Legislation of Foreign States on the Example of Great Britain and Spain 28

Ruzakova O. A., Stepkin S. P.
Inheritance Contracts in Family Relations: Novelties of the Russian Legislation 36

Izutina S. V., Barkova M. A.
Institution of Representation at Modern Stage: Perspectives and Proposals of Legal Regulation 42

Fedulov G. V.
Security as an Intangible Benefit of Civil Law Subjects 48

Shchankina L. N.
Historical Aspects of the Contract of Employment in the Construction of Housing of the Mordovian People 56

Land Law

Tyurin I. V., Arutyunova A. S.
Some Aspects of Practical Use of the Russian Legislation Simplifying Realization by Citizens of the Rights to Conducting Separate Types of Activity for Personal Needs 62

Financial Law

Manko E. A.
Legal Analysis of the Practice of Applying Bank Guarantee in the Field of Public Procurement 69

Law and Economic Activity

Skvortsova A. A.
Topical Issues of Terms Unification in the Light of the Development of "Incoterms 2020" 75

Svechnikov V. A.
Current Issues of the Legal Regulation of Investment Activities in the Russian Federation 82

Mekhtiyev M. G.
International Monetary System Based on the Rules of Reasonable Policy 88

Vitulyeva T. A.
The Implementation of the Sustainable Development Policy of Mongolia 95

Litvishko O. V., Gvozdeva A. V.
Assessment and Ways of Increasing the Investment Attractiveness of the Enterprise 100

Reviews

Dovnar T. I.
Review of the Textbook "Law of the Union State" / ed. by R. A. Kurbanov. – M. : Prospect, 2018 106

Requirements to the Publications 108

Теория социально-политической и юридической ответственности бизнеса в западной социологии и идеологии: роль и назначение

М. Н. Марченко
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права и политологии МГУ имени М. В. Ломоносова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13.
E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Theory of Socio-Political and Legal Responsibility of Business in Western Sociology and Ideology: Role and Purpose

M. N. Marchenko
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Moscow State University.
Address: Moscow State University, 1 build 13, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
E-mail: theory.law.msu@gmail.com

Аннотация

В статье определены основные положения, роль, значение и характер теории социально-политической и юридической ответственности бизнеса в системе западной идеологии и политологии; рассмотрены различные периоды ее становления, развития и распространения, взаимосвязь с традиционными западными концепциями, в том числе с теорией корпоративного государства. Представлены основные виды теории корпоративной ответственности, такие как классическая (традиционная) и современная (менеджериальная), полная и ограниченная, внутренняя и внешняя, общая и частная, правовая и компенсаторская, а также иные широко распространенные, однако менее значимые разновидности теории социально-политической и юридической ответственности бизнеса в западной социологической и политологической литературе. Показаны способы применения рассматриваемой теории; сформулированы основные цели и назначение социальной и политической ответственности бизнеса. Также рассмотрены вопросы расширения социально-политической власти крупного бизнеса. Методика исследования построена на анализе и сопоставлении мнений различных западных социологов и политологов на тему теории социально-политической и юридической ответственности бизнеса, рассматривающих назначение данной теории с разных сторон.

Ключевые слова: бизнес; теория; концепция; экономическая, юридическая, социальная, политическая ответственность; корпорации; ассоциации; общество; сфера деятельности; политическая власть.

Abstract

The article defines the main provisions, the role, significance and nature of the theory of socio-political and legal responsibility of business in the system of Western ideology and political science. The author examines various periods of its formation, development and distribution, the relationship with traditional Western concepts, including the theory of the corporate state. The article presents the main types of the theory of corporate responsibility, such as: classical (traditional) and modern (managerial), complete and limited, internal and external, general and private, legal and compensatory theories of social and political responsibility of business, including other less significant varieties of the theory of socio-political and legal responsibility of business in Western sociological and political science literature, as well as the forms and methods of application of this theory. The author formulates the main goals and purpose of the social and political responsibility of business and addresses the issues of expanding the socio-political power of big business. The research methodology is based on the analysis and comparison of the opinions of various Western sociologists and political scientists on the theory of the socio-political and legal responsibility of business, considering the purpose of this theory from different sides.

Keywords: business; theory; concept; economic, legal, social, political responsibility; corporations; associations; society; sphere of activity; political power.

Данная теория появилась в научном арсенале западной социологии и идеологии более столетия назад, и по мере усиления роли капитала в различных сферах жизни общества и государства вопрос ответственности бизнеса и государства не только за свое собственное положение, но и за положение дел во всем обществе и государстве становился все более актуальным.

После заявления Президента США Теодора Рузвельта во время одного из его выступлений в 1901 г. о том, что корпорации должны признать свою ответственность как перед своими акционерами, так и перед обществом в целом, в американской и европейской социологической и политической литературе, а также в официальных кругах стран данных континентов периодически стали появляться споры о том, какой должна быть эта ответственность.

Исследователи данной проблемы также уделяли большое внимание концептуальной стороне этого вопроса, но все же придавали наибольшее значение практической стороне данного феномена, следуя известному постулату: «Нет лучшей практики, чем теория».

К 20–30-м гг. XX в. на основе накопившегося за данный период времени материала стали определяться основные положения теории социально-политической ответственности бизнеса, а также произошло формирование общего представления о ней.

Необходимо отметить, что в этот период – период усиления по мере централизации и концентрации капитала, активности бизнеса как в экономической, так и в политической, а также социальной сферах жизни общества, по мнению экспертов, деловые круги индустриально развитых стран стали отчетливо осознавать важность повышения социально-политической ответственности бизнеса. В данный период монополистические объединения и союзы, в том числе отдельные ассоциации бизнеса различных стран, в частности США, должны были не только производить и поставлять товары в необходимом объеме, обеспечивать соответствующие услуги, но и вносить более значительный вклад, заключающийся в улучшении качества жизни. Согласно заявлению Комитета экономического развития Конгресса США, бизнес существует для того, чтобы служить обществу, и его будущее в силу этого будет в значительной степени зависеть от того, насколько оперативно и ответственно менеджеры корпораций будут откликаться на изменяющиеся запросы общественности.

Это относится не только к предприятиям, которые принадлежат корпорациям, но и к частным кредитным и финансовым организациям (банкам), которые традиционно испытывают множество трудностей, что часто грозит многим из них неминуемым крахом и банкротством.

Теория социальной и политической ответственности бизнеса получила наибольшее распространение и развитие в послевоенный период. Следует отметить 1970–1980-е гг., которые отличаются вмешательством бизнеса практически во все сферы жизни общества, в первую очередь в социальную и политическую. Именно в это время политические практики и теоретики, стоящие на правоконсервативных позициях, заговорили о немалой позитивной роли корпораций, которую они стали играть в экономической, социальной и политической сферах жизни общества, о наступлении эры социальной активности и политической ответственности бизнеса. В этот период широкое распространение получила мысль о том, что для правительства США и других стран в большинстве случаев было бы гораздо лучше не вмешиваться в дела бизнеса и прекратить конкуренцию с частным сектором.

В то же время гораздо большее распространение получили вполне обоснованные опасения от буржуазно-либеральных политологов о все большем распространении предпринимательства, которое подавляет традиционные институты демократии, а также об усилении его не только экономической, но и политической власти.

Объединяя социологию и политическую науку, теория социальной и политической ответственности бизнеса тесно взаимосвязана с традиционно западными концепциями, такими как теории корпоративного государства, государства всеобщего благоденствия (англ. welfare state), а также с теориями социального и социально-правового государства и др. Кроме того, она взаимосвязана с новыми концепциями, которые развиваются на Западе, например, теорией социально-политического и экономического рационализма, которая исходит из того, что в центре политического поведения и процесса принятия политических решений лежат не политические или какие-либо другие социальные интересы, а требование или постулат рациональности.

В западной социологической, юридической, и политологической литературе отсутствует еди-

ное мнение о соотношении социальной и политической ответственности бизнеса с его юридической ответственностью. В большинстве случаев преобладает только общее представление о социальной и политической ответственности в целом и ответственности институтов крупного капитала в частности. При этом ответственность рассматривается не иначе как форма ответственности институтов за свои действия и их последствия, а также как их социально-политическая обязанность перед своими членами и всем обществом.

Одни авторы воспринимают политическую и социальную ответственность бизнеса как моральную и политическую обязанность предпринимателей. Рядом других авторов она трактуется как обязанность предпринимателей способствовать принятию тех решений и осуществлению тех действий, которые бы выходили за рамки технических и экономических интересов бизнеса. Третья группа практиков и теоретиков понимает социальную и политическую ответственность бизнеса как обязанность для корпораций, которая заключается в осуществлении в рамках существующей экономической системы таких операций, которые отвечают интересам различных социальных слоев населения.

Для формирования общего представления о социальной и политической ответственности предпринимателей иностранные социологи и политологи выделяют следующие ее разновидности: классическая (или традиционная), современная (или менеджериальная), полная и ограниченная, общая и частная, внутренняя и внешняя, правовая, компенсаторская (англ. *compensate* – вознаграждать, компенсировать), этическая, филантропическая и др.

По мнению некоторых практиков и теоретиков, существование нескольких видов политической и социальной ответственности является не только естественным и допустимым, но и чрезвычайно важным моментом для существования бизнеса. В современном социальном мире достижение поставленных экономических целей зависит от того, как корпорации воспринимают различные виды политической и социальной ответственности перед обществом и реагируют на них.

Многие социологи и политологи, выделяя как особую разновидность теории социальной и политической ответственности бизнеса классическую (традиционную) и современную (менеджериальную) ответственность, исходят из того, что смысл и содержание понятия «социальная ответственность бизнеса» воспринимается поразному. С одной стороны, отмечается, что политическая и социальная ответственность бизнеса ассоциируется с его действиями, которые не имеют прямого отношения к получению прибыли. С другой стороны, политическая и социальная ответственность бизнеса имеет прямую связь с его прибылью, которая широко используется в целях разрешения социальных проблем, а предпринимательство не имеет никаких других обязательств, помимо тех, которые связаны с получением и разумным использованием прибыли.

Основная цель социальной деятельности бизнеса – увеличение прибыли. Это имеет наиболее яркое проявление, например, в ситуации, когда бизнес-организациями в целях увеличения производительности труда устанавливаются новые порядки либо отдельные правила для предотвращения несправедливости в решении вопросов, касающихся кадровых перестановок.

Иные корпорации преследуют долгосрочные цели – удержание на прежнем уровне либо увеличение прибыли в будущем. В этих целях корпорациями предпринимаются большие усилия для продвижения своих управленцев, а также других преданных им людей в федеральные органы, а также в органы местного самоуправления.

Еще одним направлением социальной деятельности бизнеса является создание благожелательного общественного мнения о себе (даже за счет временных материальных издержек), а также наиболее благоприятных условий для дальнейшей высокодоходной деятельности. В качестве примера подобного рода деятельности бизнес-организаций можно назвать проведение различных благотворительных мероприятий или внесение для тех же целей денежных средств, установку дорогостоящего оборудования в целях защиты от загрязнения или очищения воды, воздуха и окружающей среды, выделение денежных средств для решения в местах расположения корпораций таких проблем, как безработица, бездомность, антисанитария и нищета.

В тех же случаях, когда речь идет о деятельности бизнес-корпораций, которые ограничены только экономической сферой и целью получения повышенной прибыли, западные юристы, социологи и политологи обычно говорят о классической школе или классическом (традицион-

ном) представлении о социальной и политической ответственности бизнеса [9].

В качестве основных тезисов классической школы, или, как иначе ее называют, теории корпоративной ответственности бизнеса, выступают превалирующие в западной политологической и социологической научной литературе мнения о том, что: а) существует лишь одна социальная ответственность бизнеса – полностью использовать свои ресурсы и вовлекать в процесс, направленный на увеличение его прибыли, как можно больше средств, действуя при этом в рамках установленных правил игры; б) в своем стремлении к максимализации прибыли бизнесмены наилучшим образом служат обществу благодаря функционированию конкурирующих друг с другом рыночных сил; в) корпоративная ответственность не должна выходить за рамки экономической сферы деятельности бизнеса, так как в ином случае бизнес перестает быть социально ответственным и подвергается негативному воздействию со стороны протекающих в нем процессов социализации и политизации; г) в ходе выполнения своих экономических функций бизнес руководствуется прежде всего не официально установленными нормами поведения, а своей «социальной совестью», в существование которой, по признанию самих западных авторов, мало кто когда по-настоящему верил или верит [14. – P. 29; 18].

Западные исследователи, которые придерживаются традиционной концепции ответственности, подчеркивают, что капиталистические предприятия несут моральную ответственность за непосредственные и опосредованные результаты своей деятельности [9; 14; 18]. Например, фармацевтические компании ответственны за доброкачественность производимых ими лекарств, автомобильные компании несут ответственность за надежность и качество автомобилей, которые они выпускают, и т. д. И это вполне понятно, так как если придерживаться концепции корпоративной ответственности в пределах этих лимитов, ограничивая ее лишь непосредственной сферой деятельности и производством компаний, то от такого подхода выиграет как сам бизнес, так и общество.

В случае если общество будет предъявлять к корпорациям невыполнимые в силу своей специфики и характера деятельности требования, то в настоящем или будущем возникнет ситуация, когда вся идея корпоративной ответственности расширится до бесконечности и охватит собой не только моральные, но и все другие нормативные приказы или регуляторы деятельности бизнеса.

Представляется вполне очевидным, что чем больше будет издаваться правительственных актов, регулирующих внутреннюю жизнь и деятельность бизнеса, тем менее эффективной окажется его активность.

Таким образом, можно заключить, что традиционная, или классическая, теория социальной и политической ответственности бизнеса апеллирует только к экономической сфере деятельности бизнеса. Она основывается на том, что бизнес-корпорации контролируются не государством и обществом (хотя бы в формально-юридическом смысле), а рынком [15]. При этом развивается мнение о том, что в процессе осуществления своей деятельности корпорации должны в первую очередь руководствоваться требованиями корпоративной совести и сознательности, внутренней корпоративной этики и морали, а не законов и других нормативно-правовых актов [10].

В основе современной (менеджериальной) теории корпоративной ответственности бизнеса лежит то, что деятельность бизнеса, а также его социальная и морально-политическая ответственность не могут быть ограничены только сферой экономики и целями получения максимальной прибыли, а должны охватывать иные сферы жизни общества. Среди приверженцев данной концепции можно назвать Дж. Кларка, П. Друкера, Дж. Гэлбрейта, А. Берле, С. Купера, Дж. М. Рэйборна и др.

По мнению перечисленных авторов, корпорации, взаимодействуя с государством и некоммерческими организациями, должны оказывать поддержку развитию социального благосостояния и нести ответственность за такие сферы жизни общества, как экономика, гражданские права и равные возможности, трудовые ресурсы, образование, урбанизация, борьба с загрязнением окружающей среды, медицинское обслуживание, а также культура, искусство и др. [13].

Как отмечает Ф. Спарер, современный руководитель организации – это человек высокого профессионализма и высокого интеллектуального уровня, который может рассматривать свою работу с позиций многосторонней ответственности. Оказывая поддержку государственным и общественным органам в решении таких социальных проблем, как безработица, необходи-

мость улучшения условий жизни, расовые отношения и т. д., предприниматель должен заботиться скорее не о сиюминутной выгоде, а о риске наступления возможных негативных последствий для бизнеса, которые могут наступить в случае отсутствия решения и усугубления данных проблем [1. – С. 104].

Принятие на себя бизнесом большей социальной ответственности – это дело не только чести и достоинства, но и самой его жизни, его относительной самостоятельности и эффективности как социально-политического и экономического явления. В ситуации, когда бизнес не будет оказывать помощь в решении проблем, которые вызывают основной интерес и беспокойство общества, оно будет вынуждено обратиться к правительству. Расширение государственного вмешательства в свою очередь будет означать для бизнеса дальнейшее относительное уменьшение роли влияния и власти. Другими словами, расширение сферы деятельности и зоны ответственности бизнеса важно не только для общества, но и в большей степени для дальнейшего развития и укрепления самого бизнеса.

Помимо классической (традиционной) и современной (менеджериальной) теорий социальной и политической ответственности бизнеса в западной социологической и политологической литературе широко распространены и другие менее значимые разновидности. В первую очередь стоит сказать о теории так называемой врожденной социальной ответственности бизнеса, которая, согласно мнению западных политологов, присуща каждой организации и каждому бизнесмену, который руководствуется в своей деятельности исключительно нормами морали. Также стоит упомянуть о теории так называемой вынужденной социальной ответственности бизнеса, которая подчиняется в своей повседневной деятельности требованиям закона, а социальная ответственность бизнеса навязана ему извне [3; 8; 16].

Существует множество видов теории социальной и политической ответственности бизнеса. Все они в некоторой степени отличаются друг от друга и в то же время имеют общие признаки, которые объединяют их в одну социально-политическую концепцию. Среди данных признаков стоит назвать единую социально-классовую сущность, общее социально-политическое назначение и содержание, сходное внутреннее строение, общие исходные тезисы, единые социально-политические и идейные основы, общие социально-классовые цели, задачи и функции, некоторые институциональные черты. Каждый вариант теории социальной и политической ответственности бизнеса, невзирая на наличие устоявшихся в нем специфических особенностей и черт, отличается такими характеристиками, как объем внутренней структуры, неопределенность ряда развиваемых тезисов, социально-классовая абстрактность, отсутствие достаточно прочных связей между социальной, политической и юридической ответственностью бизнеса.

Вопрос относительно юридической ответственности бизнеса с ее признаками и вытекающими из нарушения корпорациями законодательства последствиями уголовно-правового, гражданско-правового, административно-правового и иного характера возникает, как правило, только в случаях, когда речь идет о таких одиозных деяниях, как подкуп, дача взятки, незаконное финансирование политических партий и др. [11; 17. – P. 5].

Относительно отступлений от морально-этических и иных подобных им социально-политических норм, которые лежат в основе социальной и политической ответственности бизнеса, можно сказать, что в данном случае для бизнеса никаких негативных реальных последствий не наступает. Это приводит к тому, что существующая социальная и политическая ответственность бизнеса функционирует лишь теоретически и никогда не реализуется и не может реализоваться на практике в силу множества причин.

В связи с этим в ситуациях, когда социальная и политическая ответственность бизнеса оборачивается его безответственностью, в западной социологической и политологической литературе в целях уменьшения негативного общественного резонанса возникают рассуждения об узкой, ограниченной, непосредственной ответственности бизнеса, о поведении организаций в социально безответственной или частично ответственной манере и т. п. [12]. Если организация при осуществлении своей деятельности не производит социально значимые продукты или не пополняет социальные ресурсы, то это означает, что она ведет себя в социально безответственной манере.

Каковы же значение и роль теории юридической и социально-политической ответственности бизнеса в системе западной идеологии и политологии? При анализе практики применения рас-

сматриваемой концепции, в том числе высказываний о ней авторов и многочисленных исследований, можно прийти к выводу, что она носит сугубо апологетический, оправдательный характер.

В первую очередь она направлена на то, чтобы доказать правомерность и историческую необходимость существования бизнес-корпораций и монополий, а также увеличить их морально-политическую значимость. Кроме того, она преследует цель укрепления общих позиций, поднятия престижа бизнес-корпораций и монополий среди широких слоев общества, а также поиска оптимального выхода из общего морально-политического кризиса политической власти.

На тему утраты американскими организациями своего престижа в начале 1970-х гг. высказался известный мультимиллионер Д. Рокфеллер: «Начиная с 30-х гг. бизнес не стоял на таком низком моральном уровне, как в настоящее время. В результате этого нас все упрекают в том, что мы унижаем рабочих, обманываем потребителей нашей продукции, разрушаем окружающую среду, уничтожаем всякие радужные иллюзии у молодого поколения» [7].

В последние годы наблюдалось резкое и широко распространенное падение доверия со стороны массы наших общественно-политических институтов в силу того, что участились крупные скандалы как в самих корпорациях, так и в политической жизни. Невзирая на то, что расследование скандалов, обвинительные акты и судебные решения касаются, как правило, относительно небольшой группы лиц, волна шока, которая исходит от них, потрясает все общество. В качестве примера одного из главных политических скандалов в США может служить «демократическая» избирательная кампания и выборы президента государства, состоявшиеся осенью 2016 г. Несомненно, это был апогей американской демократии.

По мнению американских исследователей Ч. Эдмондса и Дж. Хэнда, главным назначением бизнеса является получение максимальной прибыли и выполнение экономических обязательств, которые возложены на них перед их акционерами и перед всем обществом. Вопросы относительно иных целей и обязательств неизбежно уходят на второй план [6].

Связывая процесс накопления прибыли и социально-политическую ответственность перед обществом воедино, западные социологи и политологи хотят доказать, что только наличие высоких прибылей организаций само по себе обеспечивает социальную и политическую ответственность бизнеса, а вместе с ней и благополучие всего общества.

Отождествляя экономические и социально-политические интересы бизнеса с интересами всего общества, западные практики и теоретики стремятся убедить общественность в том, что чем выше прибыли корпораций, тем лучше для других организаций, а следовательно, и для всего общества.

Сторонники теории социальной и политической ответственности бизнеса стремятся доказать, что получение бизнесом сверхприбылей диктуется интересами всего общества. Это выражается в формировании и развитии тех теорий, которые составляют неотъемлемую часть концепции социальной и политической ответственности бизнеса и в соответствии с которыми: а) у управляющих организаций нет обязанности выполнять те социальные программы, которые являются нерентабельными для бизнеса, за исключением случаев, когда их выполнение предусмотрено законом; б) организации в первую очередь должны работать над теми социальными программами, которые напрямую взаимосвязаны с получением прибыли; в) одной из задач проведения социальных программ для бизнеса является не только возмещение расходов на их проведение, но и получение прибыли; г) расходы на социальные программы не должны влиять на снижение конкурентоспособности бизнеса на рынке.

Характер теории социальной и политической ответственности бизнеса прослеживается также и в других направлениях [5].

Так, вырабатываются идеи о естественном, вытекающем из самой природы и особенностей функционирования корпораций в различных сферах жизни общества характере социальной и политической власти бизнеса. Расширение социальной и политической ответственности корпораций должно сопровождаться расширением их политической и социальной власти; увеличение уровня социальной и политической ответственности бизнеса должно ассоциироваться с усилением степени их участия в принятии политических и других социально значимых решений.

Формы и способы применения рассматриваемой теории, которая направлена на расширение и укрепление не только экономической, но и социально-политической власти крупного бизне-

са, весьма разнообразны и многочисленны. К примеру, в одних случаях прямо ставится вопрос о необходимости и даже естественности процесса становления и распространения в обществе власти монополий. При этом утверждается, что те же самые силы и факторы, которые делают существование корпораций неизбежным в современном обществе, обусловливают и неизбежность процесса приобретения и накопления ими значительной власти. Это касается в первую очередь тех западных обществ, которые характеризуются ярко выраженными идеологическими обязательствами перед частным предпринимательством и институциональными рамками жизнедеятельности, ограниченными правом частной собственности.

В иных случаях вопрос о наделении крупного капитала социально-политической властью и ее расширении стоит косвенно в зависимости от расширения социальной и политической ответственности бизнеса и усиления правовой регламентации деятельности организаций. В частности, приводится мнение о том, что деятельность корпораций должна быть максимально свободной от любой регламентации, так как это отрицательно сказывается не только на самом бизнесе, но и на интересах всего общества.

По мнению А. Карролла, многочисленные правовые ограничения мешают раскрытию всех потенциальных возможностей бизнеса, делают проблематичным вопрос о реальной власти и социальной ответственности корпораций, отрицательно отражаются на интересах бизнеса и общества в целом [4. – P. 178].

Существуют также другие формы и способы использования теории социальной и политической ответственности бизнеса в апологетических целях. К примеру, широко пропагандируется идея о том, что социальная и политическая ответственность бизнеса способствует накоплению материальных и других средств, необходимых для повышения качества жизни. Существует также мнение о том, что бизнес-корпорации вместе с иными социально-политическими институтами могут влиять на уменьшение различных конфликтов, смягчать социальную напряженность в обществе, сохранять необходимый баланс между такими противоречивыми требованиями и устремлениями, как борьба за максимальную прибыль от вложенных средств и настоящая социальная ответственность бизнеса [2. – С. 58]. Существуют также попытки обоснования тезиса о том, что бизнес-корпорации способствуют развитию образования населения, науки, культуры, так называемой корпоративной этики и морали.

Рассмотрев перечисленные формы воздействия теории социальной и политической ответственности бизнеса, а также другие связанные с ней теории, автор приходит к выводу, что все они, несмотря на их большое количество и разнообразие, преследуют в конечном счете одинаковые цели, а именно: укрепление позиций крупного капитала в системе политической власти и в политической системе современного общества; создание представления о корпорациях и иных аналогичных организациях как о необходимых и незаменимых «ревнителях общественного блага», защитниках интересов всех слоев населения; ограждение их от все более нарастающей критики со стороны широких слоев общества и давления со стороны профсоюзов, а также многочисленных молодежных и других организаций, общественного мнения.

Основной целью теорий социально-политической ответственности бизнеса является не решение вопроса о его реальной моральной и иной ответственности, а, скорее, наоборот, снятие с него любого вида ответственности.

Нет никаких сомнений в том, что в случае дальнейшего нарастания тенденции укрепления олигархического капитала во властных структурах российского правового государства и в будущем данные теории будут весьма востребованы в идеологии постсоветского государства.

Разумеется, речь при этом идет лишь о теориях апологетического характера, оправдывающих дальнейшее усиление власти и влияние олигархического капитала во имя интересов всего народа не только в экономической, но и в других сферах жизни современного российского общества. Однако при этом не имеются в виду весьма востребованные современной российской действительностью теории не о формальной, а о реальной юридической и социально-политической ответственности крупного, олигархического бизнеса.

Следует заметить, что оснований для каждого из этих видов ответственности, как свидетельствует опыт существования и функционирования олигархического капитала в постсоветской России, более чем достаточно. Они связаны, по справедливому утверждению исследователей, как с процессом возникновения российского олигархического капитала в результате мошенниче-

ской приватизации общенародной собственности в 1990-е гг., так и с процессом его последующего функционирования, следствием которого является баснословное обогащение одних (небольшой кучки связанных с государственной властью дельцов) за счет обнищания всех остальных.

Констатируя данный факт, касающийся прежде всего процесса возникновения олигархического капитала в результате так называемой приватизации, ученые-юристы утверждают, что приватизация проводилась не по законам, а по «понятиям». Право было грубо отодвинуто в сторону, оказавшись бессильным в своем противостоянии волюнтаристской, а следовательно, неправовой политике. Принимались «крутые» решения без оглядок на право и закон. В результате ученые резюмируют: «У нас и сейчас значительная часть экономики мафиозно-теневая».

В силу того что олигархическая собственность (бизнес) создавалась не по закону, она изначально была и остается на сегодняшний день незаконной. А так как эта собственность приобреталась не только без поддержки народа, но и вопреки ей, она была и остается полностью нелегитимной.

Список литературы

1. *Быков И. К.* Буржуазные концепции «социальной ответственности бизнеса» // США. Экономика, политика, идеология. – 1976. – № 1.

2. *Матузов Н. И., Ушанова Н. В.* Возможность и действительность в российской правовой системе. – Саратов, 2010.

3. American Business Law Journal. – 1980. – N 2. – P. 259–267.

4. *Bower J.* On the Amoral Organization // The Corporate Society / ed. by R. Marris. – New York, 1984.

5. *Campbell T., Miller S.* (eds.). Human Rights and the Moral Responsibilities of Corporate and Public Sector Organisations. – L., 2004.

6. *Daubler W.* Corporate Social Responsibility: A Way to make Deregulation more Acceptable? // Blanpain R., Hendrickx Fr. (eds.). Labour Law between Change and Tradition. – New York, 2011.

7. *Davis R., Robert L*. Business, Society and Environment. – New York, 1985.

8. Foreign Corrupt Practices Act of 1977, 15 U.S.C., § 78 (Supp. 11, 1979).

9. *Martin-Ortega O., Eiroglu M.* The European Corporate Social Responsibility Strategy // Orbie J., Fortell L. (eds.). European Umion and the Social Dimention of Globalization. How the EU influences the World. – New York, 2009.

10. *McGee R.* Legal Ethics, Business Ethics and International Trade: Some neglected issues // Cardozo. Journal of International and Comparative Law. – 2002. – N 1. – P. 109–211.

11. Poddling Influence // Time. – 1986. – March 3. – P. 24–25.

12. *Rockefeller D*. Adress Delivered to the Advertising Council // Los Angeles Time. – 1971. – Jan.

13. Social Responsibilites of Business Corporations. – New York, 1971.

14. The Social Conscience of Business / ed. by Ph. Sparer. – Memphis, 1974.

15. The Wall Street Journal. – 1991. – February 27.

16. Time. – 1986. – April 14. – P. 54–55.

17. *Votaw D., Sothi S.* The Corporate Dilemma. Traditional Values Versus Contemporary Problems. – New York, 1973.

18. Zimmerman J. Irish State – Sponsored Bodies: The Fractionalization of Authority and Responsibility // Planning and Administration. – 1985. – P. 39–52.

Развитие правового обеспечения государственной системы определения социальной кредитоспособности в современном Китае

Т. Э. Зульфугарзаде
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Development of Legal Enforcement of the State System for Determining Social Creditworthiness in Modern China

T. E. Zulfugarzade
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: zulfugarzade.te@rea.ru

Аннотация

В представленной статье автором определены основные направления и концептуальные подходы в сфере правового обеспечения надлежащего функционирования системы определения социальной кредитоспособности по законодательству Китайской Народной Республики, выявлены позитивные возможности и перспективы ее внедрения, а также юридической оптимизации регулятивных мер, направленной на снижение рисков, которые возникают и могут возникнуть в последующем, что способно повлечь за собой нарушение прав личности, прежде всего права на защиту персональных данных. Методика исследования основана на определении и конкретизации нарушений, учитываемых при определении текущего социального рейтинга граждан, в их непосредственной связи с защитой прав и охраняемых законом интересов личности. Научную новизну исследования определяют предложения автора, направленные на совершенствование правового обеспечения рассматриваемого в работе социального рейтингования применительно к действующему китайскому законодательству, а также к законодательному регулированию аналогичных видов рейтингов в других странах, внедривших элементы такой системы и продолжающих их дальнейшее развитие. Автор приходит к выводу о том, что возникает объективная необходимость более подробно исследовать основы правового обеспечения указанной системы социального рейтингования во взаимодействии с правами человека, а также противодействия коррупции и актам терроризма, иных преступлений и профилактики правонарушений.

Ключевые слова: юриспруденция, право, права человека, правовое обеспечение, регулирование обеспечение, социальный рейтинг, кибернетический, аналитический, интернет-право, коммуникации, мониторинг, свободный доступ, регламент, интернет-вещей, интернет-технологии, цифровая экономика, правоохранительная деятельность, большие данные.

Annotation

In the presented article, the author identified the main directions and conceptual approaches in the field of legal enforcement for the proper functioning of the system for determining social creditworthiness under the laws of the People's Republic of China, positive opportunities and prospects for its implementation, as well as legal optimization of regulatory measures aimed at reducing risks that arise and could arise in the future, which may entail a violation of the rights of the individual, especially the right to protection of personnel data. The research methodology is based on defining and specifying violations taken into account when determining the current social rating of citizens, in their direct connection with the protection of the rights and legally protected interests of the individual. The scientific novelty of the research is determined by the author's proposals aimed at improving the legal support of the social rating considered in the work in relation to the current Chinese legislation, as well as to the legislative regulation of similar types of ratings in other countries that have introduced elements of such

a system and continue their further development. The author comes to the conclusion that an objective need to investigate in more detail the basis of the legal support of this social rating system in cooperation with human rights, as well as combating corruption and acts of terrorism, other crimes and crime prevention arises.

Keywords: jurisprudence, law, human rights, legal enforcement, enforcement regulation, social rating, cybernetic, analytical, Internet law, communications, monitoring, free access, regulations, Internet of things, Internet technologies, digital economy, law enforcement, big data.

В современных условиях продолжающихся процессов глобализации, сопровождающихся неуклонным развитием цифровой экономики, в том числе sharing economy (экономика в свободном доступе), а также кибераналитических систем мониторинга социального поведения граждан, органы управления прежде всего индустриально развитых государств мира в целях предотвращения противоправных деяний и повышения уровня обратной связи с народонаселением внедряют все новые методы и применяют инновационные средства контроля поведения социума, так называемую систему «социального рейтинга» (social credit). Наиболее значимых достижений в данном направлении на сегодняшний день, судя по материалам открытых источников информации, достигли специалисты по кибернетическому социальному управлению поведением граждан в Китайской Народной Республике (КНР, Китай), постепенно внедряя и развивая указанную систему, направленную на определение социальной кредитоспособности своих граждан. В этой связи возникает объективная необходимость более подробно исследовать основы правового обеспечения указанной системы социального киберрейтингования и проанализировать основные направления его развития во взаимодействии с правами человека.

В соответствии с резолюцией 2014 г. Государственного совета КНР «Проект плана по построению системы социального кредитования (2014–2020)» (Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020)) [7], государственная система определения социальной кредитоспособности (Social Credit Scheme или SCS – Social Credit Score) до 2020 г. станет обязательной для всех жителей Китая. В указанной резолюции Госсовета КНР также определено, что все участники госсистемы определения социальной кредитоспособности будут обязательно, без учета их желания оцениваться по шкалам их «коммерческой честности» (commercial sincerity), «социальной обеспеченности» (social security), «ответственности» (trust breaking) и «юридической надежности» (judicial credibility).

Основными направлениями осуществления на добровольной основе мониторинга в указанных направлениях, внедренного и постоянно действующего на всей территории Китая с мая месяца 2018 г. [2], осуществляемого в целях «ускорения строительства механизмов государственного доверия и обязательств» [7] и направленного на обобщение всех данных о кредитоспособности заемщиков [6], являются своевременная и правильная оплата коммунальных услуг и товаров в розничных торговых сетях, приобретенных билетов на железнодорожный и авиационный транспорт, погашение кредитов; поведение в социальных интернет-сетях (как в свободное время, так и в рабочее), включая данные о быстроте ответов на электронные письма (запросы) делового характера. Информация собирается из открытых источников, прежде всего электронных, при этом учитываются любые сведения, предоставленные третьими лицами. Таким образом, для граждан Китайской Народной Республики, по заявлению Национальной комиссии развития и реформ КНР [1], постепенно вводится система социального рейтингования, направленная на оценку девиантного поведения, кредитной истории с учетом в том числе того, какие товары тот или иной гражданин приобретает, как ведет себя в повседневной жизни, в рабочее время, при общении в социальных сетях и т. п., учитывая данные, предоставленные любыми (третьими) лицами.

Рассмотрим правовые последствия проводимого мониторинга.

На основе электронного и обычного наблюдения за гражданином – резидентом КНР уполномоченными государственными и муниципальными органами власти и управления каждому гражданину присваивается (определяется его) социальный рейтинг (посредством выставления оценок, баллов), результаты которого прямо или косвенно определяют его последующие преферентные возможности. В случае негативного поведения нарушитель лишается преференций частично или в полном объеме, другими словами, подвергается штрафным санкциям. Так, в

частности, резидент КНР, имеющий недостаточно высокий (низкий) социальный рейтинг, может быть на один год официально лишен возможности приобретать билеты на авиационный и железнодорожный транспорт, арендовать квартиры, гостиничные номера, автомобили, скутеры и велосипеды; банковские учреждения могут начать отказывать ему в получении льготных кредитов вплоть до полного запрета кредитования до изменения ситуации с персональным социальным рейтингом такого нарушителя.

Достаточно большое число граждан-резидентов уже положительно отнеслись к процессам и последствиям внедрения исследуемой системы мониторинга, его правовому обеспечению. Действительно, последние десятилетия политических потрясений и эндемической, свойственной Китаю, коррупции и криминогенной обстановки, прежде всего в социально-экономической сфере, породили широкое недоверие населения; при продвижении по социальной лестнице большинство граждан КНР по-прежнему полагаются на сети близких родственников (гуанси), а не на государственные учреждения, т. е. система социальных лифтов работает пока недостаточным образом. Упомянутое эндемическое отсутствие доверия разъедает общество; участились случаи так называемого побочного эффекта, когда люди, отказывавшиеся помогать пострадавшим незнакомцам из опасения понести за это ответственность, фактически стали национальным позором. Даже самые восторженные представители среднего класса, сторонники правящей Коммунистической партии (КПК), постоянно испытывают неуверенность. «Мошенничество стало более распространенным, – недавно признал Л. Вэйлянь, заместитель председателя Национальной комиссии КПК по развитию и реформам. – «Мошенники должны расплачиваться» [6]. Подобный подход руководства государства способствует правильной мотивации граждан Китая, в целом способствует формированию правосознания, обеспечивает гармоничное правовое воспитание, защищает права личности (при наличии общественного договора о добровольном отказе от запрета на мониторинг открытых данных каждого резидента), формирует легитимный фундамент для развития правовой культуры и в основном находится в пределах правового поля.

По-видимому, решение этой проблемы лежит во внедрении опирающейся на базы данных системы, которая автоматически отделяет хорошее от плохого и плохое от уродливого. При этом, как отмечено выше, общественный договор о добровольном отказе от запрета сбора данных на граждан вызывает у научной общественности определенные опасения, прежде всего связанные с возможностью «беспрецедентного ужесточения диктаторского надзора за населением» [3]. В указанной связи немаловажно отметить, что постепенное, но менее быстрое внедрение подобных систем происходит и в других странах, в том числе в США, Великобритании, государствах – членах Евросоюза, Японии, России и др., установивших, в частности, запрет на пересечение государственной границы своим гражданам, имеющим определенные в судебном порядке задолженности, превышающие установленные размеры.

Говоря о нашей стране, полагаем важным отметить, что стратегия развития цифровой экономики, в том числе процессов последовательной цифровизации всей системы госуправления, направленной на повышение ее прозрачности, что является мощнейшим фактором противодействия коррупции, определена Президентом Российской Федерации в его ежегодном послании Федеральному собранию от 1 марта 2018 г. [4]. Также в целях повышение качества госуправления цифровизация нормотворческой деятельности определена, в частности, в задачах № 10.7 и 10.8, изложенных в документе «Публичная декларация целей и задач Минэкономразвития России на 2018 год» [5] и др.

Возвращаясь к предмету исследования, отметим, что в настоящее время в КНР уже задействованы коммерческие версии рассматриваемой зарождающейся национальной программы мониторинга и социального рейтингования. Так, например, Ant Financial, финансовое подразделение гиганта электронной коммерции – компании Alibaba (Alibaba Group, негосударственная китайская коммерческая организация, осуществляющая деятельность в сфере интернет-торговли; является владельцем B2B-веб-портала Alibaba.com), проводит пилотную апробацию (тестирование) системы оценки заемщиков Sesame Credit, которая предлагает лучшим из потенциальных заемщиков ряд дополнительных льгот, например в виде повышения классности путешествий и аренды автомобилей. Пока система Sesame, присваивающая рейтинги от 350 до 950, остается слишком непонятной и сложной

для потребителей. Интернет-компания Alibaba в этой связи разъясняет, что даже такие безобидные действия, как просмотр в ночное время интернет-сайтов или покупка видеоигр, могли бы привести к снижению рейтинга из-за безответственного поведения. Один студент-старшекурсник увидел, что его рейтинг упал до 350 после того, как его имя упомянули в неурегулированном гражданском иске: Sesame автоматически внес его в список так называемых лаолай, авантюристов, «поднадзорных, утративших доверие» [6].

Самым худшим, по нашему мнению, может стать сценарий высокотехнологичной диктатуры, массовой слежки и доносительства в развивающемся инновационном (цифровом, цифровизированном, диджитализированном) мире, в котором послушно выполняющие все требования и указания будут вознаграждены допингом в виде ускоренного получения виз на въезд в страны с лояльными таможенными режимами (в развивающихся странах с большими долгами перед КНР участники его программы «Один пояс и один путь» (выдвинуто Китаем в 2010 г., предполагающее последующее объединение проектов «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI столетия») будут должны в конечном итоге соблюдать эмиграционные и другие требования, установленные Китаем). В свою очередь те, кого система сочтет несоответствующими установленным критериям и правилам, будут надолго отлучены от основных общественных благ и преферентных возможностей. Метод определения таких нарушителей как раз и является одним из самых тревожных аспектов исследуемой системы, нарушающим права и свободы человека и гражданина. В указанной связи известный специалист по китайскому законодательству Калифорнийского университета в Беркли (США) С. Любман отмечает, что у него «нет никаких оснований сомневаться, что нынешние усилия направлены на создание более авторитарного государства» [6].

Точно так же субъективно и представление о «хорошем» поведении. Отметим, что Sesame Credit автоматически повышает рейтинги клиентов, покупающих, например, продукты питания или промтовары, т. е. именно те товары, приобретение которых свидетельствует о стабильности данных представителей среднего класса. Отчасти это объясняется тем, что Sesame фактически «призван стимулировать виды поведения, приносящие прибыль для Alibaba» [8], как объясняет управляющий директор консалтинговой компании Marbridge Consulting в Пекине М. Наткин. По его мнению, это такие виды поведения, как, например, «интенсивное онлайн- и офлайн-использование Alipay, платежного инструмента Alibaba, и стремление пользователя набрать больше друзей, чтобы присоединить их к социальной сети Alipay. Система Sesame весьма удобна для пользователей среднего класса, потому что они имеют высокий рейтинг и могут получить свои деньги назад за непонравившиеся им покупки, совершенные онлайн, быстрее» [6].

А после того как государственная система определения социальной кредитоспособности станет обязательной в 2020 г., эти теневые алгоритмы, скорее всего, станут еще более непрозрачными. Социальная кредитоспособность пойдет рука об руку с госполитикой, чтобы стать еще одной формой правоохранительной деятельности. Поскольку КНР была вынуждена смягчить свою политику «Одна семья – один ребенок», чтобы справиться с проблемой старения населения (400 млн пожилых в 2035 г.), государство все больше склоняется к виду национального натализма (политики поощрения роста рождаемости в обществе) для поощрения большего числа семей с двумя и более детьми. В указанной связи представляется возможным предположить, что со временем могут быть введены наказание для одиноких бездетных граждан и поощрения для семей, где один или оба супруга отказались от карьеры ради продолжения рода.

В то же время внешние наблюдатели согласны с тем, что такая ситуация, вероятно, не может обещать ничего хорошего для многих ничего не подозревающих граждан: мало кто сомневается в уязвимости этой системы к коррупции, мошенничеству и некомпетентности, которые наносят урон многим в китайском обществе. Немаловажно изначально законодательно определить, кто именно будет иметь доступ к ее данным и как они смогут использовать их или злоупотреблять ими; какая юридическая ответственность будет распространяться на органы управления и их должностных лиц в случае злоупотребления собранными данными, а также за противоправное манипулирование, изменения, подделку или хищение и некорректную передачу таких данных.

Частные данные в Китае уже открыто (и недорого) доступны на таких электронных ресурсах, как Taobao от Alibaba, подобных eBay, что, в

свою очередь, делает эту компанию косвенно ответственной за сбор и продажу данных о ее клиентах. Мошенничество и кража личных данных требуют введения предупредительных и пресекательных мер, а также мер юридического воздействия на правонарушителей. Так, в частности, электронный ресурс Sesame Credit запрашивает такие строго конфиденциальные персональные данные, как, например, информация о дипломах о полученном образовании и документах о праве собственности, которые должны быть загружены в его облачное хранилище, чтобы повысить кредитоспособность пользователей. Эксперты по кибербезопасности считают, что такого рода централизованная цифровая база представляет собой повышенный интерес для хакеров, что требует более существенной правовой и кибернетической защиты.

Между тем, как сообщают в финансовых СМИ Китая, коммерческие системы, отраженные в этой базе данных, уже подвергаются взломам, а микро-кредиторы используют ее для обмана клиентов. Электронная площадка Sesame Credit в настоящее время «не в состоянии контролировать качество данных, представленных партнерами-кредиторами; содержащиеся в ней данные очень часто содержат в себе ошибки в идентификации пользователей, а некоторые кредиторы преднамеренно искажают информацию о пользователе; они фактически предпочтут занести их избранных клиентов в черный список, к которому имеют доступ и другие кредиторы, для того чтобы другие платформы отвергли такого клиента, что позволит изначальному кредитору сохранить к нему свой эксклюзивный доступ» [8].

И дело не только в том, что электронные площадки и злоумышленники стремятся быть в курсе новейших уловок: высокотехнологичные китайцы, уже привыкшие к тому, что их персональные данные собирают и подвергают надзору, задаются вопросом о возможности фальсификации своих рейтингов, а предприимчивые хакеры будут более чем готовы оказать им помощь. На популярном сайте вопросов и ответов Zhihu пользователи постоянно спрашивают, как им повысить свой рейтинг, и получают бесплатный доступ к такого рода услуге, что ставит под сомнение надежность всей системы социального рейтингования. Пользователь Zhihu объясняет, что он просто применяет прошлый шаблон поведения к новой модели. В частности он рекомендует, например, фиктивно разводиться с целью преодоления ограничений на приобретение жилья либо, наоборот, фиктивно вступать в брак для получения налоговых льгот или обхода ограничений на вождение автомобиля в крупных городах, попросив нескольких знакомых помочь сыграть в лотерею с лицензионными автомобильными номерами.

Полагаем, что рейтинги социальных кредитов создадут также более сильное препятствие для участия в антисоциальном поведении: например, для арендодателя, единолично решившего не возвращать гарантийный депозит, или для пользователя велосипеда общего доступа, который паркуется посередине улицы. Такого рода повседневные конфликты практически в любом обществе будет вызывать справедливое негодование и возмущение, что приведет со временем к принятию более серьезных мер правового воздействия на нарушителей.

По мнению известного американского политического деятеля, внештатного редактора издания National Affairs Д. Пулоса, «хотя западный истеблишмент и осуждает цифровое негативное будущее Китая, при этом он и сам приближается к принятию подхода в «Китай-лайт»-режиме к онлайн-надзору, когда одобренные правительством алгоритмы забанивают официально неприемлемые речи и изображения» [8]. И действительно, китайский опыт способствует внедрению в других государствах аналогичных систем, обладающих похожими недостатками в сфере их правового обеспечения, что требует принятия превентивных мер.

С 2018 г. на железнодорожных и авиационных маршрутах Китая уже размещены объявления, предупреждающие пассажиров о том, что некорректное поведение на транспорте (например, курение или проездные документы, содержащие исправления) может негативно повлиять на их личный кредитный рейтинг. Аналогичного рода практика внедряется и в других странах, только там открыто предупреждают о возможных мерах правового характера. Со временем, надо полагать, речь также будет идти о социальном рейтинге и социальной кредитоспособности, что считается более толерантным и отнесено к мягким формам профилактики.

Завершая исследование, отметим, что для эффективной работы система определения социальной кредитоспособности требует от китайских граждан их полного доверия к государственным и муниципальным органам, а также к круп-

ным компаниям и корпорациям. В этом прежде всего и заключается основная суть проблемы: такого рода недостаточно прозрачная система, предлагающая буквально необходимость кодифицирования или правового закрепления кредитоспособности членов общества, которые по своей природе не обладают многими из ее факторов, с большой вероятностью подорвет доверие общественности к ней. Немногие граждане готовы сегодня сознательно пойти на риск подключения к такой схеме. Тем не менее, как отмечено выше, в полном объеме рассмотренная система заработает к 2020 г. Полагаем, что внесенные нами предложения по совершенствованию правового обеспечения системы определения социальной кредитоспособности позволят адаптировать ее к повседневным потребностям общественного порядка и надлежащим образом обеспечить защиту прав и охраняемых законом интересов личности.

Список литературы

1. Китайская «система социального рейтинга» будет определять ценность людей. – URL: https://inosmi.ru/social/20180220/241513806.html (дата обращения: 18.09.2018).

2. Китайцев с плохим «социальным рейтингом» перестанут пускать на самолеты и в поезда. – URL: https://tjournal.ru/67764-kitaycev-s-plohim-socialnym-reytingom-perestanut-puskat-na-samolety-i-v-poezda (дата обращения: 18.09.2018).

3. *Ковалич Л.* Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. – URL: http://carnegie.ru/commentary/71546 (дата обращения: 18.09.2018).

4. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. // Российская газета. – 2018. – 2 марта. – № 46 (7509). – URL: https://rg.ru/gazeta/rg/2018/03/02.html

5. Публичная декларация целей и задач Минэкономразвития России на 2018 год (утв. Минэкономразвития России). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_298390/

6. *Hunwick R. F.* How Do You Control 1.4 Billion People? – URL: https://newrepublic.com/article/148121/control-14-billion-people (дата обращения: 11.09.2018).

7. Planning Outline for the Construction of a Social Credit System (2014–2020) GF N 21 (2014). – URL: https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020 (дата обращения: 11.09.2018).

8. *Poulos J*. China's Digital Nightmare. – URL: http://theweek.com/articles/771198/chinas-digital-nightmare (дата обращения: 11.09.2018).

Сравнительная характеристика GDPR и российского законодательства о персональных данных

И. С. Денисов
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: is.denisov@mail.ru

Д. Р. Ахматова
студентка 3-го курса факультета экономики и права
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: akhmatova.dzhamilya@mail.ru

В. М. Кабакова
студентка 3-го курса факультета экономики и права
РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: vkabakova@list.ru

Comparative Characteristics of the GDPR and Russian Legislation on Personal Data

I. S. Denisov
PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: is.denisov@mail.ru

D. R. Akhmatova
Third-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: akhmatova.dzhamilya@mail.ru

V. M. Kabakova
Third-Year Student of the Faculty of Economics and Law of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: vkabakova@list.ru

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные причины разработки и внедрения Общего регламента по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR) Европейского союза, заменившего собой Директиву 95/46/EC (Data Protection Directive), принятую в 1995 г., выявлена актуальность применения данного регламента в российской практике. Методология работы основана на сравнительном анализе GDPR и Федерального закона № 152 «О персональных данных», благодаря чему были сделаны выводы об общих чертах и различиях основных положений. Научную новизну исследования определяют предложения авторов,

направленные на совершенствование законодательства, регулирующего проблемы защиты и обработки персональных данных. Возможность применения требований GDPR рассмотрена на конкретных примерах, что позволило выявить определенные критерии, которые показывают, что деятельность организации осуществляется в сфере действия GDPR. В заключение предлагаются пять этапов внедрения принципов GDPR в деятельность организации для наиболее эффективной работы с данными и соблюдения законодательства. Также в работе были рассмотрены некоторые спорные решения, связанные с обработкой персональных данных в российской и зарубежной практике на примере таких организаций, как «ВКонтакте», Facebook, Google, ICANN и EPAG.

Ключевые слова: персональные данные, конфиденциальность, цифровизация, информация, обработка данных, защита данных, GDPR, интернет, информационные технологии, контроль, анализ, регламент, процессор, контроллер, ЕС.

Abstract

This article examines the main reasons for the development and implementation of the General Data Protection Regulation (GDPR) of the European Union, which replaced the EU Data Protection Directive 95/46 adopted in 1995. In this article authors defined the relevance of the application of these regulations in the Russian practice. The methodology of the work is based on a comparative analysis of the GDPR and the Federal Law No. 152 “On personal data”, due to which conclusions about the general features and differences of the main provisions were made. The scientific novelty of the study is determined by the authors' proposals aimed at improving the legislation regulating the problems of protection and processing of personal data. The possibility of applying the provisions of the GDPR is considered on specific examples, which made it possible to identify certain criteria that show that the organization’s activities are carried out in the scope of the GDPR. In conclusion, five stages of introducing the principles of GDPR into the organization’s activities are proposed for the most efficient work with data and compliance with legislation. Also, some controversial decisions related to the processing of personal data in Russian and foreign practice were considered on the example of such organizations as VKontakte, Facebook, Google, ICANN and EPAG.

Keywords: personal data, confidentiality, digitalization, information, data processing, data protection, GDPR, Internet, information technology, control, analysis, regulations, processor, controller, EU.

Стремительное развитие технологий и глобализация породили новые проблемы в области защиты персональных данных. С этой целью европейские органы власти приняли решение создать прочную и согласованную систему защиты данных в Европейском союзе (ЕС).

В январе 2012 г. Европейская комиссия предложила новую реформу о защите персональных данных. Ее цель заключалась в том, чтобы вернуть гражданам контроль за своими данными, в то же время упростив нормативную среду бизнеса.

После четырех лет законодательных переговоров и около четырех тысяч поправок текст был окончательно принят Европейским парламентом 14 апреля 2016 г. Это положение получило название «Общие правила защиты данных», или General Data Protection Regulation (GDPR), заменило Директиву 95/46/ЕС (Data Protection Directive), принятую в 1995 г., и вступило в силу 25 мая 2018 г. [1].

GDPR преследует три основные цели:

1) укрепление прав физических лиц, данные которых используются;

2) определение ответственности всех сторон, занимающихся обработкой данных;

3) обеспечение доверия к регулированию данных в рамках цифрового суверенитета посредством расширения сферы применения санкций в случае невыполнения правил регламента [7. – С. 222].

Требования GDPR обязаны соблюдать не все компании, а только те, которые обрабатывают персональные данные резидентов и граждан ЕС. GDPR имеет экстерриториальное действие, т. е. местонахождение организации не имеет значения: она может быть как на территории ЕС, так и за ее пределами. Субъектами GDPR являются контроллеры и процессоры.

Контроллеры – это компании или организации, которые собирают данные пользователей.

Процессоры – компании, которые их обрабатывают от имени контроллеров.

Внедрение GDPR стало революционным шагом в сфере защиты информации и было встречено критикой. Многие противники GDPR считают нововведения административным бременем для стран ЕС. Однако на сегодняшний день все

больше компаний используют в своей деятельности стандарты GDPR.

Российские компании также проявляют интерес к новым стандартам защиты и обработки персональных данных. Так, Сбербанк России рассчитывает инвестировать 1 млн долларов в новые технологии защиты данных. Другие российские компании, такие как «Банк ВТБ», ОАО «РЖД», ПАО «Лукойл», также готовятся к внедрению европейского регламента [6].

Данная тенденция во многом обусловлена снижением доверия людей к обеспечению конфиденциальности их данных. Так, 85% покупателей не станут приобретать товар у компании, если посчитают ее недостаточно безопасной, а 61% может отказаться от транзакций из-за положений политики безопасности [9. – С. 5]. Данная статистика связана с ростом нарушений конфиденциальности информации.

Исследование показало, что на сегодняшний день особо острой является проблема кражи цифровой личности, к основным элементам которой относят историю посещений сайтов, геолокацию, данные в облачном хранилище и др.

В российской практике аналогом GDPR является Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Во многих вопросах Федеральный закон № 152 схож с GDPR. Так, можно выделить общие принципы обработки данных:

– законность процессов обработки персональных данных;
– справедливость процессов обработки персональных данных;
– понятность процессов гражданину;
– точность и актуальность данных;
– обработка только для заявленных целей;
– отсутствие избыточных данных;
– ограниченный срок сохранения;
– сохранность и конфиденциальность [9. – С. 14].

Рассматривая права субъектов, можно также выделить общие элементы:

– доступ к данным и информации об обработке;
– корректировка и дополнение данных;
– уничтожение данных (право на забвение);
– блокировка обработки данных;
– возражение против обработки данных;
– отзыв согласия.

Также имеются существенные различия в правах субъектов.

GDPR устанавливает дополнительные права для защиты персональных данных, которые могут быть рассмотрены в качестве рекомендации для совершенствования Федерального закона № 152:

– перенос данных (data portability right);
– получение копии данных (raw data).

Необходимо отдельно рассмотреть регулирование права на забвение, которое подразумевает уничтожение данных пользователей, так как вопрос о хранении персональных данных становится все более актуальным. В соответствии со статьей 17 GDPR, физическое лицо имеет право на незамедлительное удаление персональных данных контроллером, ответственным за обработку данных. Иными словами, данное право позволяет пользователям удалять видеоконтент, фотографии или любую другую информацию о себе, чтобы таким образом она стала недоступной для поисковых систем.

Чтобы воспользоваться правом на забвение и запросить удаление из поисковой системы, необходимо заполнить форму через сайт данной поисковой системы. Процесс запроса на удаление данных в Google требует от заявителя указания страны своего проживания, личной информации, списка подлежащих удалению URL-адресов, краткого описания каждого из них и приложения юридической идентификации [2. – С. 163]. Заявитель получает электронное письмо от Google, подтверждающее его запрос. Если он будет одобрен, персональные данные пользователя будут стерты.

Аналогичная процедура описывается в Федеральном законе № 152: «При обработке персональных данных должны быть обеспечены точность персональных данных, их достаточность, а в необходимых случаях и актуальность по отношению к целям обработки персональных данных. Оператор должен принимать необходимые меры либо обеспечивать их принятие по удалению или уточнению неполных или неточных данных. Хранение персональных данных должно осуществляться не дольше, чем этого требуют цели обработки персональных данных. Обрабатываемые персональные данные подлежат уничтожению либо обезличиванию по достижении целей обработки или в случае утраты необходимости в достижении этих целей, если иное не предусмотрено федеральным законом».

Также с 1 января 2016 г. вступили в силу поправки к федеральному закону об информации[1]. Согласно данным поправкам, граждане Российской Федерации имеют право обратиться к поисковым системам с запросом об удалении ссылок. Для этого следует так же, как в случае с Google, заполнить форму на сайте соответствующей поисковой системы, перечислив URL страниц, которые заявитель желает исключить из результатов поиска, а также указав причину обращения: распространение информации с нарушением законодательства Российской Федерации, недостоверность либо неактуальность представленных данных. Подобные формы обращения предлагают Mail.ru и «Яндекс». С момента вступления в силу поправок к федеральному закону об информации по состоянию на 25 марта 2016 г. «Яндекс» получил более 3 600 обращений от 1 348 человек, 27% обращений были удовлетворены полностью, 9% – частично, на 73% обращений «Яндекс» ответил отказом [2. – С. 163].

Анализируя деятельность контроллеров (согласно GDPR) и юридических лиц, осуществляющих сбор персональных данных (согласно Федеральному закону № 152), можно выделить следующие общие обязанности:

– принимать технические и организационные меры;

– документировать деятельность по обработке данных;

– оценивать риски;

– обеспечивать безопасность данных.

Существенным преимуществом GDPR перед Федеральным законом № 152 является закрепленная на законодательном уровне обязанность извещать регулятора и граждан о проблемах с данными [12].

Невыполнение правил GDPR ведет к наложению крупных штрафов вплоть до 20 млн евро или до 4% выручки. Максимальный штраф за нарушение закона «О персональных данных» составляет 75 000 рублей [4].

Регулярное систематическое наблюдение является приоритетным механизмом защиты персональных данных, согласно GDPR, и включает:

– мониторинг через умные устройства;

– трекинг местонахождения;

– видеомониторинг;

– программы лояльности;

– поведенческую рекламу;

– создание профилей и скоринг для оценки рисков.

GDPR выделяет специальные категории персональных данных, которые требуют особых правил обработки и защиты:

– медицинские данные;

– данные о сексуальной ориентации;

– генетические данные;

– данные о политических и религиозных взглядах;

– данные об этническом происхождение;

– данные о членстве в профсоюзе;

– биометрические данные для идентификации;

– данные о правонарушениях;

– данные об уголовных приговорах [9. – С. 28].

Рассмотрим ряд примеров применимости требований GDPR к организациям, работающим в разных сферах экономики.

1. *Торговая площадка в интернете*. На специальном веб-сайте представлены товары продавцов из Китая покупателям из стран ЕС, России и США. На сайте представлена возможность совершать покупки, включая их оплату и доставку, а также предъявлять претензии в техническую поддержку. При этом центр обработки данных может находиться либо в России, либо в ЕС, а разработчики сайта – в России. Деятельность ведется от имени нескольких юридических лиц [9. – С. 37].

В данном случае требования GDPR применимы ввиду того, что в процессе заказа товаров происходят сбор и обработка персональных данных граждан ЕС, таргетирование рекламы и индивидуальных предложений для них, а также обработка платежей и претензий.

2. *Интернет-магазин программного обеспечения*. Данный интернет-магазин является технологической платформой для организации взаимодействия покупателей и производителей программного обеспечения. Деятельность осуществляется по всему миру от имени нескольких юридических лиц. Следует отметить, что есть адресные коммуникации для лиц, находящихся в странах ЕС, а разработчики сайта и центра обра-

[1] Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации"».

ботки данных находятся на территории Российской Федерации [9. – С. 38].

Можно сделать вывод, что требования GDPR применимы. Это объясняется тем, что осуществляется сбор и обработка данных граждан ЕС и передача их производителям программного обеспечения.

3. *Российская часть глобальной розничной торговой сети*. Штаб-квартира сети находится на территории ЕС. Продажа товаров осуществляется через сеть магазинов организации на территории России. Предусматривается информационная рассылка через СМС-сообщения и сообщения по электронной почте. Целевой аудиторией являются лица, находящиеся на территории России.

В связи с тем, что наблюдается полное отсутствие ориентации фирмы на граждан ЕС или лиц, находящихся на его территории, требования GDPR не применимы [9. – С. 39].

4. *Логистическая компания, осуществляющая перевозки грузов между Европейским союзом и Россией*. Компания имеет собственный парк автомобилей, а также штат сотрудников, состоящий из водителей и экспедиторов – граждан ЕС и СНГ.

Требования GDPR применимы, так как предусмотрены сбор и обработка персональных данных водителей и экспедиторов, находящихся на территории ЕС.

5. *Разработчики и издатели компьютерных игр*. На технологической платформе представлены различные компьютерные игры и аксессуары к ним с целью продажи, включая оплату, перевод платежей производителям, доставку. Заказ можно сделать из любой точки мира, к тому же центры обработки данных расположены в разных юрисдикциях. Деятельность осуществляется от имени нескольких юридических лиц, и есть адресные коммуникации для лиц, находящихся на территории ЕС [9. – С. 41].

Требования GDPR применимы, потому что предусмотрена работа с персональными данными граждан ЕС.

Требования GDPR применимы и к таким организациям, как пассажирско-транспортная компания, осуществляющая перевозку пассажиров Россия – ЕС, ЕС – Россия; аренда автомобилей с возможностью выезда на арендованном автомобиле в ЕС; туристическая компания, организующая туры по Российской Федерации для клиентов из ЕС. Все эти компании объединяет тот факт, что для их деятельности необходимы сбор и обработка личных данных клиентов из ЕС [9. – С. 44].

Таким образом, многим фирмам, осуществляющим свою деятельность на территории России, но ориентированным на рынок ЕС, необходимо внедрить в организацию своей деятельности принципы GDPR.

Итак, можно выделить пять этапов внедрения GDPR.

Во-первых, необходимо проанализировать существующие бизнес-процессы организации и потоки данных. Выявить, обрабатываются ли персональные данные лиц, находящихся в ЕС, а также проанализировать применяемые для обработки персональных данных технологии. На основе этого нужно определить область применения GDPR.

Во-вторых, нужно выявить, какие процессы и системы требуют изменения для соответствия требованиям GDPR; определить потенциальные риски, связанные с GDPR, определить их приоритетность; разработать стратегию по приведению деятельности компании в соответствие с требованиями GDPR.

В-третьих, следует сформировать детальный план действий, необходимых для приведения процессов организации в соответствие с требованиями GDPR, а также определить необходимые ресурсы для проведения трансформации, ответственных за трансформацию лиц, и в дополнение к этому определить приоритетность выполнения задач, согласовать сроки выполнения со всеми заинтересованными сторонами.

В-четвертых, нужно спроектировать и реализовать внедрение организационных мер, необходимых для соответствия GDPR и обеспечить вовлеченность всех заинтересованных сторон в трансформацию процессов обработки и хранения персональных данных.

В-пятых, любая система требует регулярных проверок и обслуживания. В виду этого необходимо постоянно проводить анализ соответствия деятельности информационной системы организации требованиям GDPR.

Некоторые интернет-компании уже следуют требованиям GDPR. Например, популярная социальная сеть «ВКонтакте» хранит большую базу данных о своих пользователях. Так, отслеживается изменение имени пользователя, управление группами, все файлы и переписки, даже те, которые были удалены, все опубликованные записи и

комментарии за много лет [3]. В соответствии с Правилами защиты информации о пользователях сайта VK.com, приоритетной задачей правил является обеспечение надлежащей защиты информации о пользователях, в том числе их персональных данных, от несанкционированного доступа и разглашения [5].

Тем не менее как в российской, так и в зарубежной практике компании столкнулись с трудностями после принятия Общего регламента по защите данных. Так, первое судебное решение было принято в Германии. Сторонами разбирательства были интернет-корпорация по присвоению имен и номеров (ICANN) и регистратор EPAG Domainservices GmbH. ICANN стремилась обязать EPAG соблюдать «соглашение об аккредитации регистраторов», которое требует от регистраторов собирать административную и техническую контактную информацию для регистрации нового доменного имени. Суд постановил, что ICANN не может достоверно доказать, что сбор административной и технической контактной информации необходим в соответствии со статьей 5 GDPR, которая устанавливает, что личные данные могут собираться только для определенных, явных и законных целей и должны быть адекватными, релевантными и ограниченными тем, что необходимо в связи с целью. Поэтому EPAG не обязана собирать такие данные [11].

Другим спорным моментом является так называемая уличная фотография. В соответствии с GDPR, к персональным данным относится внешность человека, в связи с чем нельзя распространять фотографии людей, не получив при этом их согласия. Исключение сделано для публикации в общественных интересах, сбора информации для архивов или научных исследований, а также для полиции, если, например, речь идет о фото преступника (статья 89 GDPR) [10].

При этом съемка может осуществляться свободно. К примеру, если фотограф запечатлел людей на оживленной площади без их согласия, то, чтобы не нарушить закон, он может представить это фото публике, размазав изображения лиц, полностью уничтожив эстетичность.

Санкции, предусмотренные за нарушение регламента, направлены в первую очередь на крупные компании, хранящие персональные данные пользователей, например, Facebook или Google. Так, появление GDPR было спровоцировано серией скандалов с утечками информации из социальных сетей. Один из таких примеров – консалтинговая компания Cambridge Analytica, которая собрала персональные данные 50 млн пользователей Facebook, чтобы затем продавать им таргетированную политическую рекламу [13]. За такие действия теперь предусмотрены крупные штрафы.

В то же время для частных лиц финансовые санкции за нарушение новых требований в регламенте не прописаны. Однако в комментариях к регламенту оговаривается, что сумма штрафов устанавливается с учетом доходов человека и что финансовое взыскание можно заменить на предупреждение, если нарушение совершено впервые и является незначительным [8].

Таким образом, несмотря на то, что принятие GDPR является важным шагом в регулировании информационных потоков, судебная практика находится на стадии формирования. Многие организации ждут возникновения правоприменительной практики для правовой определенности в работе с данными.

Список литературы

1. Анализ возможных последствий и влияния Регламента General Data Protection Regulation (GDPR) Европейского союза на бизнес российских операторов персональных данных, предоставляющих услуги через интернет для лиц в странах ЕС в контексте действующего и вступающего в силу регулирования в Российской Федерации. – URL: https://internetinstitute.ru/wp-content/uploads/2017/10/GDPR.pdf (дата обращения: 12.01.2019).

2. *Леденцова И. А.* Право на забвение: можно ли затеряться в виртуальной толпе? // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2017. – № 3. – С. 161–164.

3. Какие данные «ВКонтакте» выдает пользователям из Евросоюза по GDPR. – URL: https://tjournal.ru/law/75265-kakie-dannye-vkontakte-vydaet-polzovatelyam-iz-evrosoyuza-po-gdpr (дата обращения: 17.01.2019).

4. Ответственность за нарушение закона о персональных данных. – URL: http://www.garant.ru/actual/persona/otvetstvennost/ (дата обращения: 12.01.2019).

5. Правила защиты информации о пользователях сайта VK.com. – URL: https://vk.com/privacy (дата обращения: 17.01.2019).

6. *Стукалов А. С.* Европейская модель регулирования информационных отношений в сети «Интернет» // Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 1. – С. 129–132.

7. *Удовиченко Ю. Г., Ногаева В. У*. General Data Protection Regulation // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8 (93). – С. 221–224.

8. Data Breach Statistics. – URL: http://breachlevelindex.com (дата обращения: 12.01.2019).

9. GDPR: практика реализации требований. – URL: http://www.aig.ru/content/dam/aig/emea/russia/documents/reports/gdpr_pwc.pdf (дата обращения: 12.01.2019).

10. General Data Protection Regulation. – URL: https://gdpr-info.eu/ (дата обращения: 17.01.2019).

11. Germany: First Court Decision on GDPR. – URL: https://blogs. dlapiper.com/privacymatters/germany-first-court-decision-on-gdpr/ (дата обращения: 17.01.2019).

12. 2018 Reform of EU Data Protection Rules. – URL: https://ec.europa.eu/commission/priorities/justice-and-fundamental-rights/data-protection/2018-reform-eu-data-protection-rules_en (дата обращения: 17.01.2019).

13. *Cadwalladr C*., *Graham-Harrison E*. Revealed: 50 Million Facebook Profiles Harvested for Cambridge Analytica in Major Data Breach. – URL: http://www.theguardian.com/news/2018/mar/17/cambridge-analytica-facebook-influence-us-election (дата обращения: 17.01.2019).

Преобразование юридических лиц по законодательству иностранных государств на примере Великобритании и Испании

Р. А. Курбанов
доктор юридических наук, профессор, директор Института правовых исследований и региональной интеграции, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: mos-ssp@mail.ru

Р. А. Гурбанов
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: ramingurbanov@yahoo.com

А. М. Белялова
исполняющая обязанности заведующего отделом международного сотрудничества ИЗиСП.
Адрес: ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», 117218, Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34.
E-mail: asyulya@mail.ru

Transformation of Legal Entities according to the Legislation of Foreign States on the Example of Great Britain and Spain

R. A. Kurbanov
Doctor of Law, Professor, Director of the Research Institute of Legal Studies and Regional Integration, Head of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: mos-ssp@mail.ru

R. A. Gurbanov
Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: ramingurbanov@yahoo.com

A. M. Belyalova
Acting Head of the Department of the International Cooperation of the ILCL.
Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 34 B. Cheremushkinskaya Str., Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: asyulya@mail.ru

Аннотация

Данная статья является исследованием правовых форм преобразования коммерческих организаций согласно положениям Закона Великобритании «О компаниях» 2006 г., который играет роль образца для развития норм корпоративного права для бывших колоний Великобритании и некоторых правопорядков, относящихся к континентально-правовой семье. Также данное исследование затрагивает такой типично кон-

тинентальный правопорядок, как Испания, где правовой режим коммерческих организаций движется в сторону унификации. Проанализированы основные акты, регулирующие вопросы создания и реорганизации юридических лиц, их статуса, Великобритании и Испании. Также исследуется введение в гражданское законодательство институтов индемнити, принципа эстоппель, институтов договора счета эскроу и опционного договора как пример диффузии норм англосаксонского права в российское гражданское законодательство. Авторы рассмотрели гражданско-правовую ответственность юридических лиц, которые отвечают своим собственным имуществом по обязательствам, возникшим в силу деятельности его органов и представителей, и пришли к выводу о том, что слияние коммерческих компаний по законодательству Испании нельзя рассматривать в качестве преобразования, поскольку оно возможно исключительно между коммерческими обществами, правовой режим которых унифицирован.

Ключевые слова: корпоративное право, преобразование, реорганизация, Испания, Великобритания, коммерческие организации, юридические лица, домициль, концессия, гражданско-правовая ответственность.

Abstract

This article is devoted to the study of the legal forms of commercial entities transformation under the provisions of Companies Act 2006, which play the role of the model for the company law development in former British colonies and some continental law jurisdictions. Also, this research pays attention to such typical continental law jurisdiction as Spain, where legal regime of commercial entities moves towards to the unification. The authors analyzed the main acts regulating the creation and reorganization of legal entities, their status issues in the UK and Spain. The authors also considered the introduction of indemnity institutions, the estoppel principle, the escrow account agreement institutions and the option agreement as an example of the Anglo-Saxon law diffusion into Russian civil legislation. The authors reviewed the civil liability of legal entities who are liable with their own property for obligations arising from the activities of its bodies and representatives. The authors also came to the conclusion that the merger of commercial companies under Spanish law cannot be considered as a transformation, since it is possible only between commercial companies whose legal regime is unified.

Keywords: company law, transformation, reorganization, Spain, Great Britain, commercial entities, legal persons, domicile, concession, civil liability.

Из всех отраслей законодательства система норм, регламентирующих отношения в сфере создания, изменения, прекращения деятельности юридических лиц, а также внутреннего управления юридическими лицами и отношениями по распределению имущества между его участниками, регулируемыми корпоративным правом, является наиболее унифицированной. Сложно найти отражение национальной специфики в нормах законодательства в целом, однако формы распределения дохода в объединениях юридических лиц в целом одинаковы почти во всех национальных юрисдикциях. Например, корпоративное законодательство большинства бывших английских колоний (которыми являются Австралия, Индия, ЮАР, Нигерия и абсолютное большинство офшорных юрисдикций) основано на Акте Великобритании о компаниях. В свою очередь, российское законодательство о юридических лицах имеет очевидные немецкие корни. Даже при условии полной одинаковости текстов нельзя делать выводы о фактической одинаковости правового регулирования.

Первым нормативным актом, регулирующим отношения в сфере внутренних дел акционерных копаний, стал Акт Великобритании об акционерных компаниях 1856 г.[1] Французский торговый кодекс 1807 г.[2] разрешал создание публичной компании с ограниченной ответственностью на основании прямого разрешения правительства, которое именовалось концессией (concession). Акт штата Нью-Йорк об учреждениях для производственных нужд 1811 г.[3], напротив, разрешал создание учреждений с ограниченной ответственностью, но исключительно для производственных нужд. Таким образом, современное корпоративное право Великобритании сформировалось под влиянием французского и американского права.

В 1612 г. судья сэр Эдвард Кок (Coke), характеризуя корпорацию (юридическое лицо) с правовой точки зрения, указывал, в частности, на то, что «…корпорация бессмертна и не может

[1] См.: Акт Великобритании об акционерных компаниях 1856 г. (Joint Stock Companies Act). – 19 & 20 Vict. – P. 47.

[2] См.: Французский торговый кодекс 1807 г. (Code de Commerce). Edition conforme a l'edition originale de l'imprimerie imperiale. A laquelle on a ajoute l'expose des motifs et une table analytique et raisonnee des matieres. – Paris, 1807.

[3] См.: Акт штата Нью-Йорк об учреждениях для производственных нужд (the New York Act Relative to Incorporations for Manufacturing Purposes). – 1811. – Sess. 34. – Chap. 67.

иметь ни предшественника, ни правопреемника»[1]. Почти через 400 лет данный подход был назван в этой части неприемлемым для современного права[2] .

Основным законом, регулирующим современные отношения в области преобразования компаний по английскому праву, является Акт Великобритании о компаниях 2006 г.[3] Согласно этому Акту, компании делятся на компании с неограниченной ответственностью (unlimited company) и на компании с ограниченной ответственностью (limited company). Разделение компаний на публичные и частные основано на критерии возможности свободного гражданского оборота долей на рынке – акции публичных компаний могут быть приобретены неограниченным кругом лиц. В случае формальной ликвидации компании участники компании с неограниченной ответственностью несут неограниченную имущественную ответственность всем своим имуществом. Палата компаний Великобритании (Companies House) содержит данные всего о нескольких тысячах компаний с неограниченной ответственностью[4]. Как правило, регистрация юридического лица в качестве компании с неограниченной ответственностью имеет своими причинами требования законодательства к компаниям, занимающимся определенными видами деятельности – от этих компаний не требуют предоставления финансовой отчетности. В качестве таковой в этой палате зарегистрированы, например, компания Credit Suisse International и одна из зависимых компаний GlaxoSmithKline Services Unlimited, при том что сама GlaxoSmithKline (GSK) зарегистрирована как публичная компания с ограниченной ответственностью.

Аналоги компаний с неограниченной ответственностью можно обнаружить в трех юрисдикциях Канады (провинции Альберта, Британская Колумбия, Новая Шотландия), в которых они именуются корпорациями с неограниченной ответственностью (unlimited liability corporations).

Англосаксонское право не содержит ограничений по преобразованию компании с неограниченной ответственностью в компанию с ограниченной ответственностью и наоборот.

Что же касается компаний с ограниченной ответственностью, то они могут выступать в следующих моделях ответственности участников (учредителей) по ее долгам: когда ответственность ограничена гарантией (limited by guarantee) или когда ответственность ограничена вкладом в капитал (limited by shares)[5]. Последняя может выступать как в качестве публичной (public limited company, PLC), так и частной компании (private limited company, limited или ltd).

Частная компания с ответственностью, ограниченной вкладом в капитал, и компания с неограниченной ответственностью, капитал которой разделен на доли, может быть зарегистрирована как публичная компания, но компания, капитал которой не разделен на акции, не имеет такого права.

Преобразование компаний по английскому праву осуществляется путем перерегистрации (re-registration). Согласно статье 89 Акта о компаниях 2006 г., юридически возможны преобразования:

– частной компании в публичную (статьи 90–96);

– публичной компании в частную (статьи 97–101);

– частной компании с ограниченной ответственностью в компанию с неограниченной ответственностью (статьи 102–104);

– частной компании с неограниченной ответственностью в компанию с ограниченной ответственностью (статьи 105–108);

– публичной компании в частную компанию с неограниченной ответственностью (статьи 109–111).

Преобразование юридических лиц по испанскому праву осуществляется в соответствии с

[1] См.: Case of Sutton's Hospital (1612) 77 Eng. Rep. 960.

[2] См.: Hazell v Hammersmith and Fulham LBC (1992) 2 AC 1.

[3] См.: Акт Великобритании о компаниях 2006 г. (the Companies Act). – P. 46.

[4] Палата компаний Великобритании является государственным органом исполнительной власти (исполнительным агентством), уполномоченным на государственную регистрацию всех компаний, создаваемых по праву Великобритании, и их обособленных подразделений.

[5] Ответственность, ограниченная размером гарантии, предполагает, что гаранты отвечают в пределах суммы, которую они указали в качестве гарантируемой. Ответственность, ограниченная размером вклада в капитал, означает, что ответственность вкладчиков капитала (capital investors) по долгам компании ограничена его размером.

Гражданским кодексом Испании[1], Торговым кодексом Испании[2], Законом Испании «Об обществах на основе капитала»[3], который заменил законы Испании об акционерных обществах и об обществах с ограниченной ответственностью, и с Законом Испании «О структурных изменениях в коммерческих обществах»[4].

Статьи 1665–1708 Гражданского кодекса Испании «Об обществах» (de las Sociedades) помещены не в раздел, относящийся к правовому режиму юридических лиц, а в раздел, касающийся договоров. Определение общества содержится в статье 1665 Гражданского кодекса Испании, в соответствии с которой общество – это договор, согласно которому два или более лица обязуются совместно получать денежные средства, иные блага или продукты производства в целях распределения между собой прибыли, хотя и не обязательно имеют признаки юридического лица[5]. Так, согласно статье 1679 Гражданского кодекса Испании, общество юридически действительно с момента подписания договора. Представляется, что эта тенденция может получить развитие, особенно учитывая то, что автономные сообщества на территории Испании имеют право создавать организационно-правовые формы юридических лиц (не говоря уже об организациях, не являющихся таковыми), которые не предусмотрены общим правом Испании.

Согласно статьям 35–39 Гражданского кодекса Испании, создаваемые по испанскому праву юридические лица делятся на юридические лица частного и юридические лица публичного права.

Также для испанского гражданского законодательства знакомо деление компаний на коммерческие (compañías mercantiles) и производственные (compañías industriales).

Если юридические лица частного права (Personas jurídicas de Derecho Privado) создаются на основе воли (выраженной в одностороннем, дву- или многостороннем волеизъявлении) частных лиц, то юридические лица публичного права (Personas Juridicas de Derecho Publico), так называемые корпорации (corporaciones), создаются как российские государственные корпорации и государственные компании законом напрямую (Directamente por la Ley) для выполнения функций, связанных с целями государства.

По общему правилу юридические лица частного права рассматриваются как созданные исключительно путем регистрации в соответствующем Реестре (Реестр Фондов (el Registro de Fundaciones), торговый реестр (el Registro Mercantil) для регистрации коммерческих обществ (las sociedades mercantiles) и приобретающие качества юридического лица независимо от факта их регистрации: ассоциации (las asociaciones) и гражданские общества (las sociedades civiles) [1].

Для характеристики правового статуса юридического лица испанское право выработало следующие критерии:

– правосубъектность (capacidad) возможность юридических лиц быть носителями прав и обязанностей (los Estatutos);

– национальность юридического лица (nacionalidad[6]): определение национальности юридического лица актуально тогда, когда к нему применяется испанское право (статьи 9, 11 Гражданского кодекса Испании. Согласно статье 28 того же документа, испанскими юридическими лицами являются юридические лица, признаваемые испанским законодательством и домицилированные в Испании;

[1] См.: Гражданский кодекс Испании (el Código Civil de España) // BOE núm. 206, de 25 de julio de 1889.

[2] См.: Торговый кодекс Испании (Código de Comercio) // BOE núm. 289, de 16/10/1885.

[3] См.: Закон Испании «Об обществах на основе капитала» (la Ley de Sociedades de Capital) // BOE núm. 161, de 3 de julio de 2010, páginas 58472 a 58594.

[4] См.: Закон Испании от 3 апреля 2009 г. № 3/2009 «О структурных изменениях в коммерческих обществах» (Ley 3/2009, de 3 de Abril, sobre Modificaciones Estructurales de las Sociedades Mercantiles) // BOE núm. 82, de 4 de abril de 2009, páginas 31928 a 31964.

[5] Среди субъектов частного права Испании существует большое количество форм ведения бизнеса, которые не соответствуют критериям юридического лица, однако имеют определенную автономию в техническом смысле (например, сообщество сособственников (las comunidades de bienes), сообщество собственников горизонтальной собственности на недвижимое имущество (las comunidades de propietarios en régimen de propiedad horizontal), временные объединения (las sociedades irregulares) и т. д.). Более того, к таким формам объединения относятся и квазисемейные объединения, именуемые parejas de hecho, которые не признаются браком, являясь лишь формой объединения лиц не образующих, впрочем, юридического лица (подробнее см.: [2. – С. 129]).

[6] Термин nacionalidad в испанской юридической терминологии означает «гражданство».

– местонахождение (domicilio): используется в качестве адреса доставки официальных уведомлений, переписки, исковых заявлений, направляемых юридическому лицу. Согласно статье 41 Гражданского кодекса Испании, домициль юридического лица определяется: 1) в соответствии с Законом о создании юридического лица или его учредительным актом; 2) местом, где осуществляется представление его интересов; 3) местом, где осуществляется его основная деятельность;

– гражданско-правовая ответственность (responsabilidad civil): юридические лица отвечают своим собственным имуществом по обязательствам, возникшим в силу деятельности его органов и представителей. Это относится как к договорной, так и к внедоговорной ответственности. В обществах (las sociedades) ответственность юридического лица ограничивается его собственным имуществом без распространения ее на личную собственность его участников (например, la sociedad anónima, а также la sociedad de responsabilidad limitada). В других случаях юридическая ответственность распространяется на личное имущество его участников на субсидиарной основе (de modo subsidiario) (т. е. в случае нехватки собственного имущества юридического лица, например в la sociedad civil) или на солидарной основе (de modo solidario) (т. е. когда учредители и само юридическое лицо несут ответственность перед своими кредиторами на основе принципа взаимной заменимости (de forma indistinta), например в коллективном предпринимательском сообществе (la sociedad mercantil colectiva)) [5. – P. 35–36].

Торговый реестр Испании (el Registro Mercantil), подчиняющийся Министерству юстиции Испании, осуществляет регистрацию индивидуальных предпринимателей, коммерческих обществ, кредитных и гарантийных обществ (в том числе обществ взаимного кредита), учреждений коллективного инвестирования (las instituciones de inversión colectiva) и пенсионных фондов и любых иных физических и юридических лиц, если это определено законом, а также групп (общего) экономического интереса (las agrupaciones de interés economico), а также любых других актов и договоров предусмотренных законом. Торговый кодекс Испании, следуя логике Гражданского кодекса о договорной природе обществ, регулирует договорные отношения по созданию компаний (статьи 116–122). Договор о создании торговой компании (el contrato de compañía) заключается двумя и более лицами, принимающими на себя обязанность вложить в общее имущество материальные блага с целью получения прибыли. Именно этот договор при условии соответствия обязательным требованиям права и является основным инструментом правового регулирования, за исключением тех его норм, которые прямо (expresamente) запрещены Торговым кодексом Испании (статья 117). В первоначальной редакции этот договор именуется первичным договором компании (el contrato primitivo de la compañía). Как этот договор, так и все последующие изменения подлежат государственной регистрации в торговом реестре.

Формами торговых обществ, согласно статье 122 Торгового кодекса Испании, являются

– регулярное коллективное торговое общество (la sociedad mercantil regular colectiva);

– коммандитное торговое общество la sociedad mercantil comanditaria (простое или на акциях simple o por acciones);

– акционерное общество (la sociedad mercantil anónima);

– общество с ограниченной ответственностью (la sociedad mercantil de responsabilidad limitada).

Наиболее распространенные торговые общества – коммандитное товарищество на акциях, акционерное общество и общество с ограниченной ответственностью – являются объединениями на основе капитала (sociedades de capital) (статья 1 (1) Закона Испании об обществах на основе капитала.

Такие формы юридического существования обществ, как акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью, предполагают разделение капитала на части (доли, акции), состоящие из вкладов всех участников обществ, при том, что они не несут личной ответственности по долгам обществ. Коммандитное товарищество на акциях отличается только тем, что один из его участников отвечает по долгам общества.

Статья 160 данного закона определяет компетенцию общих советов обществ, основанных на объединении капиталов. В частности, к его исключительной компетенции относится дача согласия на трансформацию, слияние, разделение и на такую специфическую для испанского корпоративного права процедуру, как передача прав и обязанностей иному лицу (la cesión global

de activo y pasivo), в том числе домицилированному в ином государстве нежели Испания.

Вопросам преобразования коммерческих обществ всех категорий посвящен специальный нормативно-правовой акт[1]. Видами структурных изменений (modificaciones estructurales), согласно данному акту, являются трансформация (transformación), слияние (fusion), разделение (escisión). Что же касается передачи прав и обязанностей иному лицу (cesión global de activo y pasivo), то она является видом преобразования только в случае, если его результатом является смена домициля коммерческого общества на иностранное государство (traslado internacional del domicilio social). Общее определение домициля юридического лица дано в статье 41 Гражданского кодекса Испании как место, где находится его юридическое представительство или где осуществляется его основная деятельность, если иное не предусмотрено законом, которым создается или признается данное юридическое лицо, или уставами или правилами его учреждения.

По мнению К. Пас-Ареса, основным критерием является критерий места учреждения, указанного в учредительных документах, а субсидиарным (в случае отсутствия такого указания) – критерий места, где находится подтвержденное юридическое представительство или где осуществляются его основные функции [6. – P. 572]. Однако, как отмечает М.-Л. Лопес Хугет, этот дополнительный критерий является игрой [4. – P. 88]. Как указывает М. Гарсия Альбадалехо, нормы специального характера, относящиеся к учреждению различных типов юридических лиц, содержат императивное требование об определении домициля в момент учреждения юридического лица как необходимого элемента его устава. Домициль официально подтверждается в документах, представляемых юридическим лицом для государственной регистрации по месту домицилирования [3]. Вместе с тем специальные нормы (статья 9 Закона Испании «Об обществах на основе капитала») предоставляют возможность выбора между местом, где находятся его основные средства или где осуществляется его основная хозяйственная деятельность (el que radique su principal establecimiento o explotación), или местом, которое поименовано в качестве центра реального управления (el que se halle el centro de su efectiva administración y direcció). При этом параграф 2 данной статьи требует, что общества, местонахождение основных средств которых или место осуществления основной хозяйственной деятельности которых осуществляется на территории Испании, должны быть домицилированы в Испании.

Трансформация, содержание которой в целом аналогично преобразованию юридического лица по российскому праву, предполагает изменение типа коммерческого общества при сохранении за ним юридического лица. Коммерческое общество вправе преобразоваться в любой другой тип коммерческого общества, указанный в статье 122 Торгового кодекса Испании. На трансформацию должен дать согласие (acuerdo) совет участников общества (la junta de socios). Это согласие предполагает одобрение баланса общества, предполагаемого к трансформации, и изменений, необходимых для формирования общества нужного типа. Согласие публикуется в Официальном бюллетене торгового реестра (Boletín Oficial del Registro Mercantil). Трансформация общества действительна с момента внесения соответствующих сведений (escritura pública de transformación) в торговый реестр для публичного ознакомления (статья 19 Закона Испании «Об обществах на основе капитала»). С этого момента преобразование может быть оспорено в течение трех месяцев.

Участники общества, не проголосовавшие за трансформацию, вправе отделиться от нового общества в порядке, принятом для обществ с ограниченной ответственностью.

Участники общества, которые в результате трансформации принимают на себя личную ответственность по обязательствам общества и не проголосовали за одобрение соглашения о трансформации, автоматически выбывают из общества. Оценка долей участия выбывающих лиц осуществляется согласно нормам об обществах с ограниченной ответственностью.

Слияние по испанскому праву возможно в гомогенной (объединение идентичных по типу коммерческих организаций) и гетерогенной (объединение различных по типу коммерческих организаций) формах. Однако и та и другая предполагает слияние двух коммерческих обществ, различие

[1] См.: Закон Испании от 3 апреля 2009 г. № 3/2009 «О структурных изменениях в коммерческих обществах».

между которыми по испанскому праву минимально[1].

Таким образом, тезис о преобразовательной роли слияния по испанскому праву не подтверждается – согласно статье 22 Закона Испании «Об обществах на основе капитала», слияние юридически возможно только в отношении коммерческих обществ, режим которых, как выяснилось, унифицирован.

Разделение (escisión) может рассматриваться как преобразование, поскольку, согласно параграфу 2 статьи 68 Закона «О структурных изменениях в коммерческих обществах»[2], общества, возникающие в результате разделения, могут быть иного типа, нежели те, которые подлежат разделению.

Наконец, передача прав и обязанностей иностранному юридическому лицу, с одной стороны, не меняет юридическую личность общества (параграф 1 статьи 94 Закона «О структурных изменениях в коммерческих обществах»[3]). Однако, с другой стороны, при домицилировании иностранного юридического лица на территории Испании оно должно соответствовать требованиям испанского законодательства, предъявляемым к соответствующему типу юридических лиц. Равным образом и домицилирование испанского коммерческого общества в иностранном государстве может осуществляться при условии, что это иностранное государство разрешает сохранение юридической личности общества (la personalidad jurídica de la sociedad).

Домицилирование на территории Испании юридического лица, представляющего собой коммерческое общество на основе капитала, созданного по законам иностранного государства, не входящего в Европейское экономическое пространство[4] (например, хозяйственные общества по законодательству России), обусловлено также требованием уведомить независимого эксперта о том, что стоимость его имущества (patrimonio neto) равна или превышает установленный для таких юридических лиц минимальный размер уставного капитала (абзац 2 параграфа 1 статьи 94).

Вместе с тем очевидно, что требование о сохранении юридической личности при смене домициля не предполагает обязательного сохранения типа юридического лица (в том числе его организационно-правовой формы). Испанское законодательство требует лишь сохранения за испанским юридическим лицом юридической личности в государстве будущего домицилирования, а за иностранным юридическим лицом домицилируемым на территории Испании – статуса коммерческого общества на основе капитала.

Несмотря на то, что российское гражданское законодательство традиционно формируется на основе институтов континентального права, а именно последняя реформа норм Гражданского кодекса Российской Федерации[5], посвященных правовому положению хозяйственных обществ (прежде всего акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью), наследует традиции Закона Великобритании «О компаниях»[6], очевидна аналогия российских публичных и непубличных акционерных обществ и создаваемых на основе английского закона публичных и частных компаний. Учитывая предыдущий опыт реформирования Гражданского кодекса Российской Федерации (введение институтов индемнити, принципа эстоппель и, наконец, введение в гражданское законодательство институтов договора счета эскроу и опционного договора), представляем правомерным говорить о смене вектора развития – диффузии норм англосаксонского права в российское гражданское законодательство.

Сложность квалификации того или иного действия как преобразования по испанскому праву состоит в том, что структура норм, регулирующих корпоративные отношения (в частности, отношения собственников долей (акций) коммерческих обществ), отличается от российской.

Так, структурные изменения и преобразования, предусмотренные Законом Испании[7], соот-

[1] Законы Испании об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью утратили юридическую силу с вступлением в силу унифицировавшего правовой режим.

[2] См.: Закон Испании от 3 апреля 2009 г. № 3/2009 «О структурных изменениях в коммерческих обществах».

[3] Там же.

[4] В него входят все государства – члены Европейского союза, а также Исландия, Норвегия и Лихтенштейн.

[5] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – 5 декабря. – № 32. – Ст. 3301.

[6] См.: Акт Великобритании о компаниях 2006 г. (the Companies Act).

[7] См.: Закон Испании от 3 апреля 2009 г. № 3/2009 «О структурных изменениях в коммерческих обществах».

носятся как род и вид. Вместе с тем разделение и смена юридическим лицом места домициля на иностранное государство могут являться формами преобразования в том же смысле, что и преобразование, предусмотренное российским законодательством о хозяйственных обществах, что прямо допускается испанским законодательством.

Испанское гражданское законодательство понимает юридическое лицо как институт договорного права. Правовой режим акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью, как и коммандитных товариществ на акциях, практически унифицирован в форме обществ, основанных на объединении капитала. Хотя аналогичное формирование можно наблюдать и в российском Гражданском кодексе в виде хозяйственных обществ, применительно к российскому корпоративному праву нельзя говорить о столь же значительной унификации правового статуса – Федеральные законы «Об обществах с ограниченной ответственностью» и «Об акционерных обществах» сохраняют силу, в отличие от аналогичных законов Испании. Слияние коммерческих компаний нельзя рассматривать в качестве преобразования, поскольку оно возможно исключительно между коммерческими обществами, правовой режим которых унифицирован. Разделение может рассматриваться как преобразование, если юридические лица, возникающие в результате разделения, относятся к иному типу, нежели подлежащие разделению, что прямо допускается испанским законодательством.

Поскольку требование о сохранении юридической личности при смене домициля не предполагает обязательного сохранения типа юридического лица (в том числе его организационно-правовой формы), смена домициля однозначно является преобразованием. Испанское законодательство требует лишь сохранения за испанским юридическим лицом юридической личности в государстве будущего домицилирования, что достаточно легко соблюдать, однако, как уже было сказано в начале данной статьи, даже полностью одинаковый текст правового акта не означает фактической тождественности правового регулирования. Очевидно, не означает этого и идентичность наименований организационно-правовых форм юридического лица в двух разных правопорядках.

Список литературы

1. Гражданское и торговое право зарубежных стран / под общ. ред. Р. А. Курбанова. — Москва: Проспект, 2016.

2. *Гулиева Н. Э* Соотношение общенационального правового режима имущества супругов по праву Испании и норм права автономных сообществ Испании, регулирующих семейно-имущественные отношения // Современное право. – 2018. – № 12. – С. 128–133.

3. *García Albadalejo M.* Comentario al Artículo 40 y al Artículo 41 del Código Civil, en AA.VV. Comentario al Código Civil y Compilaciones Forales, I. 3. – Madrid, 1993.

4. *Huguet López M.-L.* El Domicilio de las Personas Jurídicas: Evolución Desde el Derecho Romano y Significado Actual // REDUR 6. – 2008. – P. 69–94.

5. *Manuel Díez Soto C.* Lecciones de Introducción al Derecho Civil. – Cartagena : Universidad Politécnica de Cartagena, 2008.

6. *Paz-Ares C.* La Sociedad Mercantil: Atributos y Límites de la Personalidad Jurídica // Pedro Pablo Contreras Curso de Derecho Civil (I): Derecho Privado. Derecho de la Persona "Las personas jurídicas". Editorial Colex. – Madrid, 2015.

Наследственные договоры в семейных отношениях: новеллы российского законодательства

О. А. Рузакова
доктор юридических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: olalstep@mail.ru

С. П. Степкин
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РГСУ.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4.
E-mail: stepkin.sciences@gmail.com

Inheritance Contracts in Family Relations: Novelties of the Russian Legislation

O. A. Ruzakova
Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation
E-mail: olalstep@mail.ru

S. P. Stepkin
PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the RGSU.
Address: Russian Government Social University, 4 Vilgelma Pika Str., Moscow, 129226, Russian Federation.
E-mail: stepkin.sciences@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются особенности наследования имущества с помощью новеллы гражданского права – наследственного договора на основе положений вступающего в силу 1 июня 2019 г. Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации». Авторами проводится сравнительный анализ с известными механизмами распоряжений наследственным имуществом (завещаниями), а также договором пожизненного содержания с иждивением, исследуется проблема влияния наследственных договоров на стабильность наследственных отношений в семье. В статье исследуются преимущества новой формы гражданско-правовых договорных отношений, выступающей одновременно в качестве нового вида основания наследования наряду с завещанием и наследованием по закону, а также возможные правовые риски, прежде всего связанные с отказом наследодателя от такого договора. Также авторы отмечают, что возможна исключительно нотариальная форма. При этом ни приравниваемая к нотариальной, ни закрытая форма, ни простая письменная форма как при чрезвычайном завещании при совершении наследственного договора недопустимы. Кроме того, в обязанности нотариуса входит видеофиксация порядка заключения наследственного договора.

Ключевые слова: наследование, семья, семейные отношения, гражданско-правовой договор, наследодатель, наследник, договор пожизненного содержания с иждивением, наследственное право, завещание, обязательная доля в наследстве, совместные завещания, отказ от договора, последствия расторжения договора.

Abstract

This article discusses the peculiarities of inheritance of property using the civil law novelty – a hereditary contract based on the provisions of the Federal Law N 217-FZ ‘On amending article 256 of Part I and Part III of the

for disposing of hereditary property (wills), as well as a life-term maintenance contract with a dependent, investigating the effect of inheritance contracts on the stability of inheritance relations in a family. In the article, the authors consider the advantages of a new form of contractual relations, simultaneously serving as a new type of basis for inheritance, along with a will and inheritance under the law, as well as possible legal risks, primarily related to the testator's refusal from such a contract. Also, the authors note that only the notarial form is possible and neither equated to notarial, nor closed or simple written forms as with an emergency testament are unacceptable. In addition, the duties of a notary include a video recording of the procedure for concluding a hereditary contract.

Keywords: inheritance, family, family relationships, civil contract, the testator, the heir, the contract of the lifelong contents with dependence, inheritance law, probate, compulsory share of inheritance, joint wills, withdrawal from the contract, consequences of termination of the contract.

19 июля 2018 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 217, направленный на расширение возможностей по распоряжению наследодателем при жизни своим имуществом путем составления не только более разнообразных видов завещаний (речь идет о совместном завещании супругов), но и заключения наследственного договора, что имеет чрезвычайно важное значение в вопросах защиты прав наследников и обеспечения стабильности отношений в семье. Преимущества и недостатки наследственного договора неоднократно обсуждались в специальной литературе, в том числе в ходе работы над проектами федеральных законов № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (в части совершенствования наследственного права)[1] и № 451522-7 «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации» (о совместных завещаниях и наследственных договорах)[2]. В вопросе необходимости введения в России наследственных договоров сложились две основные позиции. Критический подход был выражен в рамках «нулевых чтений» в Общественной палате Российской Федерации[3], заседании Научно-консультативного совета Федеральной нотариальной палаты[4], заключении Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Основным доводом против введения такого института в России было определено отсутствие концептуальной обоснованности, дискуссионности вопроса и несоответствие традиции российского частного права. «Главное политико-правовое возражение в отношении наследственного договора сводилось к тому, что допустимость такого договора игнорирует решающее значение личного неимущественного аспекта соответствующих отношений и ограничивает свободу завещателя на будущее. Поэтому расширение договорной свободы в отношении наследства требовало предварительного концептуального научного исследования, изучения иностранной практики, проведения социологических исследований, анализа судебной практики по наследственным спорам и т. п.»[5].

В то же время идея наследственного договора нашла поддержку в ряде публикаций российских специалистов в области наследственного права [1; 7].

Многие исследования основаны прежде всего на законодательстве зарубежных стран. На-

[1] Внесен в Государственную думу 26 мая 2015 г. депутатами Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации П. В. Крашенинниковым, А. Г. Сидякиным, Р. Р. Ишмухаметовым, Н. В. Герасимовой, В. В. Пинским, В. П. Водолацким, М. Т. Гаджиевым, Р. М. Марданшиным, М. М. Галимардановым, Н. И. Борцовым, Р. С. Ильясовым, Н. Д. Ковалевым, М. С. Гаджиевым, Н. И. Горовым, В. В. Ивановым, Н. А. Шайденко.

[2] Внесен в Государственную думу 26 апреля 2018 г. депутатами Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации П. В. Крашенинниковым, И. В. Белых, М. В. Емельяновым, Ю. П. Синельщиковым, А. П. Петровым, Г. И. Данчиковой, М. П. Беспаловой, И. В. Сапко, Е. А. Вторыгиной, Н. В. Говориным, А. З. Фарраховым, О. А. Бондарем, Ю.Н. Швыткиным.

[3] См.: Общественная палата Российской Федерации. – URL: https://www.oprf.ru/1449/2133/1537/2142/newsitem/ 29775.

[4] См.: Федеральная нотариальная палата. – URL: https://notariat.ru/news/18974

[5] Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 801269-6 «О внесении изменений в части первую, вторую и третью Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принято на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 13 июля 2015 г. № 144-1/2015).

следственный договор известен правопорядкам целого ряда стран, включая Германию, Австрию, Швейцарию, Норвегию, Чехию, Китай, Латвию, Эстонию, Венгрию, США и др. Впервые подробное правовое регулирование наследственный договор получил в Германском гражданском уложении 1896 г., которое и в настоящее время является примером регулирования для многих стран[1]. Несмотря на то, что в настоящее время далеко не все государства – участники Европейского союза (на сегодняшний день 28 стран) имеют в своем законодательстве нормы о наследственном договоре, определение данной правовой конструкции уже унифицировано и на наднациональном уровне – в Регламенте № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании»[2].

При этом его значение в семейных отношениях трудно переоценить. Наследственный договор не только является инструментом гражданского права, но и имеет важное значение для семейных отношений, это своего рода гарантия для наследников избежать последующих конфликтов между собой при разделе имущества [9]. Самое сложное для наследодателя в этих вопросах составляет психологический аспект того, готов ли наследодатель пойти на заключение договора с наследниками – членами семьи, а может быть, и другими лицами, о которых нужно поставить в известность членов семьи, выразить при жизни и открыто им свою волю, не испортятся ли после этого отношения с теми наследниками, которые могли претендовать на большее (по их мнению).

Так, например, наследственный договор мог бы решить проблемы в следующей ситуации, которая не является единичной. В семье у отца от предыдущего брака сын, которому он хотел бы оставить после смерти часть имущества, и прежде всего дом, в котором жили его предки, чтобы супруга от второго брака и ее дети не могли претендовать на это имущество. Отец боится подарить имущество при жизни. Не видит смысла и в договоре пожизненного содержания с иждивением, поскольку доходы у него достаточные. При этом сын также несет расходы, связанные с «родовым поместьем», помогает отцу, предполагает провести хороший ремонт, чтобы обеспечить отцу на старости лет достойное пребывание. Дарение на случай смерти законодательством запрещено. Завещание – не безопасно для сына. Во-первых, его можно всегда отменить или заменить другим. Во-вторых, завещание не дает возможности закрепить обязательства наследодателя и наследников. Сын готов вложиться в «родовое поместье», и этими улучшениями будут пользоваться отец и его супруга с детьми, но никакое завещание не гарантирует ему в последующем даже возврата этих средств, если дом ему не достанется. Наследственный договор позволит закрепить и обязательства сторон, и переход права собственности после смерти и в значительной степени обезопасит от исков со стороны других наследников.

Важную роль наследственный договор может сыграть и в сфере предпринимательской деятельности путем обеспечения стабильности и бесперебойности управления семейным бизнесом. Следующая ситуация подтверждает данный вывод. У родителей три совершеннолетние дочери. Есть бизнес, квартира, где живут супруги, загородный дом. Отец хотел бы так распределить бизнес после смерти, чтобы часть, но незначительная, досталась управляющему – его старому, опытному другу, которого он хотел бы отблагодарить, при этом чтобы дети стали основными собственниками. Но после смерти. Кроме того, не хочется неожиданных сюрпризов и наследникам после смерти отца, чтобы не переругались и не загубили бизнес, да и четыре доли в доме и квартире не привели бы к их поспешной продаже или еще худшим последствиям. Отцу намного проще всех расставить по местам при жизни и определить судьбу имущества, чем после смерти наследники останутся не только наедине со своим горем, но и с невозможностью мирными способами решить проблемы в борьбе за большую долю в наследстве. В договоре примут участие все стороны, что будет гарантией стабильности имущества как для отца, так и для всех наследников на случай смерти. Для того

[1] См. подробнее о зарубежном регулировании наследственного договора в [6].

[2] См.: Регламент № 650/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений, принятии и исполнении нотариальных актов по вопросам наследования, а также о создании Европейского свидетельства о наследовании». Принят 4 июля 2012 г., вступил в силу 16 августа 2012 г. – URL: http://eur-lex.europa.eu/

чтобы оспорить потом договор, нужны веские основания. При заключении договора учитываются и пожелания детей. Это не завещание, где о его содержании наследники не знают до смерти наследодателя. Так, одна из дочерей не имеет никакого опыта в бизнесе и хотела бы уступить свою долю за счет передачи ей всей квартиры, при этом она готова проживать с родителями, помогать им и нести соответствующие расходы, также содержать мать в случае смерти отца, а другая дочь готова отказаться от квартиры и дома за счет большей части в бизнесе с несением обязательств предпринимательского характера. Перечень семейных ситуаций может быть бесконечен, и расширение возможностей наследодателя по распоряжению имуществом на случай смерти позволит избежать последующих судебных споров, которые нередки между близкими людьми [5].

Говоря о природе наследственного договора, зачастую высказывают мнение о том, что по своей правовой природе наследственный договор имеет больше общего с договорным, чем с наследственным правом. Специфика наследственного договора состоит в том, что к нему применяются не столько нормы о договорных отношениях, сколько правила Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) о завещании [3]. Иные особенности могут вытекать из существа наследственного договора несмотря на то, что завещание представляет собой, в отличие от договора, одностороннюю сделку. Но при этом сохраняется и основное преимущество, характерное для договорных отношений, – это выражение воли всех участников договора при его заключении, изменении и прекращении. Безусловно, наследственный договор имеет много общего с завещанием, может при этом обладать признаками договора купли-продажи, дарения, ренты, выполнения работ, оказания услуг. Так, предмет наследственного договора, в соответствии с пунктом 1 статьи 1140.1 ГК РФ, как и содержание завещания, включает в себя круг наследников. Кроме того, это может быть порядок перехода прав в отношении имущества, принадлежавшего наследодателю в период после смерти наследодателя к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. Кроме того, содержание договора могут составлять обязанности наследников, осуществляемые в отношении наследодателя при его жизни. При этом условия, оформляемые в договоре дарения о переходе дара одаряемому после смерти дарителя (пункт 3 статьи 572 ГК РФ), по-прежнему являются ничтожным. Такого рода отношения возможны лишь на основании положений о наследовании [8].

Исходя из вышеизложенного, определяя правовую природу наследственного договора, можно сказать, что безусловным является его двусторонняя или многосторонняя характеристика как сделки в отличие от завещания. Это не исключает, однако, возможность указания в договоре и односторонних распоряжений, характерных для завещания.

Основное преимущество наследственного договора – это более существенная гарантия перехода после смерти наследодателя имущества наследодателю, с которым заключен наследственный договор, по сравнению с завещанием, и возможность получать исполнение от наследников наследодателем при жизни, при этом без утраты права собственности на имущество, в отличие от договора пожизненного содержания с иждивением. Безусловно, не всегда интересы наследодателя и всех наследников можно сбалансировать, но это еще один вариант, расширяющий возможности наследодателя по распоряжению своим имуществом [2].

Как и в завещание, в наследственный договор могут входить положения о душеприказчике, завещательные отказы или завещательные возложения. Переход права собственности на имущество наследодателя также происходит в случае смерти. Право на обязательную долю реализуется, как и при наследовании, по завещанию. Однако в отличие от завещания, о котором в силу тайны завещания может знать лишь нотариус, о порядке перехода имущества и наследниках по наследственному договору знают все участники этого договора. Кроме того, некоторые обязанности наследников по наследственному договору могут возникнуть еще до открытия наследства, например по жизнеобеспечению наследниками наследодателя.

Как и в отношении завещания, наследственный договор может быть заключен только полностью дееспособным лицом, выступающим в качестве наследодателя. От имени недееспособных лиц или малолетних могут выступать их опекуны, в отношении ограниченно дееспособных и лиц в возрасте от 14 до 18 лет согласие на совершение наследственного договора дают попе-

чители, при этом правовое положение наследников, не обладающих полной дееспособностью, не должно быть ухудшено по сравнению с действующим законодательством. Представительство от имени наследодателя при заключении наследственного договора не допускается. В качестве наследников, по существу, могут выступать любые лица (не только наследники по закону), поскольку любой субъект гражданских правоотношений может стать наследником по завещанию. Исключение составляют недостойные наследники, которые не вправе получить наследство. В тех случаях, когда недостойные наследники могут наследовать по завещанию, соответственно, на них распространяется право наследовать и по наследственному договору. Как и в отношении завещания, нет ограничений по числу заключаемых наследственных договоров. Однако, в отличие от завещания, если наследственный договор заключен в отношении одного и того же имущества, то применению подлежит наследственный договор, который был заключен ранее, а не более поздний. Более строгие требования предусмотрены к форме наследственного договора. Возможна исключительно нотариальная форма. При этом ни приравниваемая к нотариальной (ст. 1127 ГК РФ), ни закрытая форма, ни простая письменная форма, как при чрезвычайном завещании, при совершении наследственного договора недопустимы. Кроме того, в обязанности нотариуса входит видеофиксацию порядка заключения наследственного договора. Исключение составляют случаи, при которых обе стороны наследственного договора заявили возражение против этого. Представляется, что такое возражение должно быть выражено сторонами в письменной форме.

В отличие от договора пожизненного содержания с иждивением и договора дарения наследодатель не лишается права собственности на имущество при жизни, при этом в договоре могут быть предусмотрены определенные обязанности наследников, в том числе и аналогичные договору пожизненного содержания с иждивением (обязанности по содержанию, уходу, обеспечение потребностей в жилище, питании и одежде, а также оплата ритуальных услуг). В то же время не исключены и здесь злоупотребления со стороны недобросовестных нотариусов, как и в отношении завещаний, особенно при использовании фигуры рукоприкладчика. Опасность заключения таких договоров возникает непосредственно перед смертью.

В отличие от договора пожизненного содержания с иждивением наследники по наследственному договору могут и не быть связаны выполнением каких-либо обязанностей в отношении наследодателя, но при этом нет гарантии того, что наследодатель не совершит односторонний отказ от наследственного договора либо произведет отчуждение имущества, предусмотренного наследственным договором, и в итого наследник ничего не получит. Защита прав наследников осуществляется путем процедуры уведомления нотариусом об отказе наследодателя от договора (пункт 10 статьи 1140.1 ГК РФ) и взыскания убытков, если они были причинены, например, путем возмещения расходов на обеспечение наследодателя и т. п. В случае смерти наследодателя иск о взыскании убытков предъявляется к имуществу, а затем к наследникам, вступившим в права наследования.

Конечно, такая защита не самая эффективная, и подобного рода положения могут нивелировать значимость наследственного договора для наследников. В практике континентально-правовой семьи популярность получила другая модель, согласно которой предметом соглашения с наследником является конкретное имущество, распоряжение которым блокируется наследственным договором [7]. В Англии и США при отчуждении имущества, являющегося при этом нарушением условий договора, контрагент по договору может истребовать это имущество у его приобретателя, если он не является добросовестным приобретателем. В качестве альтернативы можно получить денежную компенсацию из наследственной массы. Кроме того, в этих странах признается немедленная передача имущества в качестве обмена на встречное предоставление, но с сохранением пожизненного права пользования (lifeinterest) за первой стороной.

Переход имущества по наследству, в соответствии с наследственным договором, не устраняет «обязательных» наследников. В литературе иногда отмечается, что «при всех плюсах конструкции наследственного договора нельзя не сказать и об одном его отрицательном качестве. Поскольку имущество, охваченное наследственным договором, не входит в состав наследственной массы, на него не могут претендовать необходимые наследники, имеющие сегодня, в соответствии со статьей 1149 ГК РФ, право на обязатель-

ную долю, которая не может быть менее половины от того, что каждому из них бы причиталось при наследовании по закону. Тем самым наследственный договор может быть использован отчуждателем (наследодателем) во вред своим обязательным наследникам, поскольку никаких обременений в пользу данных лиц режим отчуждаемого имущества не содержит» [4]. Однако, в соответствии с пунктом 6 статьи 1140.1 ГК РФ, условия наследственного договора не могут противоречить условиям об обязательной доле в наследстве. В случае, предусмотренном абзацем первым пункта 5 настоящей статьи, условия наследственного договора действуют в части, не противоречащей правилам настоящего Кодекса об обязательной доле в наследстве при наличии имеющего право на обязательную долю наследника хотя бы одного из супругов, а также правилам о запрете наследования недостойными наследниками при наличии недостойного наследника хотя бы одного из супругов.

Поиск разумного баланса интересов наследодателей и наследников в рамках наследственных договоров продолжит правоприменительная практика, которая будет формироваться после 1 июня 2019 г. (даты вступления Федерального закона № 217 в силу).

Список литературы

1. *Блинков О. Е.* О наследственном договоре в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. – 2015. – № 4. – С. 3–5.

2. *Будылин С. Л.* Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Закон. – 2017. – № 6. – С. 32–43.

3. *Гонгало Б. М.*, *Казанцев М. Ф.*, *Крашенинников П. В.*, *Миронов И. Б.*, *Михеева Л. Ю.*, *Рузакова О. А.*, *Суханов Е. А.* Договор. Постатейный комментарий глав 27, 28 и 29 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М., 2010.

4. *Гущин В. В., Добровинская А. В.* Правовая конструкция наследственного договора в России: плюсы и минусы // Наследственное право. – 2016. – № 4. – С. 9–12.

5. *Деханов С. А.* От завещания к наследственному договору // Нотариус. – 2018. – № 6. – С. 37–40.

6. *Крашенинников П. В.* Наследственное право. – М. : Статут, 2018.

7. *Матвеев И. В.* Наследственный договор: зарубежный опыт и перспективы появления в гражданском праве Российской Федерации // Российская юстиция. – 2015. – № 1. – С. 6–9.

8. *Петров Е. Ю.*, *Ренц И. Г.* Развитие российского наследственного права // Закон. – 2017. – № 6. – С. 44–50.

9. *Рузакова О. А.* Семейное право. – М., 2003.

Гражданско-правовой институт представительства на современном этапе: перспективы и предложения правового регулирования

С. В. Изутина
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: lana.2029@mail.ru

М. А. Баркова
Студентка 4-го курса факультета дистанционного обучения РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: margaritacute111@yandex.ru

Institution of Representation at Modern Stage: Perspectives and Proposals of Legal Regulation

S. V. Izutina
PhD of Law, Associate Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: lana.2029@mail.ru

M. A. Barkova
Fourth-Year Student of the Faculty of Distance Education of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: margaritacute111@yandex.ru

Аннотация

Авторы данной статьи подвергают системному и глубокому анализу современное состояние института представительства в отечественном гражданском праве, нормативно-правовые акты, регулирующие правоотношения, как связанные с представительством, так и формирующие нормативно-правовую базу для создания и предъявления документов или актов, управомочивающих других лиц на осуществление представительских функций в интересах соответствующих граждан, юридических лиц и органов публичной власти. В статье авторами применяются такие общенаучные методы, как анализ, синтез, сравнение, дедукция, а также ряд частнонаучных методов: анализ теоретических и нормативно-правовых источников, сравнение, обобщение, анализ документов, логический метод, метод системного анализа, исторический метод, метод технико-юридического анализа и др. В работе рассмотрены не только необходимые нормативно-правовые акты, решения судебной практики, но и обширный теоретический материал, представленный работами ученых-юристов. Результатом данной статьи стали обоснованные и вполне конкретные авторские предложения по внесению изменений в нормативно-правовую базу Российской Федерации, целью которых является совершенствование законодательства, регулирующего непростое пространство правоотношений, связанных с представительством и документами, из которых проистекает управомочивание одних лиц другими на совершение юридических значимых действий. Указанные предложения представляют собой авторские пункты новизны, несущие в себе ценность с точки зрения не только теории и науки гражданского права, но и практики правоприменения.

Ключевые слова: юриспруденция, право, институт представительства, гражданское право, гражданское правоотношение, представитель, представляемый, оказание юридической помощи, виды представительства, добровольное представительство, коммерческое представительство, законное представительство, доверенность.

Abstract

The article conducts a systematic and in-depth analysis of the institution of representation in Russian civil law, the regulatory legal acts governing legal relations, both related to the representation and forming the legal framework for creating and presenting documents or acts that authorize other persons to perform representative functions in interests of relevant citizens, legal entities and public authorities. The authors apply such general scientific methods as analysis, synthesis, comparison, deduction, as well as a number of private scientific methods: analysis of theoretical and regulatory sources; comparison; generalization; document analysis; logical method; system analysis method; historical method; method of technical and legal analysis, etc. In this paper, not only the necessary legal acts, decisions of judicial practice, but also extensive theoretical material of legal scholars are considered. The result of this article was reasonable and specific proposals for amending the regulatory framework of the Russian Federation in order to improve legislation. These proposals have value not only from the point of view of the theory and science of civil law, but also the practice of law enforcement.

Keywords: jurisprudence, law, institute of representation, civil law, civil legal relationship, representative, represented, legal assistance, types of representation, voluntary representation, commercial representation, lawful representation, power of attorney.

Анализируя сферу представительства в Российской Федерации, можно наблюдать, что действующее законодательство в области, относящейся к представительству, не имеет признаков системного координирования, поскольку оно не имеет конкретного определения существующих видов представительства, не определяет критерии для его разграничения, а также не раскрывает корреляции договора с осуществлением представительства [2]. К тому же в настоящий момент нет никакого нормативного определения и догматического понимания самого процесса наделения представителя полномочиями. В конечном итоге на практике по-разному интерпретируется значение и сущность понятия «полномочие» (статья 182 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)). Не существует и общепринятой, непротиворечивой системы наделения представителя правом действовать от имени представляемого. По этой причине следует развивать методологический подход, позволяющий унифицированно интерпретировать и применять механизм представительства.

Поскольку законодательные документы о юридических лицах претерпели изменения, корпорации дифференцированы как организации, основанные на членстве, актуальным является вопрос о правовом статусе их органов и членов, а также о допустимости признания их представителями [9]. В связи с этим применительно к нормам главы 10 ГК РФ важное значение приобретает определение статуса действующих лиц, в том числе межотраслевой аспект этой проблемы, так как она коррелирует с формированием объема собственной деятельности предпринимателя, определением параметров ее оценки.

В последние годы выработаны понятия, положения и учения о субъектных правах, а именно о механизме возникновения, содержания и их осуществления, что, в свою очередь, должно повлиять на понимание и отношения представительства [3]. Вместе с тем последние поправки, внесенные в действующий ГК РФ, затрагивающие вопрос реализации концепции развития гражданского законодательства, фактически ни каким образом не коснулись системы данных отношений. В то же время в этой области накопилось множество проблем, связанных как с правоприменением, так и доктринальным толкованием целого ряда положений, и в первую очередь это касается самого нормативно-правового регулирования представительства, заключающегося, с одной стороны, в достаточно малочисленных нормах главы 10 ГК РФ, а с другой – разного рода нормах о представительстве и «действиях за другого», содержащихся в специальных правовых институтах.

Необходимо отметить, что при изменении гражданского законодательства не удалось разрешить серию достаточно важных вопросов, гарантирующих унифицированную и правильную трактовку отношений представительства. В некоторой степени это можно увязать с организационными, юридическими, а также техническими проблемами и трудностями процедуры, возникающими при формировании и реализации ГК РФ [5]. На наш взгляд, этому препятствует и общее мнение о том, что само по себе представительство не требует наличия развернутого пакета общих принципов; таким образом, отношения представительства подвергаются действию общих принципов о самом представительстве и

специальных принципов, принимающих во внимание особенности того или иного вида представительства. По этой причине и на сегодняшний день нормы главы 10 ГК РФ содержат небольшое количество правил, потенциально применимых к отдельным ситуациям представительства. Вместе с тем цели нормативно-правового регулирования как внешнего влияния на соответствующие отношения в правоведении с полным основанием связаны с изысканием характерных черт, их состава и взаимосвязей и фиксацией их в универсальных принципах. Полагаем, это касается и проблемы правового координирования отношений представительства.

В последнее годы введены в действие значительные изменения в ГК РФ, Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), преобразован порядок создания третейских судов, подготовлена Концепция единого ГПК РФ [4]. Вместе с этим ряд предложений Концепции, в частности в области законного представительства, не только не добавляют каких-либо трансформаций в законодательство, но и не обнаруживают улучшения законодательной техники. В результате преобразования содержимого ГК РФ картина не сильно изменилась: новая редакция только немного уточнила содержание основных статей 182–184 ГК РФ. В свою очередь, рассмотрение и решение обозначенных трудностей должно увязываться с преобразованием гражданского законодательства, расширением знаний о праве, его действии и корреляции с близкими явлениями [7].

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что очевидна необходимость в совершенствовании действующего законодательства в области института представительства. Имеется в виду в первую очередь необходимость разрешения вопросов координирования статей, имеющих отношение к самому понятию представительства, к доверенностям, вопросам законного представительства.

Доверенность является наиболее общепризнанным способом, демонстрирующим сущность полномочия, но не само его основание. Поэтому в первом пункте статьи 182 ГК РФ некорректным является определение понятия доверенности как основания полномочия. В свою очередь, полномочие может являться результатом доверенности, но основанием полномочия служит выдача доверенности как односторонне управомочивающая сделка доверителя. Так, считаем неточным определение доверенности как основания полномочия, приведенного в первом пункте статьи 182 ГК РФ по причине того, что доверенность – документ, а основанием полномочия может выступать и договор поручения.

По нашему мнению, в пункт 1 статьи 182 ГК РФ необходимо включить определение представительства. Тогда данный пункт можно изложить следующим образом: «Действия, совершенные одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в пределах полномочия, в силу представительства, основывающегося на законе, уполномочивающей сделке или акте уполномоченного государственного органа или органа местного самоуправления, напрямую создают, меняют либо прекращают права и обязанности представляемого».

Отметим, что совершение сделки в интересах представляемого зачастую является решающим в процессе признания доверенности, а соответственно и сделок, совершенных на основании доверенности, действительными. Так, сделка будет признана недействительной, если представитель, хоть и в рамках доверенности, но будет осуществлять в собственных интересах[1].

На наш взгляд, понятие доверенности, которое приводится в пункте 1 статьи 185 ГК РФ, не является достаточно точным, а именно как письменное уполномочие, которое выдается от одного лица другому лицу и целью которого является представительство перед третьими лицами.

Именно такое толкование данной нормы приводится в пункте 125 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от № 25[2]: «Доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами. Письменное уполномочие, в том числе на представление интересов в суде, может содержаться как в отдельном документе (доверенности), так и в договоре, решении собрания, если иное не установлено законом или не противоречит существу отношений (пункты 1, 4 статьи 185 ГК РФ, статья 53 ГПК РФ, статья 61 АПК РФ).

[1] См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 16 февраля 2018 г. по делу № 33-3616/2018.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Письменное уполномочие также может выдаваться на право подписи и действий в интересах организации, например на право подписи первичных документов.

Так, гражданским законодательством закреплено, что без доверенности от имени организации может действовать единоличный исполнительный орган общества, т. е. его руководитель (пункт 1 статьи 53, пункт 3 статьи 65.3 ГК РФ, подпункт 1 пункта 3 статьи 40 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», пункт 2 статьи 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

В пункте 1 статьи 182 ГК РФ указано, что иные лица вправе действовать от имени организации в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления. При этом из пункта 1 статьи 182 и статьи 402 ГК РФ следует, что полномочие может также явствовать из обстановки, в которой действует представитель. Стоит отметить, что перечень подобных примеров обстановки, приведенный в абзаце втором пункта 1 статьи 182 ГК РФ, не является исчерпывающим (постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 мая 2012 г. № 20АП-1378/12)[1].

Заметим, что возможности передать право подписи от руководителя иным лицам есть в пункте 14 Положения по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации (утвержденном Приказом Минфина России от 29 июля 1998 г. № 34н).

На практике же, как правило, существует утвержденный руководителем перечень лиц, имеющих право подписи первичных документов. В большинстве случаев данный документ идет в качестве приложения к учетной политике организации. Однако не существует запрета на передачу права подписи путем издания отдельного приказа или оформления доверенности[2].

Но необходимо понимать, что если полномочие представлено субъективным правом, то уполномочие – это сам юридический факт, в результате которого оно возникает. А доверенность – это документ, а не юридический факт, наступление которого возможно; лицо может быть наделено субъективным правом, а выдавать можно, к примеру, какие-либо вещи, документы [8].

В пользу данной позиции можно привести пункт 126 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 25, в котором указано: «Если доверенность выдана нескольким представителям, то в отсутствие прямо выраженной оговорки о совместном представительстве представители осуществляют полномочия раздельно»[3] (пункт 5 статьи 185 ГК РФ). В этом случае отказ от полномочий одного из представителей, а равно отмена его полномочий представляемым, влечет прекращение доверенности только в отношении указанного представителя.

Когда по условиям доверенности полномочия должны осуществляться совместно, отказ одного из представителей влечет за собой прекращение доверенности в целом. Отмена доверенности в отношении одного представителя влечет прекращение доверенности только в отношении него.

Вышеизложенное означает, что важно редактировать пункт 1 статьи 182 и пункт 1 статьи 185 ГК РФ.

Тогда пункт 1 статьи 185 ГК РФ можно изложить таким образом: «Доверенностью признается документ, представляемый одним лицом другому лицу (или лицам) в целях представительства перед третьими лицами. Данный документ, содержащий в себе письменное уполномочие на совершение сделки представителем, может быть предъявлен представляемым соответствующим третьим лицам».

Помимо вышеперечисленного необходимо переосмыслить ссылку на доверенность в части 1 статьи 182 ГК РФ, рассматриваемую как единственную письменную форму препоручения, которая возможна при добровольном представительстве. Следует отметить, что противоречат друг другу нормы пункта 1 статьи 182 и пункта 1

[1] См.: Энциклопедия решений. «Подписание первичных документов компании, на основании доверенности. – URL: http://www.garant.ru/consult/account/1204683/ (дата обращения: 05.02.2019).

[2] См.: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2016 г. № 19АП-7619/15//ИПО. –URL: http://base.garant.ru/61202270/ (дата обращения: 05.02.2019)

[3] См.: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

статьи 975 ГК РФ, которые категорически рассматривают как форму препоручения при добровольном представительстве лишь доверенность, и нормы пункта 3 статьи 184 ГК РФ, которые предполагают, что коммерческое представительство осуществляется как на основании доверенности, так и без нее.

В силу пункта 1 статьи 184 ГК РФ установлено, что коммерческим представителем является лицо, постоянно и самостоятельно представляющее от имени представляемого при заключении ими договоров в сфере предпринимательской деятельности. Именно такое толкование нормы приводится в Постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21 марта 2014 г. № Ф08-734/14 по делу № А53-25749/2012[1].

На наш взгляд, следует исключить абзац 2 пункта 1 статьи 182 ГК РФ (так как проблема о полномочиях уже разрешена и содержится в абзаце 1 статьи 182 ГК РФ) слова «и иными правовыми актами», содержащиеся в пункте 3 статьи 184 ГК РФ (по причине противоречия пункта 3 статьи 3 ГК РФ).

На наш взгляд, также было бы целесообразно углубить и нормативно зафиксировать функции коммерческого представителя, нашедшие свое отражение в статье 184 ГК РФ, которые могут включать, кроме всего прочего, организационные действия.

Следует отметить, что также нет полной скоординированности между первыми пунктами статей 182 и 185 ГК РФ [1]. Так, письменным препоручением при добровольном представительстве в пункте 1 статьи 182 ГК РФ принципиально признается только доверенность, а в пункте 1 статьи 185 ГК РФ с определением содержания доверенности как письменного уполномочия допускается возможность его передачи представляемым прямо третьим лицам, из этого следует, на наш взгляд, что доверенность нельзя считать оптимальной формой письменного препоручения. Важно, по нашему мнению, пункт 4 статьи 185.1 ГК РФ дополнить абзацем, устанавливающим, что доверенность, выданная с помощью видеозаписи, должна включать дату, место, в котором она была выдана, срок ее действия, лицо, которое осуществило запись, а также, кроме всего прочего, может передаваться с помощью различных средств коммуникации и на отдельном информационном носителе или размещаться на специальном интернет-портале.

Вопросы законного представительства всегда были предметом дискуссий. Необходимо учитывать, что словосочетание «законное представительство» в некотором роде является условным. Это вовсе не означает, что все другие виды представительства считаются незаконными. Кроме того, закон не является единственной предпосылкой для происхождение законного представительства, которое предполагает целый комплекс оснований, среди которых можно выделить норму закона, дееспособность, а также юридические факты [6]. Таким образом, можно утверждать, что законное представительство – достаточно спорный, многообразный процессуальный институт, требующий основательного рассмотрения. Трактовка законного представительства в суде воспринимается по-разному и составителями Концепции единого ГПК РФ. Так, в пункте 5.3 Концепции при определении случаев законного представительства разработчиками предложено не ограничиваться лишь нормами семейного права, а применять и другие нормы материального права, в частности статью 71 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации[2].

Особое внимание следует обратить на мировоззренческое положение, выраженное в абзаце 1 части 1 статьи 81 проекта. С редакцией данного положения сложно согласиться, так как оно способствует возникновению опасности неблагополучных правовых последствий, имеющих как процессуальную, так и материальную природу. Сложности в области законного представительства лиц в процессе имеют теоретико-практическую природу и находят свое отражение в терминологических противоречиях, которые выражаются в практической деятельности в разном объеме процессуальных полномочий.

[1] См.: Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21 марта 2014 г. № Ф08-734/14 по делу № А53-25749/2012. – URL: http://base.garant.ru/40660356/ (дата обращения: 05.02.2019).

[2] См.: Постановление IX Всероссийского съезда судей от 8 декабря 2016 г. № 1 «Об основных итогах функционирования судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития на современном этапе». – URL: http://base.garant.ru/71563760/ (дата обращения: 27.12.2018).

Разработчики Концепции в вопросе законного представительства обращаются к модели упорядочения советского периода, сегодня потерявшей актуальность, тем самым внося больше противоречий, чем улучшений. На наш взгляд, следует согласиться мнением А. В. Стрыгиной, предлагающей первый абзац части 1 статьи 81 проекта ГПК РФ изложить так: «Права, свободы и законные интересы недееспособных или не обладающих полной дееспособностью граждан должны защищать в суде их родители, усыновители, опекуны, попечители» [6]. Остальные случаи, определенные в законодательстве, в большей или меньшей степени наводящие на мысль о представительстве на основании закона, должны определяться, на наш взгляд, по принципам договорного представительства. Разумно предположить, что наряду с этим целесообразно внести определенные изменения, кроме всего прочего, и в соответствующие нормы материального права.

Таким образом, институту представительства в гражданском праве требуется на современном этапе законодательное урегулирование и появление научных подходов, которые будут отвечать специфике этой отрасли права. Решение обозначенных проблем определено реально существующей востребованностью института представительства, представляет первостепенную задачу с точки зрения теории и практики, мотивировано неполнотой научно-теоретической разработки и сложностями в практике применения права. На наш взгляд, перечисленные предложения позволят улучшить применение норм гражданского права в сфере представительств.

Список литературы

1. *Аветисян А. А.* История становления и развития института представительства в гражданском праве России // Гражданское законодательство РФ: современное состояние, тенденции и перспективы развития : сборник трудов конференции. – Краснодар, 2018. – С. 7–10.

2. *Довлекаева О. В., Акопова А. И.* Институт представительство: теоретико-правовой анализ // Проблемы развития российской правовой системы : сборник трудов конференции. – Сочи, 2018. – С. 188-191.

3. *Мельник С. В., Надтачаев П. В.* Коммерческое (торговое) представительство в современной России : монография. – Уфа : Уфимский юридический институт МВД РФ, 2018.

4. *Носкова Ю. Б.* Некоторые новеллы института представительства в гражданском праве // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 6 (121). – С. 164–167.

5. *Родионова О. М.* Волевые действия и представительство // Актуальные проблемы гражданского права и процесса : сборник научных статей. – Саранск, 2017. – С. 15–20.

6. *Стрыгина А. В.* Законное представительство в гражданском судопроизводстве: вопросы теории и практики // Вестник гражданского процесса. – 2017. – № 2. – С. 202–212.

7. *Черников А. Е.* Правовые проблемы института предпринимательства и представительства в России // Современные научные исследования и инновации. – 2018. – № 1 (81). – С. 79.

8. *Шахбанова Ю. А.* Представительство и доверенность в гражданском праве // Аллея науки. – 2018. – № 6 (22). – С. 218–225.

9. *Яковлева А. В.* Эволюция института представительства в гражданском праве России // Вестник современных исследований. – 2018. – № 4.1 (19). – С. 397–398.

Безопасность как нематериальное благо субъектов гражданского права

Г. В. Федулов
аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: georg-fed@rambler.ru

Security as an Intangible Benefit of Civil Law Subjects

G. V. Fedulov
Post-Graduate Student of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: georg-fed@rambler.ru

Аннотация

В статье автором определены основные подходы к современному восприятию философско-правовой категории безопасности, осуществляемому на уровне общественного сознания, на основе рассмотрения мнений отечественных исследователей, проанализирована правовая природа безопасности как нематериального блага, а также сформулированы предложения относительно совершенствования российского гражданского законодательства. Актуальность данной статьи определяется выявленными автором возможностями отнесения, в частности, образовательных организаций, обучающихся, их родителей (законных представителей), а также лиц, осуществляющих сотрудничество с такими организациями на основании трудового или гражданско-правового договора, к субъектам обладания нематериальных благ и одновременно к субъектам обеспечения безопасности в целом и обеспечения безопасности в части защиты материальных и, что немаловажно, нематериальных благ в том числе. Данный подход позволяет определить, что перечисленные субъекты образовательной деятельности одновременно могут выступать в качестве субъектов обладания нематериальными благами и объектов защиты таких благ и обеспечения безопасности от неблагоприятных влияний по широкому кругу вопросов, что предусмотрено сущностью понятия «безопасность».

Ключевые слова: юриспруденция, гражданское право, безопасность, жизнь, здоровье, благо, личность, общество, государство, международный, мировой, имущество, субъекты, образовательная деятельность, защита, гражданин, лицо, сотрудничество, договор, услуги, контрагент.

Abstract

In the article, the author identifies the main approaches to the modern perception of the philosophical and legal category of security, carried out at the level of public consciousness, on the basis of considering the opinions of domestic researchers, analyzed the legal nature of security as an intangible benefit, and formulated proposals for improving Russian civil legislation. The relevance of this article is determined by the identification opportunities identified by the author, in particular, educational organizations, students, their parents (legal representatives), as well as persons cooperating with such organizations on the basis of an employment or civil law contract to the subjects of non-material possession. -alial benefits and at the same time to the subjects of ensuring security in general and ensuring security in terms of the protection of tangible and, importantly, intangible benefits including. This approach allows us to determine that the listed subjects of educational activity can simultaneously act as subjects of possessing intangible benefits and objects of protection of such goods and ensuring security from adverse influences on a wide range of issues, which is provided by the essence of the concept of "security".

Keywords: jurisprudence, civil law, security, life, health, welfare, personality, society, state, international, world, property, subjects, educational activities, protection, citizen, person, cooperation, contract, services, contractor.

Общеизвестно, что вопросы обеспечения безопасности возникают при реализации практически всех без исключения общественных отношений, давая исследователям возможность де-

лать выводы о том, что в современном мире безопасность фактически приобрела все черты общественного блага. Такого рода подход «дает основание для комплексного исследования места данного блага в механизме правового регулирования» [11. – С. 48]. Отмечая всеохватывающую и всепроникающую особенность исследуемой категории, ее существенное влияние на законодательное обеспечение в сфере государственного управления, еще в начале XIX в. известный российский государствовед М. М. Сперанский сделал весьма важный вывод о том, что «общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имущества. Безопасность лица и имущества – первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество» [19. – С. 8]. Таким образом, в отечественной правовой мысли тесная взаимосвязь между безопасностью лиц и имущества была доктринально определена более двух столетий назад.

В свою очередь, по мнению В. В. Абрамова, с которым сложно не согласиться, в современном мире «безопасность все более начинает рассматриваться в качестве важнейшего социального блага, отвечающего интересам, целям и устремлениям людей и выступающего необходимым условием для нормального функционирования всего социума» [1. – С. 113]. Несомненно, высказанное предположение требует уточнений и более весомой аргументации. В указанной связи логично обратиться к вопросу о благах как объектах гражданских правоотношений (объектах гражданских прав), в связи с чем приведем мнение Е. С. Калиной: «…из общего определения безопасности как состояния защищенности человека, государства, жизненно важных объектов естественно вытекает положение о том, что такое состояние является благом и представляет собой ценность для человека. Это дает основание рассматривать безопасность как одно из нематериальных благ, являющихся объектами гражданских прав» [13. – С. 38].

Предварительно кратко отметим, что в современной правоприменительной практике отечественных судов пока имели место достаточно редкие, фактически единичные случаи, в которых компенсации (меры компенсационного стимулирования и защиты нематериальных благ личности), в частности за созданную угрозу безопасности, дошли до стадии судебного решения (определения). При этом в отечественной правовой доктрине право на безопасность в системах личностного порядка, регулируемых нормами гражданского законодательства, рассматривают комплексно, увязывая с правами человека и гражданина, регулируемыми прежде всего нормами конституционного права, предусматривая при этом возможность регулирования нормами и иных правовых отраслей, в том числе гражданского права. В данной связи М. Н. Марченко отмечает необходимость внесения существенных корректировок в возникшие в предыдущие годы представления о механизме обеспечения и защиты прав человека [17. – С. 364] с учетом современных реалий и веяний времени, что позволяет считать проводимую разработку усовершенствованного гражданско-правового механизма обеспечения права личности в контексте обеспечения безопасности общества и даже государства (учитывая прежде всего, что образование имеет конституционно-гарантированную основу, обеспечиваемую государством в том числе гражданско-правовыми методами) не только актуальной, но и весьма перспективной.

Также представляется значимым учитывать и перспективную роль гражданско-правовых средств в обеспечении личностно-общественно-государственной безопасности исходя также из социально-политических (общесоциальных) функций гражданского права как науки и правовой отрасли. Так, по мнению В. А. Рыбакова, «специфика социального назначения гражданского права обусловлена задачами, стоящими перед государством, и, следовательно, связана с функциями государства, особенно с внутренними функциями» [21. – С. 31]. Проблемные вопросы изучения общесоциальных функций права затрагивались и С. С. Алексеевым, который, в частности, по данному поводу отмечал, что «социально-политические функции – направления правового воздействия, выражающие социально-политическое содержание права. Право в данной плоскости рассматривается широко – в единстве с государством. Поэтому их функции в общем совпадают» [2. – С. 131]. Исходя из бесспорности отнесения вопросов безопасности на уровень государства и надгосударственных образований, осуществляемый прежде всего под эгидой ООН, полагаем возможным в свою очередь рассмотрение функций обеспечения национальной безопасности, тождественной понятиям госбезопасности и безопасности, а также иных ее немалочисленных видов и проявлений, в том числе лич-

ностно-общественно-государственной безопасности, как функции права в целом и гражданского права в частности.

Отечественный правовед И. Ф. Казьмин высказывал мнение о том, что в качестве функций права (в том числе гражданского права) следует выделять лишь достаточно крупные (объемные) и важные (значимые) «направления его действия, достаточно четко различающиеся по своим конкретным (базовым) целям, способам их достижения, сферам реализации»; для функций права в целом он считал весьма важным, чтобы «таковые были присущи не отдельным отраслям или более мелким подразделам права, а всему праву в общем и целом, имели бы межотраслевой характер» [12. – С. 64]. В данной связи полагаем важным отметить, что в настоящее время поднятые в статье вопросы обеспечения безопасности, в том числе субъектов образовательной деятельности, носят именно межотраслевой характер, отвечая в полной мере вышеуказанным требованиям.

Дополнительно представляется необходимым обратиться к мнению Т. Н. Радько, согласно которому «для того чтобы выкристаллизовалось специфическое направление воздействия на общественное отношение, т. е. оформилась в качестве самостоятельной его функция, нужен целый ряд условий, создающихся только в результате определенного периода развития права» [20. – С. 80]. Таким образом, на современном этапе развития права продолжаются процессы формирования его функций по широкому кругу охватываемых проблем, в том числе функций по обеспечению личностно-общественно-государственной безопасности, что в свою очередь весьма перспективно для дальнейшего развития не только теоретико-правовой науки, но и отраслевых юридических наук, в том числе гражданского права и смежных с ним отраслей.

В гражданско-правовом регулировании имущественных и личных неимущественных отношений, по справедливому мнению, высказанному И. В. Бакаевой, «объекты гражданских прав являются системообразующими» [3. – С. 9]. В свою очередь известный российский цивилист В. А. Лапач, раскрывая значимость указанных гражданско-правовых отношений в механизме отраслевого регулирования, в частности, отмечал, что в категории объектов гражданских прав прежде всего отражена именно универсальная характеристика структуры предмета отрасли права, а именно гражданского права, а также «обобщены различные индивидуально-конкретные блага, к которым относятся материальные блага или блага иные (т. е. нематериальные блага)» [15. – С. 16], являющиеся в свою очередь «объектами личных неимущественных прав российских граждан, принадлежащие им от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом... Нематериальные блага, личные неимущественные права позволяют не только индивидуализировать физическое лицо, но и создать условия для его автономного благополучного существования, нормального физического и психического состояния, для обеспечения физической и духовной свободы, неприкосновенности его частной жизни. Они призваны способствовать всестороннему развитию граждан как субъектов гражданского права, обеспечивать удовлетворение их позитивных потребностей, соответствовать их законным интересам» [23. – С. 5], относительно которых как раз и возникают гражданско-правовые отношения.

Исследуя вышеозначенные проблемные вопросы, С. С. Алексеев, в частности, отмечал, что современное гражданское право, опосредуя в своеобразных юридических формах экономические отношения, другими словами, экономический оборот (движение в обществе материальных и нематериальных благ), приводит к возникновению гражданских прав на экономические объекты, которые носят название объектов гражданских прав (ст. 128 ГК) и в цивилистической доктрине могут выступать как объекты гражданских правоотношений или благ, «в связи с принадлежностью и (или) передачей которых у субъектов возникают права и обязанности» [8. – С. 161].

При этом существенным замечанием может послужить мнение, высказанное В. М. Шумиловым относительно перехода от личностных к общественным и далее к государственным и надгосударственным благам: «Если видеть в обществе собственников материальных и нематериальных благ, то отношения между собственниками составят группу имущественных (экономических) отношений» [24. – С. 48], что составляет сущность экономической безопасности как составной части личностно-общественно-государственной классической триады безопасности.

Возвращаясь к рассмотрению особенностей цивилистической теории общественных благ,

применительно к проблемным вопросам безопасности отметим, что в гражданско-правовом смысле при сопоставлении положений статей 128 и 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) благом может быть практически все: и вещи, и вещества, и информация, и энергия (электрическая, тепловая и т. п.), и даже художественный образ (изображение, визуальный образ объекта, запечатленный на портрете, а также фото-, видеодокументе; для индивидуальных предпринимателей и юридических лиц – в том числе товарный знак, логотип, бренд), общественное реноме – оценка людьми друг друга (его нередко называют паблисити) и, несомненно, право на имя, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, честь, достоинство, деловая репутация (совокупность трех предшествующих элементов, в свою очередь, образует категорию «доброе имя»), неприкосновенность частной жизни и т. п., исключая при этом субъект права, который в свою очередь не может быть объектом частного правового притязания или выступать в качестве него.

По данному поводу в литературе [9. – С. 93] неоднократно отмечается, что присвоение субъекта противоречит прежде всего логическому понятию объекта и моральным соображениям (соображениям морали), а также требованиям современного правопорядка, актуального миропонимания и мировосприятия. Поэтому немаловажным представляется привести наглядный пример регулирования объекта частноправового притязания нормой параграфа 285 Всеобщего гражданского кодекса Австрии (ABGB) от 1 июня 1811 г. (с изм. и доп. по состоянию на 27.07.2010), в соответствии с которым «все, что отлично от лица и служит для использования людьми, в правовом смысле называется вещью» [4. – С. 46]. Таким образом, под исследуемым объектом, адаптируя вышеизложенную норму, понимают «все, что отличается от лица и служит для пользования человеку» [8. – С. 199–200], т. е. указывают, во-первых, на всеобъемлемость и, во-вторых, на полное отличие (по нашему мнению, фактически полное отделение) от физического (включая индивидуальных предпринимателей) или юридического лица, что также свойственно и рассматриваемой нами гражданско-правовой категории безопасности, но уже в качестве объекта гражданских правоотношений, относимого в цивилистической теории к благам (категории благ).

При этом важно дополнительно отметить, что личностные блага на самом деле присущи и юридическим лицам, составляя в своей совокупности комплекс нематериальных объектов, подлежащих в том числе гражданско-правовой охране и защите. Соглашаясь с мнением известных правоведов О. Н. Ермоловой и А. В. Трофименко, которые считают, что «у общества, наделяющего юридическое лицо репутацией аналогично репутации граждан, нет оснований для отказа от применения соответствующего способа защиты этого блага» [10. – С. 231–232], отметим, что исследуемая нами категория безопасности, по аналогии с перечисленными в статье 150 ГК РФ нематериальными благами, перечень которых не является закрытым, также может быть отнесена к категории нематериальных благ, присущих и физическим, и юридическим лицам, и подлежать защите в порядке, предусмотренном положениями пункта 2 указанной статьи, в том числе от «оскорбительного характера мнения» [5. – С. 8] о лице, что, по нашему мнению, также может негативно повлиять на каждое из них, в том числе привести к снижению уровня безопасности.

Проведенный в указанной связи краткий анализ пунктов 2 и 3 статьи 152.1 ГК РФ позволил установить, что установленные в них способы гражданско-правовой защиты (другими словами, обеспечения безопасности) фактически идентичны следующим основополагающим способам защиты гражданских прав, содержащимся в статье 12 ГК РФ.

Еще одним важным аспектом гражданско-правовой защиты нематериальных благ служат вопросы обеспечения безопасности туризма. Так, например, Е. Л. Писаревский отмечает, что к объектам обеспечения личной безопасности туристов прежде всего отнесены такие жизненно важные нематериальные блага, как жизнь, «здоровье и соответствующие им личные неимущественные права, включая право на жизнь, на здоровье и на личную неприкосновенность» [18. – С. 149]. В указанной связи представляется необходимым подчеркнуть, что личностные права, включая неимущественные блага, независимо от профессии, увлечений, хобби и т. д., а также от того, обличены ли таковые в какие-либо официальные формы, структурно включены в систему обеспечения безопасности и экстраполируются на объекты обеспечения безопасности общественных, государственных и, при наличии соответствующих международных договоров и меж-

государственных соглашений, надгосударственных образований.

При этом необходимо отметить, что физическим лицам присущи также специальные виды гражданско-правовой защиты прав, включая права на жизнь, здоровье, а также продуктовую, экологическую, потребительскую (связанную с вопросами защиты прав потребителей, которыми являются исключительно физлица) безопасность и т. д. Так, в частности, согласно статье 7 Закона «О защите прав потребителей», причиненный вследствие необеспечения (надлежащего уровня) безопасности товара (работы), во-первых, жизни; во-вторых, здоровью или, в третьих, имуществу потребителя (физлица) вред, т. е., другими словами, вред, причиненный вследствие необеспечения должного уровня безопасности потребителя-физлица (потребительской безопасности), подлежит возмещению в соответствии со статьей 14 указанного закона. Как отмечает Г. Р. Гафарова, «помимо возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара (работы), статья 15 Закона «О защите прав потребителей» устанавливает компенсацию морального вреда, причиненного потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя» [7. – С. 263]. В свою очередь, моральный вред (но уже согласно статье 151 ГК РФ) представляет собой «физические или нравственные страдания гражданина, причиненные ему действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие ему другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, и подлежит компенсации».

Вышеозначенный общий подход к вопросам защиты прав потребителей в полной мере применим к рассматриваемым в статье субъектам образовательной деятельности, в том числе в связи с непосредственным участием таковых в образовательной и учебно-воспитательной деятельности, осуществляемой образовательной организацией. На саму образовательную организацию, являющуюся юридическим лицом, в рассматриваемых случаях, как отмечено выше, распространяются исключительно положения гражданского законодательства (прежде всего статьи 15 ГК РФ) о возмещении убытков. При этом данные правила также применимы при разрешении, в частности, вопросов о причинении так называемого репутационного вреда [6. – С. 39], т. е. вреда, причиненного деловой репутации образовательной организации, обучающимся (их законным представителям) и сотрудникам – лицам, сотрудничающим с образовательной организацией на условиях трудового договора или договора гражданско-правового характера (включая, по нашему мнению, близких родственников совершеннолетних обучающихся и всех сотрудников без каких-либо исключений).

Перечисленные доводы позволяют также установить непосредственную, подчас неразрывную, правовую, юридически обоснованную связь между нематериальными благами (в связи с наличием которых «неимущественные права возникают и функционируют в рамках соответствующего правоотношения» [14. – С. 7], в том числе по поводу результатов интеллектуальной деятельности, не во всех случаях подлежащей точной денежной оценке; «тесно связаны с личностью управомоченного лица; направлены на выявление (установление) и развитие его индивидуальности и имеют специфические правовые основания возникновения и прекращения» [16. – С. 11] в данном случае правоотношений, непосредственно связанных с обеспечением безопасности между субъектами и объектами ее обеспечения по широкому кругу вопросов) и безопасностью, предполагая возможность основываться на результатах исследования гражданско-правовых подходов к данной научной проблеме и относить безопасность к неотделимым от лиц благам нематериального характера.

Завершая исследование полагаем важным сделать следующие выводы.

В процессе проведения исследования сложившегося в обновленной России за последние более чем три десятилетия гражданско-правового механизма обеспечения безопасности личности, в том числе на предмет установления взаимосвязи между благами и безопасностью, было определено, что содержащийся в статье 150 ГК РФ и не являющийся исчерпывающим перечень личных неимущественных благ подразумевает, что такие блага прежде всего составляют отдельный предмет регулирования и относятся к категории так называемых абсолютных благ, в связи с чем фактически могут существовать, только будучи прямо предусмотренными федеральным законом. В этой связи, разделяя и под-

держивая мнение, выраженное В. А. Рыбаковым и Д. В. Ирошниковым, полагаем целесообразным законодательно дополнить (внести в текст) содержащийся в вышеуказанной статье 150 ГК РФ перечень личных неимущественных благ еще одной категорией, которой является «безопасность личности» (также по аналогии целесообразно закрепить понятия «безопасность юридического лица», «безопасность общества», «безопасность государства», «безопасность мирового сообщества (планетарная безопасность)», заключительное определение целесообразно вносить в контексте: «…в целях обеспечения безопасности мирового сообщества, осуществляемого в соответствии с международным договором Российской Федерации») [21. – С. 7].

Отметим также, что, как и любое нематериальное благо, безопасность личности в целом характеризуется тесной (неразрывной, неотделимой) связью с личностью носителя (в случае с юридическим лицом – неразрывной связью с таким юридическим лицом), так как смерть гражданина и ликвидация юридического лица прекращают право и возможность пользования благами. При этом важно учитывать, что личная безопасность лица не связана с имуществом и его гражданско-правовой защитой. Также отсутствует непосредственная связь с любого рода имущественными взысканиями, осуществляемыми в пользу носителя конкретного нематериального блага.

Исходя из объективно существующих особенностей нематериальных благ, выступающих в качестве объектов гражданского права и одновременно субъектов гражданско-правовой защиты наравне с их носителями, отметим, что в указанной связи денежная оценка является недопустимой. Также к безопасности личности не применимы правила правового регулирования сделок, но при этом для объектов обеспечения безопасности – физических и юридических лиц – федеральными законами предусмотрена и на практике реализуется возможность заключения договора со специализированными организациями, обеспечивающими безопасность гражданско-правовых сделок, в том числе по предоставлению на возмездной договорной основе (на основе заключенных договоров) услуг по обеспечению безопасности, что применимо также к исследуемым в данной статье субъектам образовательной деятельности.

Таким образом, юридическая защита безопасности, в том числе гражданско-правовая защита объектов обеспечения безопасности (личности и юридических лиц), регулируется нормами гражданского законодательства, включая ГК РФ и другие федеральные законы и иные нормативные правовые акты, а также муниципальные правовые акты ОМС, изданные в пределах их компетенции в области безопасности, «в случаях и в порядке, которые ими предусмотрены, а также в тех случаях и тех допустимых пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (статья 12 ГК РФ) вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения» [22. – С. 14].

В случаях если гражданину (физлицу) причинены физические и нравственные страдания, при этом причинение таких страданий послужили результатом (противоправных) действий, посягающих на принадлежащие физлицу нематериальные блага (например, на безопасность личности), суд может (вправе) возложить на нарушителя (злоумышленника) обязанность (выплаты в пользу пострадавшего, его представителя) денежной компенсации указанного (морального) вреда. Таким образом, полагаем целесообразным на законодательном уровне внести дополнительную норму о компенсации морального вреда в федеральный закон о безопасности, федеральный закон о пожарной безопасности, закон Российской Федерации о частной детективной и охранной деятельности, а также в иные федеральные законы, предусматривающие предоставление услуг по обеспечению безопасности, в том числе на договорной основе.

При этом важно понимать, что рассмотренная выше статья 53 Конституции Российской Федерации, как весьма правильно отмечал В. А. Рыбаков, является «иной конституционной нормой, нормой непрямого действия, из которой непосредственно не могут возникать правоотношения по возмещению причиненного вреда» [21. – С. 8]. Таким образом, в развитие положений, закрепленных в рассмотренной конституционной норме, во-первых, в статью 1069 ГК РФ была внесена норма об ответственности за вред, причиненный госорганами, ОМС, а также их должностными лицами, а во-вторых, в статье 16 ГК РФ было закреплено следующее конкретизирующее правило: «Убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных орга-

нов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, в том числе издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием».

Во-вторых, дополнительно федеральными законами нашей страны предусмотрена возможность страхования рисков наступления неблагоприятных последствий, перечисленных в статье 53 Конституции Российской Федерацией, но, как правило, такие страховые продукты выводятся на рынок в эксклюзивном порядке. Большинство страховых организаций, напротив, относят указанного рода риски к нестраховым случаям, считая, что пострадавшим должно быть достаточно той компенсации, которая будет выплачена государством. Сложившаяся ситуация на отечественном страховом рынке связана прежде всего с надежностью вышеозначенной системы государственных и социальных гарантий, созданной за последние годы в России, а также вызвана недостатками развития современной культуры добровольного страхования в нашей стране, что проявляется и со стороны страховщиков, и со стороны страхователей, недостаточным уровнем доверия граждан к современным страховым институтам, что вызывает пассивный интерес к такого рода страховым продуктам и, как результат, недостаточность страховых резервов у страхователей.

Существенно повлиять на этот процесс позволило бы создание системы льготного добровольного страхования не только для граждан, но и для юридических лиц, установленного нормами федерального законодательства, что способствовало бы активизации страхового рынка. Также возможным представляется издание специального федерального закона по аналогии с ОСАГО об обязательном страховании лиц, чей суммарный годовой доход превышает, например, три миллиона рублей. Но этот вопрос на сегодняшний день остается дискуссионным, не требующим оперативной реализации в связи с фактической неготовностью потенциальных страхователей приобретать такую страховую защиту в обязательном порядке, а равно неподготовленностью страховых организаций распространять именно такой специфический страховой продукт.

В любом случае, по нашему мнению, существующий гражданско-правовой механизм требует совершенствования. Для этого целесообразно законодательно закрепить в статьях 126, 1064 ГК РФ нормы, регулирующие порядок и размеры компенсаций, выплачиваемых физическим и юридическим лицам за причиненный вред, регламентированный статьями 16 и 1069 ГК РФ. Другими словами, в целях противодействия преступным посягательствам в отношении личности и юридических лиц (включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан) – объектов обеспечения безопасности, применения мер государственного воздействия на правонарушителей и преступников (учитывая также вопросы распределения гражданско-правовой ответственности и причинения вреда вследствие совершения противоправного деяния), а также обеспечения должного уровня безопасности указанных объектов, целесообразно предусмотреть дополнительно детализированные основные гражданско-правовые средства адекватного реагирования на совершенные в отношении физических и юридических лиц противоправные действия, включающие в себя «прозрачную» методику осуществления такого рода компенсационных выплат.

И в-третьих, в целях наиболее эффективной реализации мер гражданско-правовой защиты граждан и юридических лиц представляется необходимым законодательно закрепить безопасность личности, а также безопасность юридических лиц и государства в качестве нематериальных благ, являющихся объектом гражданских прав (статья 150 ГК РФ). Также важно законодательно обеспечить возможность для дальнейшего формирования и последующего совершенствования гражданско-правового механизма обеспечения личностно-общественно-государственной безопасности.

Список литературы

1. *Абрамов В. В.* Категория «безопасность» в гражданском праве // Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 74–78.

2. *Алексеев С. С.* Общая теории права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2009.

3. *Бакаева И. В.* Понятие и признаки нематериальных благ: законодательство, теория и практика // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 4. – С. 9–13.

4. Всеобщий гражданский кодекс Австрии. – М. : Инфотропик Медиа, 2011.

5. *Гаврилов Е.* Об оскорбительном характере мнения // ЭЖ-Юрист. – 2017. – № 30. – С. 8.

6. *Гаврилов Е. В.* «Репутационный вред» в российском праве: нонсенс или необходимость? // Безопасность бизнеса. – 2011. – № 2. – С. 38–40.

7. *Гафарова Г. Р.* Защита прав потребителей / под ред. З. М. Фаткудинова. – М. : Юстицинформ, 2018.

8. Гражданское право : в 2 т. – Т. 1 / С. С. Алексеев, О. Г. Алексеева, К. П. Беляев и др.; под ред. Б. М. Гонгало. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2018.

9. Гражданское право. Общая и особенная части / под ред. Р. А. Курбанов. – М. : Проспект, 2019.

10. *Ермолова О. Н., Трофименко А. В*. Проблемы теории нематериальных благ. – М. : Канон+ при РООИ «Реабилитация», 2008.

11. *Ирошников Д. В.* О безопасности личности в гражданском праве // Юридическая наука. – 2017. – № 2. – С. 48–51.

12. *Казьмин И. Ф.* Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. – М. : Юрид. лит., 1986.

13. *Калина Е. С.* Государственно-правовой механизм обеспечения права на безопасность личности в Российской Федерации : дис. … канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004.

14. *Красавчикова Л. О.* Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве РФ : дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 1994.

15. *Лапач В. А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. – СПб. : Юридический центр «Пресс», 2002.

16. *Малеина Н. Н.* Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление и защита) : дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1997.

17. *Марченко М. Н.* Государство и право в условиях глобализации. М.: Проспект, 2013. 400 с.

18. *Писаревский Е. Л.* Туризм и обеспечение его безопасности: административно-правовой аспект : монография. – М. : Юрист, 2011.

19. План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (введение к Уложению государственных законов 1809 г.). – М. : Русская мысль, 1905.

20. *Радько Т. Н.* Теория функций права : монография. – М. : Проспект, 2014.

21. *Рыбаков В. А.*, *Ирошников Д. В.* О гражданско-правовом механизме обеспечения безопасности личности // Юрист. – 2017. – № 2. – С. 4–9.

22. *Рыбаков В. А.* Теория функций гражданского права (методологические и воспитательные аспекты) : монография. – М. : Статут, 2015.

23. *Тимешов Р. С.* Нематериальные блага в гражданском праве и их защита : дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2010.

24. *Шумилов В. М.* Правоведение. – М. : Проспект, 2009.

Исторические аспекты договора найма при строительстве жилища у народов Мордовии

Л. Н. Щанкина
доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: schanckina@yandex.ru

Historical Aspects of the Contract of Employment in the Construction of Housing of the Mordovian People

L. N. Shchankina
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: schanckina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению исторических, этнокультурных и правовых аспектов договора найма, заключаемого при строительстве жилища у народов, проживающих на территории Республики Мордовия, в частности у мордовского, русского и татарского населения данного региона. Основой статьи послужили опубликованные и полевые материалы, собранные автором статьи во время этнографических экспедиций в отдаленных районах Мордовии. Рассмотрение данного вопроса определено автором в хронологическом порядке и охватывает вторую половину XIX в. и заканчивается современным периодом.

Особенность обычая взаимопомощи, тем более в период экономической стагнации деревенского уклада жизни, осложненной достаточно тяжелой демографической ситуацией, а также продолжающейся урбанизацией, заключается в том, что он сформировал у народов Мордовии целый комплекс морально-этических ценностей и правил поведения, а межличностные договорные связи стали спасательным кругом для сельчан и надежной точкой опоры. Это альтернативный законодательному способ правового регулирования, заключающийся в выборе приемлемых и привычных средств решения проблем, а также компенсация отсутствия иных, более предпочтительных и эффективных приемов регулирования повседневных вопросов сельского быта, в том числе связанного со строительством.

Ключевые слова: Республика Мордовия, договор найма, соседская и родственная взаимопомощь, обычное право, традиция, мордва, русские, татары-мишари, строительство, промыслы, ремесла, межличностные договорные связи, соглашения.

Abstract

The article discusses the historical, ethno-cultural and legal aspects of a contract of employment in the construction of housing for people living in the territory of the Republic of Mordovia, in particular Mordovins, Russians and Tatars. The article is based on the materials published and collected by the author during ethnographic expeditions in remote areas of Mordovia. The study of this issue is carried out by the author in chronological order and covers the second half of the XIX century and ends at the current period. The peculiarity of mutual aid, especially in the period of economic stagnation of the village lifestyle, complicated by a rather difficult demographic situation, as well as continued urbanization, lies in the fact that it formed a whole complex of moral and ethical values and rules of behavior among the peoples of Mordovia, and interpersonal contractual relations became a lifebuoy for villagers and reliable point of support. This is an alternative form of legal regulation, consisting in the selection of acceptable and customary means of solving problems, as well as compensation for the absence of more preferable and effective methods of everyday life-regulating, including those related to construction.

Keywords: Republic of Mordovia, lease, neighbor and family assistance, customary law, tradition, Mordva, Russians, Tatars-Mishars, construction, Handicrafts, Handicrafts, interpersonal contractual arrangements of the agreement.

С давних пор у большинства этносов России существовал обычай коллективной помощи друг другу в различных работах. Родственники, соседи и односельчане оказывали помощь при строительстве или ремонте дома, в сельскохозяйственных и домашних делах, после стихийного бедствия, при проведении свадеб и других торжеств, а также на похоронах и поминках. Традиционный обычай соседской или родственной взаимопомощи был широко распространен на территории мордовского края. Так, в сельских поселениях Мордовии и сейчас путем договора разрешаются проблемы, связанные не только с возведением дома, но и с ведением сельского хозяйства и множеством возникающих в повседневном быту забот.

Демографическую основу современного села составляют пожилые женщины, в связи с этим многие мелкие хозяйственные потребности требуют привлечения дополнительных, преимущественно мужских, рук. По словам одиноких респондентов, часто приходится прибегать к найму односельчан в оказании им какой-либо помощи (кому-то надо поправить забор или изгородь, кому-то – печку и т. д.). При описании всего спектра оказываемых односельчанам договорных услуг слова «помогает», «помощь» (в переводе на мордовские языки – посабляма, йалгакс; в переводе на татарский язык – пумыч) часто звучат из уст сельских жителей. Следует отметить, что «помощь» не всегда предполагает обязательную безвозмездность: она компенсируется либо деньгами, либо угощением, либо ответной «помощью» и добрыми соседскими или родственными отношениями. М. О. Косвен указывал, что в помочах неукоснительно участвовали все семьи, если одна из них планировала какую-нибудь работу, для которой ее сил было недостаточно [3. – С. 198]. Такой обычай оказывал воспитательное значение на подрастающее поколение, при этом передавались и перенимались знания и социальный опыт. Во взаимопомощи все стремились показать себя с лучшей стороны. При работе «всем миром» молодежь приглядывала себе пару, а родители имели возможность оценить по достоинству потенциальных женихов и невест для своих детей. Здесь вырабатывалось чувство общности, единства, что при неразвитых капиталистических отношениях было залогом благополучия. В результате совместного труда люди получали глубокое моральное удовлетворение, и он был не в тягость, а как бы приобретал форму досуга, вызывая приподнятое праздничное настроение. Таким образом, вырабатывался определенный стереотип поведения в социуме.

Строительство – одна из сфер применения опыта переговоров и заключения соглашений, в котором переплетаются два вида договорных отношений – найма и «помощи». С одной стороны, существуют специальные бригады строителей (плотников), подряжающихся на работу за определенную, предварительно оговоренную плату. С другой стороны, при возведении дома помимо найма специалистов сельчане прибегают к помощи родственников и соседей. Обе разновидности договоренностей имеют свои особенности [4. – С. 61].

В большинстве случаев при строительстве дома в первую очередь все надеялись на своих близких родственников. Традиция собирать «помощь» из родственников и соседей сохранилась в основном в крупных селах, где ведется строительство. Интересно то, что в помощь вовлекается и городское население: многие сельчане переселились в города, но, несмотря на новый социальный статус, продолжают поддерживать оставшихся в селе родных, причем как трудом, так и строительными материалами [4. – С. 62].

Согласно собранным сведениям, традиция строить дом «миром» была развита повсеместно у всех народов, проживающих на территории Мордовии. В. Н. Майнов еще в XIX в. в монографии «Очерки юридического быта мордвы» подробно описал проведение у мордовского населения йалгакс («подружье») – обычая взаимопомощи по праву соседства. Хозяин, которому требовалась помощь односельчан (из-за сроков уборки, погоды или безденежья), приглашал «мир» на йалгакс. Никто в этом случае не смел отказать (иначе в другой раз односельчане будут вправе отказать в помощи этому человеку). Хозяева с вечера перед назначенным днем начинали готовить (по возможности) сытное и обильное угощение: пуре (брага); пироги с зайчатиной; яичницы с разными начинками (мясо, сало, лук и др.), лапшу, отваренную на молоке или жареную с маслом и сметаной, и т. д.

Рано утром, перед восходом солнца, хозяин, пригласивший всех на йалгакс, зажигал особую (родовую) свечу озкс-штатол («молельная свеча») и молился вместе с семьей и соседями, затем начинались сами помочи. Весь день хозяева должны уговаривать помочан съесть то или иное блюдо и подносили напиток, а те должны цере-

монно отказываться и утверждать, что пришли работать. Если хозяева были жадными и нехлебосольными, к ним на следующие помочи шли неохотно. Помочи устраивали лишь вследствие нарочитого созыва, формула которого такая: «…приходите, просим вас, на нашем поле хлебасоли откушать» [6. – С. 183, 279–280].

Отметим, что плотничьим ремеслом в конце XIX в. в условиях замкнутого натурального хозяйства у мордвы владел почти каждый мужчина. Так, С. Комаров сообщал, что в Ардатовском уезде все плотничные работы при постройке срубов знали сами крестьяне, и редко в них участвовал плотник-профессионал. Н. Секторов, характеризуя мордву Инсарского уезда, писал, что свои деревянные дома хозяева строили и отделывали в основном сами [7. – С. 193]. А. Ф. Риттих во второй половине XIX в. подчеркивал у мордвы способности к плотничеству [12. – С. 221].

Широкое распространение плотничьего ремесла, передававшегося от поколения к поколению, было вызвано насущной необходимостью вести промысловую деятельность, в частности отходничество, из-за малоземелья и бедности крестьян [5. – С. 63]. Например, только в 1889 г. в Ардатовском уезде Нижегородской губернии (ныне Республики Мордовия) в лесных работах (рубке, перевозке и продаже строительных материалов) принимали участие 3 425 работников, из них местных пильщиков – 161 человек (отхожих 830), местных плотников – 202 (отхожих 839). В целом в Нижегородской губернии в четырех уездах (Ардатовском, Макарьевском, Семеновском, Горбатовском) лесными работами были заняты 9 641 и 1 767 местных плотников и пильщиков. Общее же число населения Нижегородской губернии, занятого заготовкой леса и обработкой дерева, достигало 38 340 человек [10. – С. 25]. По подворной переписи за 1913 г., в Инсарском уезде в деревне Ушлейка насчитывалось 15 плотников, в селе Камакужа – 6, в деревне Хитровка – 3 плотника [11. – С. 92–140].

Как правило, строительство в мордовских селениях вели либо местные плотники, либо, за неимением их в селе, плотники из близлежащих русских или мордовских селений. Например, в селе Анаево Зубово-Полянского района многие избы построили плотники из села Хилково Торбеевского района (оно находится в 40 км от села Анаево). Известными были плотники мокшанских деревень Вязовка Торбеевского района и Старое Дракино Ковылкинского района [1. – С. 163]. Информаторы из села Мордовские Парки Краснослободского района квалифицированными специалистами назвали Павла Циндяйкина и Ивана Базаркина (у последнего было прозвище «Тайга»). В Краснослободском районе в селе Колопино известной была бригада Вельмискиных из пяти человек. Кроме того, строить дома приглашали русских плотников из села Авгура, Сивинь, Мордовские Полянки и даже из города Самары и казанских татар [8. – Л. 119; 9. – Л. 209]; в село Старое Синдрово – русских из села Сивинь. В Рузаевском районе плотники из села Сузгарье строили дома в городе Рузаевке, селах Перхляй и Левжа. Наиболее хорошими специалистами считались Иван Максимович Дорожкин, Федор Максимович Дорожкин, Николай Васильевич Нестеркин, Илья Матвеевич Князьков, Виктор Матвеевич Князьков. Часто целое мордовское селение занималось плотничьим ремеслом – это эрзянские села Налитово в Атяшевском районе, Андреевка и Низовка в Ардатовском районе и т. д. [7. – С. 194]. Мордовские плотники могли заимствовать у русских разные строительные приемы, использовали и местные традиции при рубке, окончательной отделке или оформлении жилища.

В татарских селах Мордовии, по сведениям информантов, строить избу приглашали плотников из соседних мордовских и русских сел, поскольку среди татар-мишарей было мало таких специалистов. Внутренней и наружной же отделкой занимались на помочах односельчане, потому что мордовские и русские плотники «не умели работать на татарский вкус». Исследователь материальной культуры казанских татар Н. И. Воробьев еще в начале XX в. писал: «…сами хозяева – татары – по возможности предпочитали, чтобы избы рубили русские мастера, – у них срубы получались плотнее, а все остальное, особенно предметы интерьера, делали татарские плотники, учитывающие национальную специфику» [2. – С. 166]. Респондент У. Х. Сухова из села Новое Кадышево Ельниковского района Республики Мордовия рассказала, что мишари приглашали плотников из мордовского села Мордовские Полянки, а односельчан – укладывать мох. В село Верхний Урледим Рузаевского района плотники приезжали из мордовских сел Новлей Инсарского района, Мордовская Пишля и Палаевка Рузаевского района; в село Пензятка Лямбирского района – из мордовского села Перхляй Рузаев-

ского района. Были и свои мастера – А. Байбиков, Г. Баляев, А. Кадикин, А. Коняев, У. Пикаев, Х. Якушкин, которые в основном занимались изготовлением оконных рам и наличников. Если в татарских селах на территории Мордовии в большинстве случаев строительством домов занимались мордва и русские, то в Казани, например, дома возводили сами татары, считавшиеся профессионалами своего дела (возводили мечети, дома и т. д.) [13. – С. 181]. Их мастерство и трудолюбие вызывали уважение у соседних народов. Еще в первой половине XIX в., по замечанию К. Ф. Фукса, татарские плотники часто строили деревянные дома в русских деревнях [15. – С. 9].

Русскому населению Мордовии также была присуща коллективная взаимопомощь при трудоемких работах, особенно при строительстве жилища. Мальчики с 12–14 лет приучались к строительному делу, поэтому почти во многих селениях часто хозяин мог срубить избу или сделать ремонт хозяйственных построек. Оказываемая взаимопомощь имела половое разделение труда. По словам респондентов из Теньгушевского и Чамзинского районов, при этом сборку сруба выполняли обычно мужчины, а мох и паклю между бревен укладывали женщины, они же готовили пищу и накрывали стол.

Согласно полевым материалам, собранным в 2003–2008 гг. в русских населенных пунктах Мордовии, возведением жилых и хозяйственных построек также занимается местное русское население. Например, хорошим плотником в селе Ефаево Краснослободского района считался П. Е. Борисов, который делал наличники для односельчан; в селе Русское Маскино Краснослободского района – В. Я. Козин, А. И. Муриков, И. И. Маркин, Д. Д. Ярмин, П. Д. Ярмин. Несмотря на то, что плотники имелись почти в каждой деревне, со стороны их так же нанимали. Например, в село Селищи Краснослободского района приезжали мордовские плотники из Атюрьевского и Теньгушевского районов.

Украинское население, переселившееся на территорию Мордовии, также устраивало помочи. Помогать приходили, принося свои орудия труда – лопаты, вилы, носилки, ведра. Если помочи устраивал погорелец или кто-то из бедняков, то приносили строительные материалы (по возможности) и еду. Родственники приходили на них обязательно. Тому, кто пришел первым, хозяин подносил стакан освященной воды (или спиртной напиток) и кусок хлеба, в ответ тот говорил благопожелания хозяевам. По поверью, счастье с этого момента должно быть и у хозяина, и у пожелавшего его [14. – С. 194–195].

Повсеместно помочи могли собираться трижды: первые, когда закладывали фундамент, второй раз, если строили деревянный дом, когда возводили стены дома, и в третий раз, когда штукатурили дом. Следует отметить, что при строительстве кирпичного дома помощь не собирают, поскольку тогда требовались квалифицированные специалисты. В первых трех случаях помощь односельчан не оплачивалась, но ее участников обязательно 2–3 раза в день кормили и угощали спиртными напитками.

Строительство дома всегда сопровождается выпивкой. «У печника – дымовая, у плотника – магарыч». Вообще понятие «магарыч» сельские жители чаще всего связывают именно со строительством. В отличие от обычного застолья магарыч имеет и иной смысл – это неотъемлемая составляющая трудового процесса и обязательное условие соглашения, символически скрепляющее его [4. – С. 63].

Повсеместно, по рассказам респондентов, большое значение при выборе строителей имела их репутация. Особенно ценился точный глазомер. «Он руками отмерит, отрежет, примерит – как тут и было», – говорили о хорошем плотнике. Перед началом строительства люди узнавали друг от друга, какая бригада лучше работала и по приемлемой цене. Хотя сегодня в местной периодической печати публикуются объявления, рекламирующие ту или иную строительную компанию, сельчане до сих пор продолжают пользоваться проверенным и, по их мнению, более надежным методом поиска необходимой информации – через цепочку личных связей [4. – С. 61].

Перед началом строительства заказчик-хозяин и исполнители в лице бригадира предварительно оговаривали условия сделки. Как правило, это был устный договор, который заключался при свидетелях – соседях или родственниках. Торг обычно длился в течение нескольких минут. Задаток не принято было давать, и в ходе строительства хозяин с исполнителями расплачивался преимущественно по частям. По словам многих строителей, если ранее заключение сделки происходило в устной форме, то сейчас строители дают хозяину расписки с указанием полученных сумм денег.

Кроме предварительно оговоренной заработной платы, плотников было принято угощать. От качества пищи часто зависела добросовестность выполнения работ. Зафиксировано множество случаев, когда плотники оставались недовольны угощением и могли специально навредить хозяину дома – неровно подогнать доски, плохо настелить потолок и т. д. Согласно собранным полевым материалам, в районах Мордовии плотников и помощников обязательно хорошо угощали перед началом работы и после постройки дома. В русских селениях Теньгушевского и Чамзинского районов стол с разнообразной едой накрывали несколько раз, причем перед настиланием полов после укладки четвертого звена его ставили в центре сруба. В татарской деревне Суркино Лямбирского района, когда укладывали нижние и верхние венцы сруба, обязательно угощали плотников брагой, чтобы начало и окончание работы были удачными; в селе Кочетовка Зубово-Полянского района – маслом и медом, чтобы хозяева жили богато в новом доме. Кроме названного подавали вареное мясо, домашнюю лапшу, овсяный кисель и квас [ПМА: Немишев]. Татары-мишари в селе Большой Шуструй Атюрьевского района кроме оговоренной с плотниками суммы денег по возможности одаривали их рубашками и полотенцами. Односельчан также старались хорошо угостить, чтобы все остались довольны, поскольку, следуя традиционным воззрениям, это вело к благополучной жизни в новом доме.

Умелые плотники, как и печники, наделялись особыми (иногда даже колдовскими) способностями в сознании односельчан. Так, в русском селе Красино Дубенского района информатор рассказала следующий случай: плотники, которые остались недовольны хозяином, сделали так, что по вечерам на чердаке что-то стучало, и в проеме двери возникали две белые тени. Хозяин не выдержал и продал этот дом. Предполагалось, что колдовские действия плотники могли осуществить при укладке второго ряда бревен. Подобное мнение можно было услышать довольно часто. В селе Воеводское Кочкуровского района, по рассказу плотника Н. М. Тюлюкова, при рубке дома, желая навредить нехлебосольному хозяину, в паз между бревнами клали щепку, это якобы должно было вызывать в доме шум по ночам. В целом плотников уважали и старались им угодить. К хорошим плотникам относились с почтением, и их имена были широко известны, а построенные ими дома стоят десятки лет.

Подобные случаи зафиксированы и в других регионах России. Например, согласно рассказу С. С. Крюковой, плотники часто наказывали хозяина за скупость. История о тухлых яйцах, якобы подкладываемых строителями в стены дома или фундамент с целью наказания хозяина, приобрела характер некой легенды, передающейся из уст в уста. Хотя были и реальные случаи: плотники наказывали жадного заказчика доступным им способом: когда нужно было положить поперечные балки на потолок, произошел конфликт с хозяином, и один из плотников, пока остальные обедали, укоротил приготовленный смерок на полметра. В результате короткие балки проваливались, и хозяин был вынужден купить новый лес [4. – С. 62].

Расторжение договора происходит крайне редко, лишь если заказчика не устраивают качество работ и профессионализм строителей, тогда он отказывается от услуг плотников [4. – С. 61–62], и их работа, естественно, не оплачивается.

Таким образом, в сельской местности бытовало и в настоящее время функционирует множество внутренних связей сельского социума, взаимодействие которых осуществляется путем договора. Неформальные соглашения и обязательства, а также сформировавшиеся веками правила вырабатывались самой деревней в соответствии с условиями жизнедеятельности этносов и во многом обусловливались хозяйственными потребностями жителей. Интенсивность заключения договорных соглашений и исполнение договора напрямую зависели как от местоположения и величины села, так и его экономической активности. В основе договора лежат взаимопомощь и обмен, при этом обмен далеко не всегда предполагает оборот материальных ценностей. Существенную роль играет обмен отношениями – добрыми или недобрыми, мирными или конфликтными. Граница между дозволенным и недозволенным в представлениях сельчан достаточно четкая, ее нарушение чревато обратным действием – возвратом того зла, которое ты наносишь. Договор регулирует решение не только экономических вопросов, он применяется практически во всех сферах деревенской жизни: принцип взаимности, обменно-возвратный характер связей распространяется на всю совокупность коммуникаций в сельском сообществе, отражаясь в лаконичной формулировке старой народной

мудрости: «Что посеешь, то и пожнешь». От частных отношений зависит судьба всех последующих контактов отдельных звеньев в общей цепочке связей в деревне [4. – С. 63]. После оказания кому-либо помощи не принято жаловаться, что хозяева не отблагодарили или что напрасно потрачены силы и средства; также неприлично напоминать об оказанной услуге, упрекать за это или сожалеть не только хозяевам, но и третьим лицам. Также неприлично хвастаться своими способностями на помочах.

В системе локального проживания, где межличностное общение оказывается очень тесным, реализация договора обеспечивается силой коллективного убеждения в необходимости выполнения его условий. Таким образом, соблюдение взаимных обязательств подкрепляется не буквой закона, а прежде всего комбинацией межличностных и коллективных механизмов регулирования отношений. Собственно юридические способы обеспечения исполнения подобных соглашений применяются редко и лишь в ситуации крайне обостренного конфликта.

Список литературы

1. *Белицер В. Н.* Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX – первой половине XX вв. // Исследования по материальной культуре мордовского народа : труды Мордовской этнографической экспедиции. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 2. – С. 161–191.

2. *Воробьев Н. И.* Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). – Казань : Татиздат, 1953.

3. *Косвен М. О.* Семейная община и патронимия. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.

4. *Крюкова С. С.* Договор в обычном праве современной деревни России // Полевые исследования института этнологии и антропологии : сборник статей. – М. : Наука, 2006. – С. 50–77.

5. *Лузгин А. С.* Жизнь промыслов: промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в. (этнокультурные аспекты). – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2007.

6. *Майнов В. Н.* Очерк юридического быта мордвы. – СПб. : Типография МВД,1885.

7. *Макушин Н. П.* Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа : труды Мордовской этнографической экспедиции. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 2. – С. 192–209.

8. НА НИИГН. И-219. Оп.1. Отчет о работе и другие материалы Мордовской историко-этнографической экспедиции 1955 г. под руководством В. Н. Белицер.

9. НА НИИГН. И-221. Оп. 1. Отчет о работе этнографической экспедиции 1955 г. и этнографические карточки, составленные Макушиным и Глуховой.

10. *Плотников М. А.* Кустарные промыслы Нижегородской губернии. – Нижний Новгород : Типография Ройскаго и Душина, 1894.

11. Подворная перепись крестьянского хозяйства. Инсарский уезд. – Пенза, 1913. – Вып. 5.

12. *Риттих А. Ф.* Материалы для этнографии России. Казанская губерния. – Казань : Типография Императорского Казанского университета, 1870. – Ч. 1.

13. Татары. – М. : Наука, 2001.

14. Украинцы. – М. : Наука, 2000.

15. *Фукс К. Ф.* Казанские татары в статистических и этнографических отношениях. – Казань : Университетская типография, 1844.

О некоторых аспектах применения российского законодательства, упрощающего реализацию гражданами прав на ведение отдельных видов деятельности для личных нужд

И. В. Тюрин
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: tyurin.iv@rea.ru

А. С. Арутюнова
Студентка 3-го курса факультета экономики и права РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: aleksa3567sfg1@yandex.ru

Some Aspects of Practical Use of the Russian Legislation Simplifying Realization by Citizens of the Rights to Conducting Separate Types of Activity for Personal Needs

I. V. Tyurin
Senior Lecture of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: tyurin.iv@rea.ru

A. S. Arutyunova
Third-Year Student of the Faculty of Economics and law.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: aleksa3567sfg1@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкиваются граждане Российской Федерации – участники программы так называемой дачной амнистии, связанные с нарушением их прав в равном доступе к основным видам социальных услуг. Защита прав и свобод граждан является основой существования любого демократического государства, поэтому очень важно обеспечить не только бесперебойное выполнение гражданами обязанностей, связанных с реализацией права собственности на земельные участки, но и поддержку граждан со стороны государства в лице его органов при реализации гражданами своих вещных прав. Примерами реализации таких вещных прав может являться получение гражданами-собственниками земельных участков, а также находящихся в их пределах объектов индивидуального жилищного строительства: кадастрового и почтового адресов, регистрационной отметки по месту жительства, доступа к основным видам энергоресурсов, необходимых для обеспечения нормальных условий проживания. Для решения указанных выше проблем предлагается поставить деятельность правления садоводческого или огороднического некоммерческого объединения под контроль органов муниципальной власти, что позволит урегулировать нередко возникающие конфликтные ситуации между членами такого объединения в связи с установлением чрезвычайно высоких тарифов на услуги и, соответственно, повышением размера целевых взносов.

Ключевые слова: дачная амнистия, земельный участок, объект индивидуального жилищного строительства, Росреестр, кадастровая карта, садоводческая деятельность, огородническая деятельность, некоммерческие объединения граждан.

Abstract

The article depicts the problems faced by citizens of the Russian Federation-participants of the program «on dacha amnesty» associated with the violation of their rights in equal access to basic services. Protection of the rights and freedoms of citizens is the basis of the existence of any democratic state, so it is very important to ensure not only the uninterrupted performance of citizens' duties related to the implementation of the right to property of land, but also the state support of citizens in the implementation of citizens` real rights. Examples of realization of such real rights can be obtaining by citizens – owners of the land plots, and also the objects of individual housing construction situated on them: cadastral and mail addresses, the registration mark in the residence, access to the main types of energy resources necessary for ensuring normal living conditions. In order to solve the above problems, it is proposed to put the activities of the Board of horticultural non-profit Association under the control of municipal authorities, which will resolve the often-arising conflicts between the members of such Association connected with the establishment of extremely high tariffs for services and, accordingly, the increase in the amount of targeted contributions.

Keywords: dacha amnesty, parcels of land, the object of individual housing construction, the Federal service for state registration, cadastral map, horticultural activities, non-profit associations of citizens.

На сегодняшний день большое число граждан Российской Федерации уже присоединились к так называемой программе дачной амнистии[1], что дает им возможность получения права собственности на земельный участок, используемый для ведения дачного хозяйства, а также находящиеся в его пределах объекты индивидуального жилищного строительства (ИЖС). В связи с этим они сталкиваются с повсеместными нарушениями их отдельных прав, что противоречит статье 17 Конституции Российской Федерации.

Следует отметить, что с 1 января 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – № 217-ФЗ). Так, понятия дачного участка и дачного хозяйства исчезли из употребления, единственно допустимыми формами некоммерческих объединений граждан теперь являются садоводческие товарищества и огороднические товарищества.

Право собственности на объекты недвижимости в Российской Федерации регулируется Гражданским (ГК РФ) и Земельным кодексами Российской Федерации, принятыми в соответствии с ними федеральными законами и иными нормативными актами. Согласно статье 219 ГК РФ, право собственности на здания, сооружения и другое вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации.

Следует обратить внимание на то, что предусмотрено дополнительное правовое регулирование Федеральным законом от 30 июня 2006 г. № 93 «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» (далее – № 93-ФЗ) процедуры получения права собственности гражданами на земельные участки, приобретенные у государства до 30 октября 2001 г. для целей садоводства, огородничества, дачного хозяйства, а также для ИЖС. Согласно № 93-ФЗ, граждане могут официально получить право собственности на земельный участок в облегченном порядке.

Еще один Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» устанавливает возможность официально узаконить право на объекты ИЖС по упрощенному способу, распоряжаться недвижимостью по своему усмотрению, получить отметку о регистрации по месту жительства, доступ к энергоресурсам для бытовых нужд и др. Однако государственная регистрация данных объектов возможна только при наличии права собственности на данный земельный участок [10. – С. 1224].

После введения в действие закона № 93-ФЗ, а также вступления в силу № 217-ФЗ граждане получили возможность возводить постройки на территориях некоммерческих объединений, осуществлять их официальную регистрацию в качестве жилых домов, получать адрес и др. Изначально введение процедуры дачной амнистии планировалось на пятилетний срок, но затем она трижды продлевалась из-за все большего числа

[1] Под дачной амнистией подразумевают упрощенную систему оформления права собственности на отдельные категории земельных участков и объекты недвижимости, на них расположенные [2].

желающих воспользоваться данной программой. По данным Росреестра, дачной амнистией воспользовалось с 2009 г. уже около 10,5 млн граждан [1], что говорит о ее востребованности.

Действие данной программы началось еще в 2006 г. после принятия № 93-ФЗ. Изначально ее целью было пополнение бюджетной системы за счет взимания с собственников налогов на имущество, поскольку, чем больше зарегистрированных объектов недвижимости, тем больше налоговых поступлений в соответствующую казну государствах [7. – С. 79]. Со временем дачная амнистия получила большой отклик со стороны граждан, поскольку у них появилась возможность официально совершать различные сделки с объектами недвижимости, зарегистрированными на праве их собственности, они стали вовлекаться в гражданско-правовой оборот [4. – С. 29].

Кроме того, в интернет-интервью от 23 октября 2009 г. заместитель руководителя Росреестра Г. Ю. Елизарова прокомментировала процесс реализации дачной амнистии в Российской Федерации: «Президент Российской Федерации в своем послании Федеральному собранию Российской Федерации поставил задачу о необходимости создания правового механизма, который позволил бы упростить оформление в собственность – легализовать имеющиеся у граждан объекты недвижимости, такие как дачи, садовые домики и т. д.» [3].

Однако на сегодняшний день граждане нередко сталкиваются с проблемой, связанной с отсутствием доступного обеспечения всех необходимых условий проживания на соответствующем земельном участке в собственном жилом доме. После получения кадастрового и почтового адресов, прохождения регистрации по месту жительства, а также оформления всех необходимых документов возникает вопрос о подключении к коммуникациям, прикреплении граждан к тому или иному медицинскому учреждению, почтовому отделению и даже к избирательному участку. Помимо этого, граждане – собственники таких участков, вступая в перечисленные выше правовые отношения, сталкиваются с трудностью идентификации собственного земельного участка на публичной кадастровой карте.

Существует множество причин отсутствия сведений о данных участках, среди которых можно обозначить и человеческий фактор, связанный с невнимательностью сотрудников органов Росреестра. Также данная ситуация может возникать в случае, если:

– государственная регистрация участка происходила с нарушением законной процедуры;

– размежевание границ участков происходило до 30 октября 2001 г.;

– участок не имеет установленных границ.

Кроме этого, присвоение адреса – это на практике достаточно длительный бюрократический процесс, зачастую сопровождающийся бумажной волокитой. Это вызывает нетерпимое отношение у общества, поскольку оформление всех необходимых документов представляет собой достаточно сложный, долгий и крайне дорогостоящий процесс. Президент Российской Федерации В. В. Путин неоднократно давал свои комментарии по поводу необходимости урегулирования вопроса по дачной амнистии [8. – С. 60]. Даже если собственник земельного участка сделал все возможное для присвоения ему адреса, все равно он сталкивается с проблемой его идентификации на кадастровой карте. Существенной проблемой может являться межевание земельного участка, произведенное до 2001 г. На тот момент действующим являлся Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 28-ФЗ «О государственном земельном кадастре», который не решал обозначенную проблему в достаточной мере. Несмотря на принятие Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221 «О государственном кадастре недвижимости», обязавшего поставить на кадастровый учет все зарегистрированные ранее земельные участки, их собственники, равно как и публичные службы, все равно не находят о них никакой информации.

Возможно, это связано с тем, что в документе о присвоении земельному участку почтового адреса, выданном собственнику региональным или муниципальным управлением архитектуры и градостроительства, не указываются ни индекс, ни принадлежность к муниципальному образованию, ни к отделению почтовой связи. Вследствие чего возникают иногда казусные ситуации, состоящие в том, что даже военные комиссариаты, правоохранительные органы не всегда в состоянии определить местоположение и районную принадлежность данного земельного участка с объектом ИЖС. Также не представляется возможным получить ни уведомления из налоговой службы, ни какие-либо другие официальные уведомления из-за отсутствия такого адреса на муниципальных картах [9. – С. 36].

Лица, кому удалось пройти все стадии постановки земельного участка на кадастровый учет, регистрации прав на него, регистрации объектов ИЖС и др., сталкиваются с тем, что им не могут обеспечить приемлемые условия проживания (например, предоставить обеспечение энерго-, газо-, водоснабжением). Проблема состоит в том, что, хотя на садовом участке может быть официально зарегистрирован жилой дом с кадастровым номером и адресом, оказание всех коммунальных услуг как обеспечивалось при участии садовых товариществ, так и продолжает ими обеспечиваться.

Заметим, что численность участников программы о дачной амнистии увеличивается очень быстро, соответственно, объем потребления коммунальных услуг возрастает в разы, что ведет к определенным издержкам, связанным с их потреблением. Возьмем, к примеру, энергоснабжение. Согласно пункту 51 Постановления Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг…»[1], сетевые организации обязаны оплачивать стоимость электрической энергии в объеме фактических потерь электрической энергии, возникших в принадлежащих им объектах электросетевого хозяйства, входящих в единую национальную (общероссийскую) электрическую сеть. Соответственно, в городах все жилые территории, здания, помещения подсоединены к единой электросети.

В садовых и огороднических товариществах на земельных участках в границах их территории ситуация обстоит иначе. На основании подпункта 9 пункта 2 статьи 35 Федерального закона от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» (далее – № 66-ФЗ) органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации были вправе устанавливать для садоводов, огородников, дачников и их садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений нормативы платы за электроэнергию, воду, газ, телефон, определенные для сельских потребителей.

Таким образом, установление тарифа для данных категорий потребителей относилось к исключительной компетенции органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации. В связи с этим содержание и обслуживание принадлежащих на праве собственности садоводческим и огородническим некоммерческим объединениям граждан электрических сетей и трансформаторов, а также оплата возникающих в них потерь электроэнергии должны были производиться указанными объединениями за счет собственных источников, поскольку содержание и обслуживание принадлежащих на праве собственности садоводческим и огородническим некоммерческим объединениям граждан электрических сетей и трансформаторов, а также оплата возникающих в них потерь электроэнергии должны были производиться указанными объединениями за счет собственных источников [12. – С. 57]. В соответствии со статьей 26 недавно вступившего в силу закона № 217-ФЗ, органы государственной власти вправе в границах территории садоводства и огородничества организовывать доступ к услугам первой необходимости. Однако такая формулировка, определяющая право, но не обязанность, предоставляет государственным органам возможность выбора в предоставлении такого доступа, что фактически не отличает содержание отдельных положений нового закона от норм старого.

Это приводит к тому, что процент электропотерь в зависимости от числа подсоединенных к электросети граждан доходит до 30–40% [6]. И чем больше становится число потребителей, тем выше растет процент таких потерь. Правообладателям земельных участков с жилыми домами приходится фактически переплачивать за электроэнергию в два-три раза, что препятствует обеспечению нормальных условий проживания.

Приведем пример из практики. В Постановлении Федерального Арбитражного суда Московского округа от 3 ноября 2011 г. по делу № А40-75986/09-104-387 садоводческое товарищество «Колпяна» обратилось в Арбитражный суд города Москвы с иском к ОАО «Мосэнергосбыт» о включении в договор электроснабжения

[1] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2004 г. № 861 (ред. от 13.08.2018) «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам администратора торговой системы…» (глава VI) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – 27 декабря. – № 52 (ч. 2). – Ст. 5525.

компенсации абоненту расходов по доставке электроэнергии от границы балансовой принадлежности (точки поставки) до точки действия тарифа в связи с электропотерями. Однако суд отказал в иске в связи с тем, что электрические сети от границы балансовой принадлежности до точки действия тарифа, а также трансформатор находятся во владении истца. В соответствии со статьей 210 ГК РФ, собственник несет бремя содержания принадлежащего ему имущества. Кроме того, суд сослался на то, что на основании подпункта 9 пункта 2 статьи 35 № 66-ФЗ муниципальные органы власти сами устанавливают тарифы в данных объединениях.

Вопрос состоит в том, почему до сих пор на основании № 93-ФЗ происходит только официальная регистрация прав на земельные участки, а также объекты ИЖС, а плата за электроэнергию и другие виды коммунальных услуг взимается на основании законодательства о садоводческой и огороднической деятельности, при этом у граждан нет возможности подключения к городским линиям электроснабжения даже при учете того, что данные земельные участки находятся в черте города.

Еще одной проблемой остаются сохраняющиеся нарушения прав граждан в обеспечении их доступа к основным видам услуг, например почтовой связи. Это объясняется невозможностью идентификации адреса населенного пункта в результате некорректных действий органов государственной власти, хотя правообладатели таких земельных участков и иных объектов недвижимости, располагающихся в их пределах, проходят все стадии государственной регистрации вещных прав и постановки земельных участков на кадастровый учет, уплачивают различные виды налогов в пользу публичных образований: земельный налог, налог на имущество физических лиц.

В итоге между членами некоммерческих товариществ и владельцами объектов ИЖС нередко возникают конфликты, связанные с оплатой основных видов услуг [5]. Изучим один из таких примеров, основанный на реальных событиях и произошедший в Калужской области.

В садовом товариществе К., в пределах которого расположено 100 земельных участков, правообладатели 15 земельных участков получили право собственности на объекты ИЖС в пределах этих территорий. В связи с тем что многие садоводческие и огороднические товарищества сегодня не газифицированы, то основным источником тепла в зимний период является электроэнергия. Поэтому, если на территории муниципального образования, согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178 «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике»[1], физическое лицо желает осуществить такое присоединение к электрическим сетям, то плата за технологическое присоединение устанавливается в размере не более 550 рублей при условии, что расстояние от границ участка заявителя до объекта сетевой организации составляет не более 300 метров в городах и поселках городского типа и не более 500 метров в сельской местности. На дачных участках же такая система не предусмотрена, поскольку они относятся к ведению некоммерческих объединений, рассчитывающихся за электроэнергию по общему счетчику [11].

Такая же ситуация обстоит и с подключением к сетям газораспределения. При этом при заключении договора подключения к газовой сети садоводческим или огородническим товариществом с подрядной организацией общая стоимость услуг технологического присоединения устанавливается в пределах 3 млн рублей, не считая дополнительных расходов, которые собственники земельных участков должны понести, в связи с подключением объектов ИЖС к данной сети газораспределения.

В результате общие расходы на поставку электроэнергии со ста земельных участков в летний период составляли 500 кВт/ч в месяц, а в зимний период, когда основными потребителями являлись 15 собственников объектов ИЖС на отдельных земельных участках, расход составлял 20 000 кВт/ч в месяц. В связи с этим из-за растущего потребления электроэнергии и большой протяженности сетей электропередачи в них возникают огромные потери.

Поскольку указанные выше владельцы оплачивают услуги по электроэнергии, основываясь

[1] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. № 1178 (ред. от 25.12.2018) «О ценообразовании в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике» (вместе с «Основами ценообразования в области регулируемых цен (тарифов) в электроэнергетике», «Правилами государственного регулирования (пересмотра, применения) цен (тарифов) в электроэнергетике») // Собрание законодательства РФ. – 2012. – 23 января. – № 4. – Ст. 504.

на показателях своих счетчиков, то они не учитывают расходы электроэнергии, возникшие в связи с указанными потерями. Следовательно, в сумме эти приборы отражают значительно меньшее значение, чем счетчик, установленный при вводе электроэнергии в садоводческое или огородническое товарищество, поэтому такую разницу правление товарищества вынуждено покрывать за счет общих взносов его членов.

Также между членами товарищества, которые пользуются электроэнергией постоянно, и теми, кто пользуется ею только в летний период, возникают серьезные споры, связанные с нецелевым использованием уплаченных общих взносов, которые расходуются на погашение задолженности по поставке электроэнергии в связи с огромными энергопотерями в зимний период.

№ 66-ФЗ давал точное определение целевым взносам. Согласно этому закону, таковыми признавались взносы, внесенные членами такого товарищества на приобретение (создание) объектов общего пользования. В соответствии со статьей 24 данного закона, председатель правления товарищества при осуществлении своих прав и обязанностей должен был действовать в интересах этого объединения, а значит, он нес ответственность за убытки, понесенные таким объединением в результате действий самого председателя. При этом не несли ответственности те члены данного объединения, которые проголосовали против таких решений.

За подобные неправомерные действия, результатом которых стали финансовые злоупотребления или иные правонарушения, председатель правления и его члены могли быть привлечены к дисциплинарной, материальной, административной или уголовной ответственности в соответствии с законодательством. В № 217-ФЗ, а именно в статье 14 целевыми взносами признаются расходы, связанные с созданием или приобретением имущества общего пользования и др. Такая интерпретация целевых взносов, предложенная в данном законе, не отличается от определения, данного в его предшественнике, что не позволяет окончательно урегулировать правовые отношения, связанные с возможными злоупотреблениями при взимании этих взносов.

Для решения вопроса процедурного урегулирования приобретения земельных участков и объектов ИЖС, находящихся в пределах некоммерческих объединений граждан, нами предлагается при получении их владельцами права собственности на данные земельные участки и объекты ИЖС, на них расположенные, а также при государственной регистрации вещных прав собственников жилых домов поставить обслуживание того или иного садоводческого или огороднического товарищества под контроль органов исполнительной власти муниципального образования, в пределах территории которого находится данное товарищество. Вместе с этим предполагаем, что необходимо обязать органы муниципальной власти обеспечить полный доступ гражданам к сетевой инфраструктуре соответствующего населенного пункта. Деятельность правления же садоводческого или огороднического некоммерческого объединения целесообразно было бы также поместить под контроль данных органов муниципальной власти.

Вместе с тем рекомендуется внести поправки в соответствующие статьи № 217-ФЗ с целью урегулирования отдельных гражданско-правовых отношений, упомянутых в данной статье. Первая поправка должна быть внесена в статью 14 вышеназванного закона, касающуюся взимания целевых взносов. Ее целью будет установление механизма строгого определения размера целевых взносов, порядка их взимания, а также направления их использования. Второй поправкой в статью 26 № 217-ФЗ следует обязать органы публичной власти беспрепятственно организовывать доступ граждан – собственников земельных участков, находящихся в пределах территорий садоводческого или огороднического товарищества, к основным видам услуг, в которых у них есть потребность.

Список литературы

1. Дачная амнистия продлена еще на два года. Публикация от 13.03.2018. – URL: https://rosreestr.ru/site/press/news/dachnaya-amnistiya-prodlena-eshche-na-dva-goda/ (дата обращения: 25.01.2019).

2. Дачная амнистия: изменения в 2017 г. Публикация от 10.03.2017. – URL: https://rosreestr.ru/site/press/news/dachnaya-amnistiya-izmeneniya-v-2017-godu/ (дата обращения: 25.01.2019).

3. *Елизарова Г. Ю*. Интервью о ходе реализации дачной амнистии в Российской Федерации. – URL: http://www.garant.ru/interview/208913/ (дата обращения: 25.01.2019).

4. *Знаменская А. О*. дачной амнистии: размышления на тему // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2006. – № 90 (60). – С. 29–33.

5. Калуга – городской портал. Статья «Бремя потерь». – URL: https://www.kp40.ru/news/society/42386/ (дата обращения: 25.01.2019).

6. Пример методики расчета технологических потерь электроэнергии в линии электропередач СНТ, разработанной сетевой компанией. – URL: https://1004kv.ru/acttu/методика-расчета-технологических-по/ (дата обращения: 25.01.2019).

7. *Пчелинцева Т. А.* Жизнь дачников не стала легче. Полемика дачной амнистии // Общество и право. – 2008. – № 2 (20). – С. 76–80.

8. *Савинов Г. Ф.* Дачная амнистия: проблемы и перспективы // Кадастр недвижимости. – 2007. – № 4. – С. 60–68.

9. *Савинов Г. Ф.* Некоторые практические вопросы дачной амнистии // Кадастр недвижимости. – 2008. – № 2. – С. 33–37.

10. *Семенова Ю. В.* Новое в правовом регулировании дачной амнистии // Научный альманах. – 2015. – № 9 (11). – С. 1222–1224.

11. Технологическое присоединение к электрическим сетям : методическое пособие для предпринимателей (разработано ФАС РФ и Общероссийской общественной организацией малого и среднего предпринимательства «Опора России») // Журнал руководителя и главного бухгалтера ЖКХ. – 2009. – № 11 (ч. II. – Гл. 8.

12. *Третьяков А. П.* Новые тенденции в управлении жилой недвижимостью в СНТ: об актуальности вопроса потребления и учета электроэнергии садоводами // Агропродовольственная политика России. – 2017. – № 12 (72). – С. 56–58.

Правовой анализ особенностей практики применения банковской гарантии в сфере государственных закупок

Е. А. Манько
Старший специалист 3-го разряда Арбитражного суда г. Москвы.
Адрес: Арбитражный суд г. Москвы, 115191, Москва, ул. Большая Тульская, д. 17.
E-mail: manko666@mail.ru

Legal Analysis of the Practice of Applying Bank Guarantee in the Field of Public Procurement

E. A. Manko
3rd Category Senior Specialist of the Moscow Arbitration Court.
Address: The Moscow Arbitration Court, 17 Bolshaya Tulskaya,
Moscow, 115191, Russian Federation.
E-mail: manko666@mail.ru

Аннотация

В представленной статье автором предпринята попытка проанализировать наиболее важные вопросы и актуальные проблемы, возникающие при применении таких способов обеспечения исполнения обязательств, существующих в гражданском праве, как банковская гарантия и поручительство. Автором была поставлена цель решить следующие научные задачи: анализ генезиса правоотношений, возникающих в сфере правового регулирования института поручительства и банковской гарантии в законодательстве и правоприменительной практике Российской Федерации; исследование регламентации данных обеспечительных способов в современном российском праве, включая специфику правового статуса субъектов; характеристика особенностей применения данных способов в сфере государственных закупок; анализ проблем в данной правовой сфере, актуальных материалов судебной практики и формирование предложений, направленных на совершенствование законодательства, регулирующего поручительство и банковскую гарантию в современном гражданском обороте. Автор уделяет внимание случаям выдачи поддельных документов в данной сфере. Также рассматривается случай коллизии норм в положениях Гражданского кодекса Российской Федерации и Закона № 395-ФЗ «О банках и банковской деятельности», которые будут и в дальнейшем способствовать возникновению риска материальных потерь, неисполнения государственного (муниципального) контракта.

Ключевые слова: право, поручительство, независимая гарантия, банковская гарантия, гарант, принципал, бенефициар, заказчик, поставщик, правовое регулирование, контрактная система, закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд, судебная практика.

Abstract

The article attempts to analyze the most important issues and current problems arising in the application of a bank guarantee and surety. The purpose of the study is to solve the following scientific problems: analysis of the genesis of legal relations arising in the field of legal regulation of the institution of surety and bank guarantee in the legislation and law enforcement practice of the Russian Federation; a study of the regulation of these methods of securing a transaction in modern Russian law, including the specifics of the legal status of subjects; the characteristics of the application of these methods in the field of public procurement; analysis of relevant materials of judicial practice and the formation of proposals aimed at improving the legislation governing the surety and the bank guarantee. The author pays attention to the cases of issuing forged documents in this area, and also considers a case of conflict of the rules in the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the Law No. 395-FZ “On Banks and Banking Activities”, which will contribute to the risk of material losses, non-execution of a state (municipal) contract.

Keywords: law, guarantee, independent guarantee, bank guarantee, guarantor, principal, beneficiary, customer, supplier, legal regulation, contract system, procurement for state and municipal needs, judicial practice.

Основные цели законодательства о контрактной системе в современном гражданском обороте – своевременное и эффективное удовлетворение публичных и общественных потребностей и интересов, доступный к всеобщему пониманию процесс осуществления процедур закупок для специалистов в данной сфере и ее участников, необходимая конкуренция, ее прозрачность и эффективность, снижение удельного веса преступлений в сфере коррупции и изменение в сторону уменьшения затрат бюджетных средств [3. – С. 119].

Как показывает анализ осуществления подобных мер в 2017 и в 2018 гг., данный период общественного генезиса отмечен увеличением количества площадок публичных закупок (ЭТП) до шести; с целью контроля закупок лекарственных средств, преимущественно в общественных интересах, сформирована специальная информационно-аналитическая система (ИАС). Появление данной системы необходимо признать прогрессивным правовым явлением, поскольку на ее основе Минздравом России возможен активный мониторинг цен в каждом сегменте. В современной России активизировалось общественное обсуждение тендеров, – согласно статистическим данным, более активно при крупной закупке товаров, работ и услуг, что является значительным прогрессом в структуре иных положительных аспектов института централизованных публичных закупок.

Прогрессивным явлением в сфере государственных и муниципальных закупок представляется необходимым признать активизацию такого способа обеспечения обязательств, как банковская гарантия, и исключение применения в данной правовой области поручительства. Как демонстрирует статистика, с каждым годом правовое регулирование банковской гарантии как активно развивающегося обеспечительного способа совершенствуется. Согласно статистическим данным Министерства экономического развития Российской Федерации, за 2017 г. удельный вес контрактов, по которым поставщиками были сформированы банковские гарантии, составил 18,3%, что в два раза превысило аналогичный показатель в 2016 г.

В рамках Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон о контрактной системе) участнику закупок для публичных целей регламентирована возможность обеспечить заявку на участие в торгах как путем внесения денежных средств, так и в виде банковской гарантии, что представляется достаточно важным и актуальным в современном гражданском обороте. Избрание банковской гарантии как обеспечительного способа участия в конкурсе либо в аукционе при публичной закупке приобретает обязательный характер с целью подтверждения соответствующей сделки в электронных закупках. В связи с этим выдача подобных обеспечительных гарантий приобрела популяризацию, стала на «поток», а отдельные банки начали специализироваться исключительно на данной достаточно ликвидной услуге [2. – С. 2–3].

Необходимо констатировать, что при осуществлении государственных (муниципальных) закупок представляется возможным формирование исключительно безотзывных и непередаваемых гарантий с формированием определенного бенефициаром сроком действия. В силу внесения изменений в законодательство по проведению публичных закупок заказчиками принимаются гарантии от ограниченного числа банков, которые должны соответствовать необходимым требованиям: банк должен обладать соответствующей лицензией Банка России на реализацию полномочий в сфере банковских операций; иметь практический опыт в сфере финансовых услуг не менее пяти лет; обладать собственным капиталом банковского учреждения в размере не менее одного миллиарда рублей; являться законным исполнителем и регулятором действующих нормативов на протяжении не менее полгода; не выступать в качестве лица, в отношении которого осуществляется процедура по финансовому оздоровлению, которая инициирована регулятором.

В соответствии с национальными нормативами, в целях обеспечения исполнения контракта в сфере публичных закупок банковская гарантия должна обладать структурой других притязаний: подобная гарантия может быть сформирована банком, который включен в Перечень банков, отвечающих соответствующим требованиям, в актуальном виде поддерживается на официальном сайте Министерства финансов Российской Федерации и обладает принципом открытости. В связи с подобными требованиями государственный (муниципальный) заказчик не обладает правомочием предъявления иных, дополнительных притязаний к банкам-гарантам.

Показательным и резонансным в указанной связи следует признать Постановление ФАС Се-

веро-Западного округа от 18 июня 2014 г. по делу № А56-54795/2013, аргументы которого активно применялись судами в 2018 г. Суд, рассматривая дело, признал в качестве незаконного формирование правительством Санкт-Петербурга дополнительных требований к банкам-гарантам. Так, среди подобных притязаний фигурировало: наличие генеральной лицензии на осуществление банковских операций, собственный капитал в размере 5 млрд рублей, участие в системе обязательного страхования вкладов физических лиц. Суд пришел к выводу, что предъявленные требования к банку входят в противоречие с действующими нормативными положениями, в частности, статьи 45 Закона о контрактной системе, статьи 12 Закона «О деятельности кредитных рейтинговых агентств в Российской Федерации, о внесении изменения в статью 76.1 Федерального закона "О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)" и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», регламентирующих структуру требований к банкам-гарантам.

При избрании в качестве обеспечительного способа банковской гарантии, конкурсная документация об аукционе должна содержать совокупность информации: сведения о размере обеспечения заявок, условиях банковской гарантии, которые должны соответствовать требованиям, изложенным в пункте 2 статьи 45 Закона о контрактной системе. Так, в силу закона банковская гарантия должна иметь следующие обязательные сведения: цену гарантии, которая подлежит оплате гарантом заказчику в предусмотренных частью 15 статьи 44 Закона ситуациях, либо цену гарантии, подлежащую оплате в ситуации исполнения обязательств принципалом ненадлежащим образом; обязательства принципала, исполнение которых обеспечивается гарантией; обязанность гаранта, связанную с оплатой заказчику денежной суммы в размере 0,1%, которая должна быть оплачена (за каждый день просрочки).

Банковская гарантия, применяемая в сфере публичных закупок, помимо изложенного, должна обладать следующими признаками: содержать условие, вследствие которого исполнением обязательств гаранта в силу данного обеспечительного способа признается факт поступления денежных средств на счет, в котором отражаются все операции со средствами, поступающими заказчику; срок действия гарантии; отлагательное условие, предусматривающее заключение договора предоставления банковской гарантии по обязательствам принципала, возникшим из контракта при его заключении, в случае предоставления банковской гарантии в качестве обеспечения исполнения контракта; нормативно установленная структура документов, выдаваемых заказчиком банку вместе с притязанием об оплате денежных средств в силу банковской гарантии.

Представляется важным отметить: законодатель регламентирует, что в ситуации, установленной извещением об осуществлении публичной закупки, документацией, проектом государственного (муниципального) контракта, совершаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем), данный документ должен содержать положение о праве заказчика в отношении бесспорного списания денежных активов со счета гаранта в ситуации, когда гарантом в период времени не более чем пять рабочих дней не отмечено исполнение притязаний заказчика об оплате денежных средств по банковской гарантии, сформированное и направленное до окончания действия банковской гарантии. Закон при этом формирует явный запрет о включении в положения банковской гарантии притязаний о представлении заказчиком гаранту судебных актов, которые содержат информацию о неисполнении принципалом гражданско-правовых обязательств, обеспечиваемых гарантией.

Необходимо отметить, что, несмотря на особые требования к банковской гарантии при публичных закупках со стороны законодателя, практика демонстрирует случаи выдачи поддельных документов в данной сфере. С целью избежать подобных актуальных проблем при использовании электронных публичных закупок было регламентировано императивное правило о размещении копии оформленных надлежащим образом банковских гарантий на сайте государственных закупок. Однако, как свидетельствует практика применения данной правовой конструкции, увеличивающиеся притязания со стороны законодателя не препятствуют осуществлению подделки копии банковских гарантий ведущих банков, выдавая их за собственные документы. Выявить подобные поддельные банковские гарантии представляется возможным исключительно специалистам в финансовой сфере с достаточно высокой степенью профессионализма. Данные обстоятельства позволяют констатировать необходимость более эффективного обучения и переобучения специалистов данной сферы, фор-

мирования в высших учебных заведениях отдельных факультетов, которые осуществляют профессиональное обучение в сфере государственных и муниципальных закупок (с привлечением в качестве преподавателей ведущих практиков).

Решение актуальных проблем поддельных банковских гарантий в современной России усматривается также в упрощении со стороны банковских учреждений данной банковской процедуры в отношении участников электронных публичных торгов, например, путем введения электронной гарантии по общему совершенному шаблону.

Выявляя проблемы в сфере применения банковской гарантии при публичных закупках, необходимо сказать об отсутствии на современном этапе четкой регламентации со стороны законодателя, а также позиций высших судебных инстанций в отношении правомерности требования заказчиков о предоставлении новой банковской гарантии взамен прежней, сформированной поставщику банком с отозванной Центральным банком лицензией. В результате противоречия в положениях Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) (статьи 378, 379) и пункта 1 статьи 23 Закона № 395-ФЗ «О банках и банковской деятельности» будут и в дальнейшем способствовать возникновению риска материальных потерь, неисполнения государственного (муниципального) контракта. В связи с этим заказчику необходимо заранее внести определенность в отношении необходимости замены гарантии поставщиком при исполнении заказа, отметив данное положение в контракте.

В отношении применения в публичных закупках другого способа обеспечения исполнения обязательств – поручительства – необходимо отметить, что до вступления в юридическую силу Закона о контрактной системе данный способ обеспечения представлял собой одну из ведущих обеспечительных мер публичного контракта. Однако подобное положение просуществовало в России всего два года: в действующей редакции закона формулировка поручительства в сфере государственных закупок отсутствует. Прежняя схема применения поручительства в данной сфере: в силу положений ГК РФ (часть 1 статьи 361) поручитель (юридическое либо физическое лицо) принимал на себя ответственность перед кредитором отвечать за исполнение иным лицом основного обязательства. В результате можно отметить, что данный способ обеспечения исполнения обязательств в сфере государственных закупок представлял собой трехстороннее соглашение (государственный либо муниципальный заказчик, исполнитель и поручитель).

Таким образом, договор поручительства, применяемый прежде в публичных закупках, представлял собой трехсторонний договор, в котором активное участие принимал государственный (муниципальный) заказчик, что отличает данную правовую конструкцию от активно применяемой в сфере публичных закупок банковской гарантии, в которой банк-гарант не имеет прямого отношения к контракту, реализуя исключительно наблюдательные функции. В 2018 г. отмечена активизация использования в данной области банковской гарантии. В качестве основных изменений в сфере публичных закупок необходимо отметить следующее: с 1 июля 2019 г. представляется возможным обеспечить заявку на участие в электронной процедуре посредством гарантии, выданной банком, входящим в специальный перечень; на данном этапе в 2018 г. обеспечить заявку необходимо исключительно при начальной цене публичного контракта более 5 млн рублей; средства подлежат сохранению на специальных счетах в уполномоченных банках; до 30 июня 2019 г. обеспечение заявки в электронном аукционе, в открытом аукционе в электронной форме, в электронном конкурсе (открытом, двухэтапном, с ограниченным участием) будет осуществляться в денежной форме (пункт 52 статьи 1 Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 504-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд"» (последняя редакция).

Правовое регулирование ответственности за нарушение гражданско-правовых обязательств в банковской гарантии силы и поручительства по обеспечительным обязательствам в сфере публичных закупок – особая форма государственного регулирования экономических отношений в данной сфере [5. – С. 41].

Специфика банковской гарантии, в отличие от поручительства, заключается в ее независимости от основного обязательства, в обеспечение которого она формируется, что предполагает фактически бесспорную выплату в случае предоставления гаранту правильно оформленной заявки, которая соответствует притязаниям гарантии. Особое значение имеет тот факт, что гарант в силу пункта 2 статьи 370 ГК РФ не вправе формировать притязания против бенефициа-

ра, вытекающие из основного обязательства. Данные факты накладывают отпечаток на юридическую ответственность в указанной сфере.

Анализ положений закона о контрактной системе позволяет констатировать, что данный нормативный источник содержит незначительное число норм права в отношении особенностей юридической ответственности в отношении банковской гарантии по обеспечительным обязательствам. В соответствии с данным фактом, подобная ответственность применяется по общим правилам гражданского законодательства. Так, согласно статье 375.1 ГК РФ, ответственность бенефициара определена следующим образом: бенефициар обязан возместить гаранту или принципалу убытки, которые причинены вследствие представления документов с признаком недостоверности либо того, что сформированное притязание необоснованно.

По взаимоотношениям бенефициара и гаранта в связи с активизацией применения банковской гарантии в публичных закупках сложилась обширная судебная практика. Так, отдельные споры возникают в связи с установленным сроком банковской гарантии. По общему правилу срок банковской гарантии, которую поставщик вправе предъявить заказчику в обеспечение исполнения обязательств по публичному контракту, должен превышать срок действия контракта не менее чем на один месяц (часть 3 статьи 96 Закона о контрактной системе). В подобном случае формирование условия публичного контракта о том, что данное соглашение действует до полного исполнения сторонами возложенных контрактом обязательств, способствует невозможности для поставщика точным образом установить срок действия банковской гарантии. Представляется, что подобные сегменты соглашения обоснованно признаются национальными антимонопольными органами в качестве фактов несоблюдения заказчиком действующего закона.

Судебная практика демонстрирует, что комиссия Федеральной антимонопольной службы России достаточно часто отмечает: установление государственным заказчиком срока окончания действия контракта – «до полного исполнения сторонами обязательств по настоящему контракту» – не позволяет суду уяснить информацию о точных сроках исполнения сторонами возложенных обязательств и влечет неправомерное отсутствие в документации требований к обеспечению по контракту. В подобном случае наличие данного договорного условия влечет недействительность банковской гарантии. Тождественные по аргументации решения принимают иные государственные контрольные органы в сфере государственных закупок, находя активную поддержку в судебной практике.

Ответственность по банковской гарантии в форме отказа в ее принятии заказчиком может возникнуть также в связи с отсутствием в банковской гарантии условий об обеспечении гарантийных обязательств (если подобное требование установлено заказчиком в документации) О. А. Беляева справедливо отмечает: «Несмотря на неакцессорность банковской гарантии, данный способ обеспечения исполнения обязательств обладает особым постконтрактным характером» [1. – С. 1]. Тем не менее практика демонстрирует, что суды в ряде случаев принимают противоположную позицию. Так, Верховный суд Российской Федерации в своем определении от 21 марта 2017 г. № 305-ЭС17-1681 выразил поддержку нижестоящих арбитражных судов в том, что отсутствие в банковской гарантии условий об обеспечении гарантийных обязательств (если подобное требование указано заказчиком в документации) – основание для отказа в принятии данного документа заказчиком.

Гражданско-правовая ответственность по данному обеспечительному способу может быть выражена в виде неустойки от суммы банковской гарантии. Как демонстрирует практика, правовая оценка по данному вопросу неоднозначна, особенно в случаях, когда заказчик формирует притязания о взыскании неустойки по отношению к банку-гаранту по банковской гарантии, применяемой в сфере публичных закупок. В подобной ситуации Минэкономразвития России в своем письме от 15 февраля 2016 г. № Д28и-416 отмечает, что требования по неустойке могут быть удовлетворены из средств банковской гарантии, если другие правила не предусмотрены условиями гарантии.

Как показывает практика судов, осуществляется взыскание с банков сумм, соответствующих сформированным заказчиком штрафным санкциям в счет притязаний по банковской гарантии. Так, Арбитражный суд Московского округа в своем Постановлении от 3 июня 2016 г. по делу № А40-97676/15 установил, что банк выразил отказ в удовлетворении требования заказчика о взыскании неустойки, аргументируя позицию тем, что представленное требование входит в проти-

воречие с условиями банковской гарантии. Кассационная инстанция отметила, что, согласно статье 370 ГК РФ, установленное гарантией гражданско-правовое обязательство гаранта перед бенефициаром не является зависимым в отношениях между данными субъектами от основного обязательства, в обеспечение исполнения которого она сформирована, даже если в гарантии содержится ссылка на обязательство.

Исходя из вышеизложенного, суд сформировал резолюцию о правомерности акта арбитражного суда первой инстанции, удовлетворившего иск заказчика. Вместе с тем представляется, что с целью эффективного судебного решения необходимо принимать во внимание как действующие нормативы о государственных (публичных) закупках, так и положения ГК РФ, а также условия конкретной банковской гарантии. Так, в соответствии с положением пункта 2 части 2 статьи 45 Закона о контрактной системе, гарантия должна обладать информацией в отношении обязательств принципала, в обеспечение которых гарант формирует, выдает гарантию бенефициару. В подобной ситуации (в рассматриваемом контексте) отсутствуют помехи для внесения в банковскую гарантию условия об обеспечении гарантией, включая обязательства поставщика по выплате заказчику установленной договором неустойки. Необходимо также учитывать положения пункта 4 статьи 368 ГК РФ в отношении более узкой интерпретации функции гарантии, согласно которой в банковской гарантии должно быть указано основное обязательство, исполнение по которому обеспечивается подобной гарантией.

Как демонстрирует судебная практика, оценивая риски заказчика между избранием возможности применения неустойки из суммы контракта либо штрафных санкций в связи с использованием банковской гарантии, необходимо принять во внимание, что в обоих случаях на заказчика возлагается риск возможности изменения арбитражным судом законной неустойки в сторону уменьшения, применение которой было осуществлено заказчиком до вступления в юридическую силу судебного акта об уменьшении размера начисленных штрафных санкций [4. – С. 28–36]. Вследствие изложенного заказчик будет призван осуществить возврат неосновательного обогащения в виде полученных денежных средств в счет установленной неустойки, объем которой был впоследствии уменьшен судом (пункт 1 статьи 1102 ГК РФ). В ситуациях, когда удержание осуществлялось в счет оплаты по контракту либо из сумм, которые внесены поставщиком в рамках обеспечительных мер по договору, в качестве истца по кондикционному иску будет признан поставщик.

Подводя итог, можно резюмировать следующее. Государственная закупка в современной России – способ закупки, посредством которого государство осуществляет удовлетворение публичных нужд. Прогрессивным явлением в сфере подобных закупок представляется необходимым признать активизацию банковской гарантии и исключение из положений действующего законодательства в данной области поручительства. В результате банковская гарантия не только позволяет определить серьезность намерений исполнителя или участника тендера, но и призвана обеспечить максимальную защиту органов государственной (муниципальной) власти от возможного ущерба, причиняемого отказом или невыполнением (ненадлежащим исполнением) обязательств со стороны принципала, что представляется достаточно важным.

Список литературы

1. *Беляева О. А.* Гарантийные обязательства в государственных и муниципальных контрактах // Аукционный вестник. – 2015. – № 236. – С. 1–2.

2. *Иваненко А. В.* Независимая (банковская) гарантия как финансово-правовой инструмент // Имущественные отношения в РФ. – 2017. – № 9 (192). – С. 98–103.

3. *Кохан В. В.* Основные проблемы в области правового регулирования государственных закупок, возможные пути их решения // Молодой ученый. – 2017. – № 47. – С. 119–121.

4. *Тасалов Ф. А.* Проблемы использования банковской гарантии в качестве способа обеспечения контрактных обязательств: риски и издержки участников закупок // Вестник арбитражной практики. – 2017. – № 4. – С. 28–36.

5. *Хабаров С. А.* Некоторые вопросы гражданской правообъектности производных финансовых инструментов и ценных бумаг // Гражданское право. – 2015. – № 5. – С. 42–45.

Актуальные вопросы унификации терминов в свете разработки «Инкотермс 2020»

А. А. Скворцова
юрисконсульт ООО «СИТРАС», магистрант программы International Trade Law
Туринского университета.
Адрес: ООО «СИТРАС», 107140, Москва,
ул. В. Красносельская, д. 3, с. 2.
E-mail: skvorc-anastasiya@yandex.ru

Topical Issues of Terms Unification in the Light of the Development of "Incoterms 2020"

A. A. Skvortsova
Counsel at the LLC "CEETRUS", Participant of the International Trade Law Program
at the University of Turin.
Address: LLC "CEETRUS", 3-2 V. Krasnoselskaya Str.,
Moscow, 107140, Russian Federation.
E-mail: skvorc-anastasiya@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальному на настоящий момент вопросу, касающемуся разработки новой редакции базисов поставки «Инкотермс», которая должна увидеть свет и официально вступить в силу в 2020 г. Упомянутая редакция станет девятым по счету изданием международных коммерческих терминов. Анализируя предложения как отечественных, так и западных специалистов, автор приходит к выводу о том, что необходимо внесение ряда доработок, касающихся как создания новых терминов, так и изъятия базисов, утративших свою актуальность. В статье также рассматриваются основные проблемы, которые вызваны рядом недостатков самой последней на сегодняшний день редакции. Так, многие контрагенты включают в условия договора модифицированные термины, смысл которых может отличаться от официального толкования, а также быть не до конца понятным для самих сторон договора. Более того, до сих пор существует много споров касательно объема страхования, которое обязывают обеспечить некоторые базисы. В связи с большим количеством редакций «Инкотермс», недостаточным уровнем информирования участников международной торговли, ряд контрагентов и вовсе неправильно выбирают термин, который может сделать условия договора кабальными для одной из сторон.

Ключевые слова: «Инкотермс», Международная торговая палата, международная торговля, международная транспортировка, международный договоров, базис поставки, торговый обычай, страхование, ответственность, договор.

Abstract

The article is devoted to the current issue concerning the development of a new edition of Incoterms delivery bases, which should be published and officially come into force in 2020. This edition will be the ninth edition of the international commercial terms in the account. Analyzing the proposals of both domestic and Western experts, the author comes to the conclusion that it is necessary to make a number of improvements concerning both the creation of new terms and the removal of bases that have lost their relevance. The article also discusses the main problems caused by a number of shortcomings of the latest edition on the present day. Thus, many contractors include in the terms of the contract modified terms, the meaning of which may differ from the official interpretation, and also be not clear to the parties to the contract. Moreover, there are still many disputes about the scope of insurance, which is obliged to provide some bases. Due to the large number of Incoterms editions and insufficient level of information to participants in international trade, a number of counterparties incorrectly choose a term that can make the terms of the contract enslaving to one of the parties.

Keywords: Incoterms, International Commercial Chamber, international trade, international transportation, international contract, basis of delivery, commercial usage.

Международные коммерческие термины «Инкотермс» впервые были опубликованы Международной торговой палатой в 1936 г. Их появлению предшествовал длительный период работы юристов и других экспертов из различных сфер деятельности со всего мира. Основной идеей, которой руководствовались разработчики, было желание облегчить процесс заключения и исполнения международных договоров купли-продажи. С тех пор «Инкотермс» переиздавались каждые каждые лет. На сегодняшний день известны восемь редакций, самая последняя из которых увидела свет в 2010 г. 28 сентября 2016 г. в Москве прошла конференция, посвященная 80-летнему юбилею международных коммерческих терминов. На ней обсуждались практические аспекты применения, однако помимо этого Эмили О'Коннор, ответственный секретарь Банковской комиссии ICC и Комиссии по коммерческому праву и практике, предложила специалистам принять участие в работе над новой редакцией терминов, которая должна выйти уже в 2020 г., и представить Международной торговой палате свои предложения по усовершенствованию «Инкотермс» [1].

В настоящий момент специалисты уже заканчивают разработку новой редакции. Работа над ней ведется редакционной группой, состоящей из специалистов из Китая, США, Австралии и Европы. Ее члены периодически собираются для обсуждения отдельных вопросов и инициатив, предложенных членами Международной торговой палаты из 130 государств мира. Специалисты указывают на вероятность появления новой редакции в последней четверти 2019 г. одновременно со столетней годовщиной Международной торговой палаты, а вступление в силу обновленных терминов произойдет 1 января 2020 г. Представители бизнеса, юристы и экспедиторы из многих стран уже делают собственные прогнозы о грядущих нововведениях. Так, один из основателей международного блога, посвященного интернациональной торговле Global Negotiator Blog Олегарио Лламазарес вывел следующий ряд возможных модификаций:

1. Новая редакция не будет содержать условий EXW (Ex-Works, или «С завода») и DDP (Delivered Duty Paid, или «Доставлено с оплатой пошлины»). Основанием для данного решения называют их противоречие новому Таможенному кодексу Европейского союза (Union Customs Code, UCC) [9], который указывает на переход ответственности от экспортера к импортеру после очистки товаров для экспорта либо для импорта, а вышеуказанные термины не подразумевают наличие таких моментов, так как обе процедуры производятся одной стороной: либо покупателем, либо продавцом. Следовательно, невозможно констатировать момент перехода рисков и дополнительных расходов. EXW и DDP также называют «домашними терминами», подразумевая их удобство применения во внутренней торговле.

2. Термин FAS (Free Alongside Ship, или «Свободно вдоль борта судна») также может исчезнуть из-за его низкого уровня популярности среди контрагентов и схожести с базисным условием поставки FCA (Free Carrier, или «Франко перевозчик»). Более того, отмечается, что, если в случае использования FAS происходит задержка судна, которое должно транспортировать груз, товар будет находиться на палубе в течение нескольких дней либо, если указанное судно прибудет раньше, товар не будет готов для отправки. Отмечается, что FAS чаще всего используется при поставке минеральных ресурсов либо круп, и Редакционная группа также рассматривает целесообразность существования отдельного термина для поставок данных грузов.

3. Условие FCA в то же время предлагается раскрыть подробнее и разделить на два термина: для использования с водным транспортом и наземным. Данный термин на настоящий момент является одним из наиболее используемых – более 40% поставок совершаются с его использованием.

4. Изменения предлагается внести и в такие условия, как FOB (Free On Board, или «Свободно на борту») и CIF (Cost, Insurance, Freight, или «Стоимость, страхование и фрахт»). Редакция «Инкотермс 2010» впервые указала, что в случае если товар перемещается в контейнерах, к его поставке невозможно применять термины FOB и CIF, а вместо них надлежит использовать FCA и CIP (Cost Insurance Paid, или «Фрахт и страхование оплачены»). Данное нововведение, однако, не нашло отклика на практике, так как условия FOB и CIF являются одними из старейших и оттого привычными для использования. Более того, около 80% всех мировых поставок осуществляются в контейнерах, а следовательно, можно надеяться, что редакция 2020 г. позволит контрагентам вернуться к привычным для них условиям.

5. Создание нового базиса поставки CNI (Cost and Insurance, или «Стоимость и страхование»), который должен послужить своеобразным симбиозом определенных положений условий FCA, CFR (Cost and Freight, или «Стоимость и фрахт») и CIF. CNI будет обязывать продавца застраховать товар в пользу покупателя и оплатить перевозку груза. Риски и дополнительные расходы будут переходить от одного контрагента другому при передаче товара в порту погрузки.

6. Термин DDP (Delivered Duty Paid, или «Поставка с оплатой пошлины») также планируют усовершенствовать для возможности возложения обязанности оплатить таможенные сборы и выполнить импортную очистку как на продавца, так и на покупателя. В связи с этим предлагается создание двух условий, основанных на DDP. Во-первых, DTP (Delivered at Terminal Paid, или «Поставка с оплатой до терминала»), который возложит на продавца обязанность организовать доставку товара в терминал, находящийся в стране покупателя, и оплатить таможенные платежи. В противоположность ему предлагается использовать термин DAT (Delivered at Terminal, или «Поставка до терминала»), который возлагает обязанности по импортной очистке и оплате соответствующих сборов на покупателя. Вторым новым термином выступит DPP (Delivered at Place Paid, или Поставка с оплатой до пункта назначения»), который обяжет экспортера поставить груз в иной любой другой пункт в стране покупателя, отличный от транспортного терминала, и оплатить таможенные пошлины и иные сопутствующие платежи. Ему будет противостоять условие DAP (Delivered at Place, или «Поставка до пункта назначения»), которое аналогично DPP обозначает обязанность продавца доставить груз в любое другое место в стране покупателя, но возлагает уже на последнего обязанность оплаты таможенных расходов и оформление импортной документации [6].

Помимо указанных изменений Редакционная группа рассматривает возможность урегулирования вопросов, связанных с транспортной безопасностью и страхованием транспортных средств.

Стефани Робертс, менеджер по качеству и подготовке экспедиторов в фирме Fracht USA, указывает на необходимость внесения изменений в требования о минимальном страховом покрытии, которое в ряде случаев обязан обеспечить продавец. По ее мнению, новая редакция терминов должна предусматривать обязанность продавца заключать договор страхования товаров от всех возможных видов риска [4].

Менеджер по логистике в компании CB&I Fabrication Services Фрэнк Шродер отмечает довольно поверхностное урегулирование терминами «Инкотермс» контейнерных перевозок с помощью морского и внутреннего водного транспорта. Несмотря на появление контейнерных судов еще в 50-е гг. прошлого века, международные коммерческие термины не уделяют им должного внимания, и ряд связанных с ними вопросов, например о загрузке груза, остаются не разъясненными. Господин Шредер также подмечает необходимость урегулирования некоторых технологических нововведений в сфере транспортировки товаров. Так, он приводит в пример доставку груза с помощью дронов [4].

Специалисты также отмечают повышенное число атак, которые совершались пиратами на товары начиная еще с 2014 г. Ряд предложений по усовершенствованию «Инкотермс» направлены на минимизацию данных рисков. Для этого предлагается в том числе возложить на покупателя дополнительные обязанности по организации хранения доставленного груза.

К. В. Холопов и А. М. Голубчик подчеркивают необходимость уточнения базиса поставки DAP, так как, на их взгляд, существует неопределенность, о каком пункте поставки идет речь. Более того, условие DAP, по их словам, включило в себя три различных термина, которые существовали в редакции 2000 г., а именно: DAF (Delivered At Frontier, или «Поставка до границы»), который использовался при поставках железнодорожным транспортом; DES (Delivered Ex-Ship, или «Поставка с судна»), употреблявшийся при транспортировках на морском и внутреннем водном видах транспорта; DDU (Delivered Duty Unpaid, или «Поставка без оплаты пошлины»), использовавшийся для доставки в страну покупателя. Данная деталь обозначает необходимость предоставления отдельного вида документа для каждого варианта поставки, однако «Инкотермс» в последней редакции указанную особенность не конкретизируют. Также специалисты указывают на отсутствие уточнения типа документа, который продавец должен предоставить при использовании условия FAS. Предлагается включить в издание «Инкотермс-2020» детализирующие условия [3].

На настоящий момент авторы ряда трудов напоминают: при включении терминов «Инкотермс» в контракт купли-продажи контрагентам необходимо учитывать особенности базисов, чтобы избежать некоторых ошибок. Так, в комментариях к «Инкотермс» и научной литературе часто подчеркивается, что любой термин имеет целью обозначить обязанности продавца по доставке груза покупателю, а также разграничить права и обязанности контрагентов, однако они не могут затрагивать договоры перевозки товара. Перевозчики и экспедиторы не являются сторонами договора, а лишь действуют по указанию грузоотправителя либо грузополучателя. Однако некоторые международные экспедиторы, перевозчики и фрахтовщики используют условия «Инкотермс» для обозначения границ своей ответственности. Из-за этого на практике образовался ряд модифицированных терминов, также именующихся коммерческими. Такие условия призваны регламентировать взаимоотношения контрагентов в договорах перевозки либо экспедиции. Специалисты отмечают особую распространенность таких измененных терминов в ситуациях, когда перевозчик и/или экспедитор берут на себя в качестве обязанности оказание нетипичных для них видов услуг (например, погрузка-выгрузка и штивка товара). Среди измененных условий можно выделить следующие:

1. CIF Liner Terms (CIF на линейных условиях), обозначающее выгрузку товара с судна по обычаям судоходства выбранного порта. Таким образом, обязанности по оплате расходов, связанных с выгрузкой товара, могут быть распределены следующим образом: судовладелец будет обязан оплатить расходы по выгрузке с транспорта, а грузополучатель – затраты, возникающие на причале.

2. FOB Stowed & Trimmed (FOB с укладкой и разравниванием), которое накладывает на грузоотправителя обязанности по оплате стоимости погрузки, укладки и разравнивания товара.

3. CIF/CFR Quay Landed, или CIF/CFR Lighterage Included (с выгрузкой на берег), обозначающее обязанность продавца организовать и оплатить транспортировку товара, а также его выгрузку, которую обязан осуществить судовладелец.

4. EXW Loaded (EXW с погрузкой) обязывает продавца организовать погрузку товара на средство транспорта, предоставленное покупателем [3].

Некоторые экспедиторы и операторы мультимодальных перевозок прибегают к использованию терминов, вышедших из постоянного употребления и в целом потерявших свою актуальность. Так, до сих пор в соглашения могут включаться условия FOT (Free on Truck, или «Франко грузовик») – для перевозок автотранспортом, FOR (Free on Rails, или «Франко железнодорожный вагон») – для транспортировки железнодорожным транспортом и условие FOA (Free on Airplane, или «Франко самолет») для транспортировки авиатранспортом. Существуют государства, к примеру Япония, которые используют вышеуказанные вышедшие из всеобщего употребления термины в качестве национальных торговых обычаев. Так, в ситуации с Японией, где и по сей день термины FOB аэропорт и FOA не теряют популярности как во внешнеэкономических контрактах, так и транспортно-экспедиторских договорах, данное явление объясняется возможностью транспортировки товаров в Японию только морским либо авиатранспортом. При использовании в договорах перевозки и экспедиции условий FOR/FOT/FOB перевозчик становится обязанным осуществить доставку груза в согласованное место, однако он не несет обязанностей по оплате разгрузки. Данная интерпретация указанных условий противоречит их смыслу, ведь оригинальные базисы поставки указывают исключительно на обязанность продавца организовать погрузку товара на определенное транспортное средство, предоставленное покупателем, а про перевозчиков там не содержится ни слова [3].

Приведенные примеры адаптации терминов «Инкотермс» транспортерами и экспедиторами для своих нужд призваны обратить внимание на большой риск возникновения непонимания, которое может повлечь ненадлежащее исполнение обязательств кем-либо из сторон договора. Даже опытному участнику внешнеэкономической деятельности будет полезно в описанных ситуациях связаться с ответственным за перевозку либо экспедицию лицом и уточнить смысл, вложенный в такие модифицированные условия, так как то, что такие термины основываются на условиях «Инкотермс», не является основанием для их тождества.

Международные коммерческие термины призваны помочь сторонам определить момент перехода рисков и ответственности за товар, а также разграничить всевозможные виды расхо-

дов, однако на практике при использовании условий последней редакции может сложиться ситуация, при которой расходы будут распределены неточно и неконкретно. В качестве примера можно привести перевозку массовых насыпных товаров (угля, зерна, руды и др.), при которой складывается ситуация, когда в результате конвейерной погрузки в трюме образуется конус из перевозимого товара, который необходимо убрать, так как он смещает центр тяжести судна, тем самым нарушая его устойчивость. Обязанность равномерного размещения груза чаще всего выполняется вручную экипажем судна либо грузчиками, однако в данном случае более важным является вопрос о лице, которое оплатит данный процесс. При таких перевозках рекомендуется использовать термин FOB с добавлением условия Stowed & Trimmed, так как в случае отсутствия указанной спецификации может возникнуть следующая ситуация: базис условия FOB возлагает на продавца обязанность погрузки товара, однако в определенных государствах (Япония, Иран, порты Новороссийск и Оля в России) операция по разравниванию погруженного товара в трюме не входит в типичный комплекс услуг по погрузке груза на судно, и, таким образом, в счете, который получает покупатель, она выставляется отдельной строкой. Естественно, что данное явление нередко становится причиной спора контрагентов. Как правило, продавец аргументирует свою позицию тем, что манипуляции по разравниванию груза являются отдельным типом услуг, который отличается от работ, выполняющихся при погрузке, а следовательно, оплата разравнивания не входит в его круг обязанностей. Покупатель в свою очередь предпринимает попытки доказать неразрывную связь разравнивания груза в трюме с процессом его погрузки, невыполнение которого в надлежащем виде повлечет невозможность отправки рейса. Таким образом, добавление к стандартному условию FOB приставки Stowed & Trimmed позволит сторонам избежать вышеописанного конфликта, так как обязанность оплаты штивки будет четко отнесена к компетенции продавца. Представляется, что в комментариях к редакции 2020 г. необходимо указать возможность использования данного условия для предотвращения споров [2].

Отмечается также риск возникновения определенных проблем при использовании терминов FCA, FAS и FOB. Причиной потенциального конфликта между продавцом и покупателем служит следующая неясность, которая имеет шанс возникнуть при использовании морского или внутреннего водного видов транспорта: вышеперечисленные условия возлагают на покупателя обязанность заключить договор перевозки и нести все расходы с момента поставки товара на выбранный транспорт. Термины четко регламентируют, что покупатель является ответственным за фрахт судна, однако не указывают, на ком из контрагентов лежит обязанность по приему судна в порту отгрузки, что может включать в себя оплату услуг агента, аренды причала, оплату всевозможных сборов и иные расходы. Ситуация осложняется, тем, что порт не будет принимать экспортный груз под накопление судовой партии, пока какая-либо сторона не заключит с ним договор на прием судна под этот груз. Некоторые специалисты полагают, что аренда транспорта покупателем абсолютно не является признаком того, что последний должен отвечать за прием зафрахтованного судна в порту отгрузки. В свою очередь капитан данного судна не даст распоряжения о заходе в определенный порт за грузом, пока у него не будет доказательств того, что в порту судно будет ожидать принимающий судовой агент, и наличия договора об аренде причала. Таким образом, до совершения вышеперечисленных действий, направление груза в порт невыполнимо. Однако покупатель не нарушает требований условий, отказываясь взять ответственность за организацию описанных операций и их оплату, ведь они имеют место до момента поставки. Таким образом, необходимо внести соответствующие уточнения в вышеуказанные термины и разграничить распределение описанных расходов и договоренностей [7].

Во многих случаях применение терминов вкупе с различными приставками может пониматься сторонами по-разному, что создает высокий риск неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств. Так, в одном из многочисленных арбитражных дел спор возник по поводу испорченных соевых бобов. Контракт, содержавший условие FOB Stowed Polish Port, обязывал продавца погрузить мешки с товаром в трюм судна. Неприятность возникла, когда выяснилось, что зафрахтованный транспорт ранее перевозил цемент, и в результате часть партии товара (соевых бобов) стала непригодна для использования. Покупатель аргументировал ответственность продавца за данное происшествие, ссылаясь на уточнение stowed, которое, по его

мнению, обязывало продавца погрузить транспортируемый товар в чистый и сухой трюм. Однако суд встал на сторону продавца и указал, что данное добавочное условие не делает продавца ответственным за проверку трюма суда, а лишь обязывает удостовериться в том, что погруженный товар будет защищен от трения, протирания упаковки либо иного повреждения при качке судна, при этом остальные риски возлагаются на покупателя [5].

Специалисты также отмечают особую природу термина FOB, которая может повлечь наступление неблагоприятных обстоятельств для обеих сторон внешнеэкономического контракта. Данное условие обязывает продавца организовать погрузку контейнера с грузом на судно, при совершении которой ответственность за товар перейдет к покупателю. Однако при линейном типе перевозки, к которому относятся в том числе контейнерные и паромные, ответственность переходит от продавца к перевозчику при расположении товара к месту накопления судовой партии, т. е. терминалу порта. В случае если с грузом, ожидающим отправки, что-либо случится, и это повлечет его утрату либо порчу, то по контракту купли-продажи ответственным лицом за это будет считаться продавец, а по договору перевозки груза – перевозчик. При том необходимо понимать, что в таком случае продавец не сможет предъявить претензии перевозчику, так как не является участником договора транспортировки. Естественно, что покупатель постарается избежать участия в споре, так как с позиции контракта купли-продажи ответственность и риск к нему не перешли, ведь товар не был погружен. Однако ему необходимо помнить, что страховые выплаты в таком случае он не получит, ведь стандартная страховка по условию FOB покрывает только отрезок времени с момента перехода рисков, т. е. с момента погрузки товара на борт судна. В случае если покупатель пожелает застраховать груз на время всего пути перевозки, то он столкнется с недоверием страховщиков, которые не будут признавать наличие страхового интереса страхователя до пункта перехода к нему ответственности за товар.

Следующая проблема, которая может возникнуть у контрагентов при использовании «Инкотермс-2010», связана с условиями, предполагающими обязанность продавца застраховать товар в пользу покупателя: CIF и CIP. Большое число участников внешнеэкономической деятельности уверены, что такое страхование предполагает покрытие всех вариантов риска, однако оба условия содержат оговорку об обязанности продавца обеспечить страхование лишь с минимальным покрытием. Источником таких заблуждений специалисты называют положения российского транспортного законодательства, которые возлагают на перевозчиков и экспедиторов полную материальную ответственность за перевозимый товар, а на экспедиторов еще вдобавок и обязанность возмещения упущенной выгоды. В результате большое число российских покупателей мыслят аналогично, когда думают о договоре страхования, который в их пользу должен заключить продавец [9].

Заключительная проблема посвящена правильному выбору условия поставки. Примером может служить популярное заблуждение среди контрагентов, которое заключается в том, что условие CIF подходит только для перевозок по морю. Так, продавец из России заключил контракт на поставку металлургического сырья с Северного Урала в Австрию на условиях CIF Вена «Инкотермс-2010» по пожеланию покупателя. При этом точный адрес доставки указан не был. Экспортер, уверенный в том, что данное условие бессмысленно, так как Австрия, в частности Вена, не имеют выхода к морю, обратился к экспедитору и согласовал поставку товара железнодорожным транспортом. Экспедитор об указании термина в контракте уведомлен не был. В результате товар, размещенный в двадцатифутовых контейнерах, прибыл в терминал, находящийся за городской чертой Вены, так как в самой столице не было пунктов, способных принять столь опасный груз. Покупатель в свою очередь отказался принимать груз, мотивируя это тем, что поставка была произведена в место, не согласованное в контракте. Он согласился принять контейнеры при условии, что экспортер компенсирует ему расходы в размере 800 евро за каждый контейнер, что включало перевозку по городу, крановые работы и услуги хранения на терминале. Продавец посчитал вышеуказанные требования несправедливыми и отказался от их выполнения. Тогда получатель груза обратился в третейский суд при Австрийской торгово-промышленной палате и выиграл спор. Суд установил, что действительно Австрия не имеет выхода к морю, однако Вена расположена на реке Дунай, по которой осуществляется регулярное судоходство, а в самом городе имеется речной

порт, где покупатель имел собственные склады и который являлся согласованным местом доставки. В результате продавец был вынужден доставить груз в указанное место, выплатить компенсацию за срыв сроков контракта и понести убытки, превысившие 1 000 евро за один контейнер. Однако данный способ поставки был изначально невыгоден, так как товар необходимо было бы сначала доставить железнодорожным либо автомобильным транспортом до портов на реках Майн или Рейн в Германии, а уже оттуда до Вены линейными контейнерными судами. Такая перевозка обошлась бы продавцу в 2,5 раза дороже, чем доставка прямым железнодорожным сообщением. Из описанного примера можно сделать вывод, что термин был подобран неверно, так как исполнение выбранного способа поставки стоит несоразмерно дорого. Необходимо отметить, что существует еще ряд проблем, возникающих при желании сторон включить во внешнеторговый контракт термин «Инкотермс», однако описанные проблемы встречаются на практике наиболее часто [9].

Таким образом, перед Редакционной группой, ответственной за выход новой редакции международных коммерческих терминов, стоит немало задач. Необходимо конкретизировать ряд положений, убрать условия, противоречащие определенным нормативным актам, уделить больше внимания таким нюансам, как страховка товара и его охрана во время транспортировки. Также представляется целесообразным разъяснить участникам международной торговли существенную разницу между терминами Инкотермс и модифицированными условиями, к использованию которых прибегают перевозчики и экспедиторы, чтобы уменьшить риск возникновения разногласий и содействовать надлежащему исполнению обязательств.

Список литературы

1. *Давыденко Д.* Инкотермс®: 80 лет во внешней торговле // CIS Arbitration Forum. – URL: http://www.cisarbitration.com/2016/10/07/в-москве-состоится-конференция-инко/ (дата обращения: 07.10.2016).

2. *Голубчик А. М.* Некоторые типичные ошибки и проблемы, возникающие при неверной трактовке и применении торговых терминов Инкотермс // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 10. – С. 63–64.

3. *Голубчик А. М.* Практические аспекты составления и исполнения международных контрактов купли-продажи товаров. – Томск : Томская ТПП, 2013.

4. *Холопов К. В., Голубчик А. М.* Нестандартные аспекты применения «Инкотермс» и направления дальнейшей унификации международных торговых обычаев // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 11. – С. 110–117.

5. *Abbott P. S.* Trade Terms Evolution // BreakBulk. – URL: https://www.breakbulk.com/mag617-trade-terms-evolution/ (дата обращения: 15.12.2017).

6. *Coetzee J.* Incoterms® Variants: Greater Precision or More Uncertainty? // De Jure 46. – 2016. – Vol. 2. – P. 583–590.

7. *Llamazares O.* Incoterms 2020: Main Changes // Global Negotiator Blog. – URL: http://www.globalnegotiator.com/blog_en/incoterms-2020-main-changes/ (дата обращения: 20.04.2018).

8. *Lorenzon F., Baatz Y.* CIF and FOB Contracts. Fifth edition // Andover, GB : Sweet & Maxwell (British Shipping Laws), 2012.

9. Union Customs Code. – URL: http://eur-lex.europa.eu/

Актуальные вопросы правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации

В. А. Свечников
аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации.
Адрес: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве
Российской Федерации, 117218, Москва, ул. Большая Черемушкинская, 34.
E-mail: vsvech@gmail.com

Current Issues of the Legal Regulation of Investment Activities in the Russian Federation

V. A. Svechnikov
Postgraduate Student of The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation.
Address: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, 34 Bolshaya Cheremushkinskaya Str.,
Moscow, 117218, Russian Federation.
E-mail: vsvech@gmail.com

Аннотация

В статье рассмотрены отдельные проблемы правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации. Автор указывает на комплексный характер инвестиционных отношений, необходимость учета данного фактора в целях развития инвестиционного законодательства. В статье отражены вопросы государственного регулирования инвестиционной деятельности, рассмотрены актуальные проблемы совершенствования форм и методов государственного регулирования в данной сфере. Статья содержит предложения по дальнейшему развитию источников правового регулирования инвестиционной деятельности в рамках процесса цифровизации российской экономики. Автором статьи высказывается позиция в отношении понятия инвестиций и инвестиционной деятельности. Недостатки действующего инвестиционного законодательства, по мнению автора статьи, негативно сказываются на развитии инвестиционного процесса в целом в России. Автор отразил позицию в отношении развития в Российской Федерации венчурных инвестиций, подчеркнул роль технопарков, бизнес-инкубаторов в поддержке инновационных проектов. В статье выделяется значение договорных конструкций для осуществления инвестиционной деятельности, отмечаются преимущества концессионных соглашений. Автор также приходит к выводу о необходимости расширить участие представителей предпринимательского сообщества в подготовке решений органов государственной власти, связанных с регулированием инновационной сферы.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная деятельность, Российская Федерация, государственное регулирование, венчурные инвестиции, концессионные соглашения, концепция, цифровая экономика, инвестор, технопарк, законодательство, инновации, предпринимательская деятельность, государственные гарантии, соглашения о разделе продукции.

Abstract

The article discusses some problems of the legal regulation of investment activities in the Russian Federation. The author points to the complex nature of investment relations and the need to take this factor into account in order to develop investment legislation. The article reflects the issues of state regulation of investment activities, addresses the actual problems of improving the forms and methods of state regulation in this area. The article contains proposals for the further development of sources of the legal regulation of investment activities in the framework of the digitization process of the Russian economy. The author of the article expresses a position on the concept of investment and investment activity. The disadvantages of the current investment legislation according to the author of the article, negatively affect the development of the investment process as a whole in Russia. The author reflected the position regarding the development of venture investments in the Russian Federation, stressed the role of technology parks, business incubators in supporting innovative projects. The

article highlights the value of contractual structures for investment activities, notes the advantages of concession agreements. The author also comes to the conclusion that it is necessary to expand the participation of representatives of the business community in the preparation of public authorities decisions related to the regulation of the innovation sphere.

Keywords: investment, investment activity, Russian Federation, state regulation, venture investment, concession agreements, concept, digital economy, investor, technopark, legislation, innovations, entrepreneurial activity, state guarantees, production sharing agreements.

Актуальность проблем правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации связана с активным развитием инвестиционных отношений в Российской Федерации в современный период, возрастанием роли инвестиций в экономике. Инвестиции позволяют развивать и модернизировать промышленность. Они становятся каналами связи с международными рынками. Кроме того, инвестиции выступают движущей силой необходимых инновационных процессов и повышения конкурентоспособности [4. – С. 5]. Появление инновационных направлений в развитии экономики повлияло и на содержание инвестиционных отношений.

В настоящее время инвестиционные отношения во многом меняются, что формирует новые особенности их содержания, что, несомненно, формирует необходимость совершенствования нормативного регулирования в этой сфере. В настоящий момент инвестиционное законодательство меняется в связи с появляющимися новыми качественными составляющими инвестиционного процесса, формами и методами государственного управления инвестиционной деятельностью.

Новые положения в законодательстве об инвестиционной деятельности оказывают влияние на развитие правоприменительной практики, материалы которой нуждается в обобщении и анализе. Своевременными можно назвать исследования нормативного регулирования инвестиционной деятельности, потому что они связаны с объективной потребностью как изучения законодательных аспектов инвестиций, так и рассмотрения судебной практики в данной сфере с целью выработки рекомендаций по совершенствованию правовых основ инвестиционной деятельности.

Кроме того, учитывая высокую практическую востребованность исследований в области инвестиций, можно констатировать наличие большого интереса к проблемам в этой сфере со стороны ученых-юристов [1. – С. 25–28]. Дискуссии по актуальным вопросам правового регулирования инвестиционной деятельности позволяют выработать эффективные подходы к решению задач по ее государственному регулированию, определить пробелы в нормативной основе для развития инвестиций. На наш взгляд, анализ теоретических воззрений, обобщение практических рекомендаций по совершенствованию инвестиционного законодательства необходимы и актуальны в настоящий момент. В частности, особый интерес для изучения вызывает развитие венчурных инвестиций.

Следует отметить, что реализация венчурных инвестиций осуществляется путем вложений в развитие новых технологий, научных и практических идей, которые на момент вложения не подтвердили еще свою окупаемость. В то же время венчурными можно назвать те инвестиции, которые обладают высоким риском в обеспечении доходности деятельности субъектов предпринимательства. Можно назвать их инвестициями в инновационные виды предпринимательской деятельности. Особенностью венчурных инвестиций можно назвать наличие большого риска утраты средств самим инвестором при реализации инвестиционного процесса одновременно с возможностью получить высокую прибыль при благоприятных обстоятельствах.

Стоит обратить внимание на такую особенность венчурных инвестиций, как их зачастую долгосрочный характер, так как для создания соответствующих технологий и разработки методик, для выстраивания процессов требуются значительные периоды времени.

Для эффективного нормативного регулирования такой сферы, как венчурное инвестирование, важно учитывать широкий состав участников данного процесса. В частности, ими являются наряду с инновационными компаниями также венчурные фонды, частные инвесторы (бизнес-ангелы), профессиональные управляющие и государство. В отличие от бизнес-ангелов венчурные фонды связаны обязательствами по обеспе-

чению некоторого уровня доходности перед инвесторами, и, чтобы соблюсти это условие, они компенсируют 3–6 неуспешных инвестиций одной сверхуспешной [5. – С. 46–47]. Кроме того, субъектами могут быть организации, занимающиеся развитием инноваций, являющиеся структурными подразделениями государственных корпораций. Соответственно, при использовании инновационного подхода решается ряд их внутренних задач. Корпорации выделяют из своего бюджета средства, которые необходимы для развития указанных инновационных структур.

На наш взгляд, в современных условиях возрастает потребность в совершенствовании нормативного регулирования деятельности венчурных фондов. Венчурный фонд является инвестиционной компанией, работающей с проектами, имеющими исключительно инновационную направленность.

В условиях развития цифровой экономики нельзя недооценивать роль венчурных фондов с учетом того, что целью их деятельности является осуществление инвестиций именно в высокотехнологичную сферу.

Такие субъекты предпринимательской деятельности, как частные инвесторы, или бизнес-ангелы, осуществляют инвестиции в форме долевого капитала. Бизнес-ангелы, как правило, производят финансирование проектов на этапе нулевого цикла. Такие инвесторы помогают разработчикам проектов организовать осуществление предпринимательской деятельности, а также привлечь новых инвесторов.

Кроме того, участниками отношений в рамках венчурного инвестирования являются такие организации, как бизнес-инкубаторы и технопарки.

Обратим внимание на то, что бизнес-инкубатор – это организация, которая имеет соответствующую инфраструктуру, призванную содействовать организациям малого и среднего предпринимательства, разрабатывающим инновационные проекты. Бизнес-инкубаторы предоставляют готовые инфраструктурные, технические и управленческие решения. С их помощью начинающие предприниматели, занимающиеся инновациями, взаимодействуют с органами местной и федеральной власти. Практика показывает, что в инвестиционной сфере действуют бизнес-инкубаторы, которые могут получать финансовую помощь от местных органов власти. Кроме того, существуют автономные организации, которые выступают в качестве бизнес-инкубаторов. Имеют место отдельные структуры внутри технопарков или, например, университетов, которые действуют как бизнес-инкубаторы.

Важную роль в процессе цифровизации играют технопарки: они как научно-производственные комплексы позволяют обеспечить достижение инновационного результата, начиная с формирования самой идеи проекта и заканчивая производством промышленного образца. Если характеризовать основную задачу, которую ставят перед собой технопарки, то ее можно определить следующим образом: приближение научных и иных (инженерных) идей и разработок к скорейшему промышленному производству. В этой связи необходимо обозначить важную функцию таких научно-производственных комплексов, а именно развитие научно-технического прогресса, в частности совершенствование электронных средств связи и информационных технологий, что формирует новые виды и сферы общественных отношений, требующих качественно иного правового регулирования.

Проводя анализ правового регулирования инвестиционной сферы, в том числе и венчурного инвестирования, отметим, что ряд нормативных документов определили основные подходы к законодательному регулированию в этой области. В частности, можно назвать такие акты, как Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.[1], Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.[2], Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)»[3] и др.

---

[1] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (ред. от 28.09.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – 24 ноября. – № 47. – Ст. 5489.

[2] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (ред. от 18.10.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2012. – 2 января. – № 1. – Ст. 216.

[3] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество (2011–2020 годы)"» (ред. от 30.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – 5 мая. – № 18 (часть 2). – Ст. 2159.

После принятия Федерального закона «Об инвестиционном товариществе»[1] в Российской Федерации расширилось использование эффективных форм коллективного инвестирования, в том числе для осуществления венчурных бизнес-проектов.

Практика показала, что нормы Федерального закона «Об инвестиционном товариществе» позволили объединить преимущества хозяйственных товариществ и простого товарищества. Опыт правового регулирования инвестиционной сферы в других странах показал, что по своей правовой природе инвестиционное товарищество максимально приближено к широко применяемой за рубежом форме коллективного венчурного инвестирования limited partnership (партнерство с ограниченной ответственностью). Следует добавить, что в законодательстве Российской Федерации определенное время назад появилась такая разновидность коммерческих юридических лиц, как хозяйственное партнерство. В ранее действовавшем законодательстве отсутствовала такая организационно-правовая форма, которая отвечала бы потребностям инновационной деятельности, а также практике венчурного инвестирования и предпринимательства в целом. Действующий в настоящий момент Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах»[2] позволил устранить данный пробел.

Говоря об источниках правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации, нужно уточнить, что инвестиционное законодательство содержит нормы как публичного, так и частного права, что свидетельствует о комплексном характере правового регулирования инвестиционной деятельности. В российском законодательстве отсутствует современный нормативный акт федерального уровня, который бы устанавливал общие правовые нормы, регулирующие осуществление различных видов инвестиционной деятельности. Поэтому предлагается разработать и принять федеральный закон об инвестиционной деятельности, который бы содержал указанные нормы.

Источники правового регулирования инвестиционной деятельности содержат различные определения инвестиций и инвестиционной деятельности, что свидетельствует о низком уровне юридической техники и является препятствием для объективного рассмотрения споров в указанной сфере. Недостатком инвестиционного законодательства является отсутствие понимания инвестиций как категории, имеющей правовое содержание. В отечественной правовой литературе распространено представление о том, что категории «инвестирование» и «инвестиции» являются сугубо экономическими и не имеют правового смысла и значения. Однако ряд авторов справедливо считают, что такая ошибочная точка зрения лишает Россию возможности проведения политики регулирования инвестиционных процессов. Вследствие этого возникают проблемы, с которыми столкнулось наше государство при разрешении конкретных инвестиционных споров [3. – С. 8].

Несовершенство отдельных положений ряда нормативно-правовых актов в области инвестиций является одной из причин недостаточного объема инвестиций в России, поэтому совершенствование инвестиционного законодательства следует рассматривать в качестве одного из приоритетных направлений государственного регулирования экономики.

Характер правового регулирования инвестиционной деятельности в Российской Федерации свидетельствует о неоднородности подходов к установлению правил для ее осуществления, которые наличествуют в тех или иных нормативных актах, что не позволяет эффективно реализовывать инвестиционные проекты. В целях обеспечения единства инвестиционного законодательства и ликвидации устаревших нормативных положений представляется своевременным провести систематизацию в рассматриваемой сфере. Изучение современного этапа развития инвестиционной деятельности в Российской Федерации показало, что получил активное развитие процесс укрепления внутренних инвестиций. Безусловно, влияние оказали и внешние факторы, частности экономические санкции против России и иные причины.

Цели государственного регулирования, по нашему мнению, оказывают влияние на понятие инвестиций и инвестиционной деятельности. Ис-

[1] См.: Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 5 декабря. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7013.

[2] См.: Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» (ред. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – 5 декабря. – № 49 (ч. 5). – Ст. 7058.

ходя из указанных целей, предлагается рассматривать инвестиции в первую очередь как денежные средства и затем как иное имущество, которое включает в себя также имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного социального эффекта. А инвестиционную деятельность рассматривать как вложение инвестиций, а также осуществление конкретных практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного социального эффекта.

Характеризуя субъектный состав инвестиционной деятельности, а также основные аспекты, связанные с ее объектами, следует отметить, что специальное инвестиционное законодательство в определении понятий субъектов и объектов инвестиционной деятельности имеет ряд пробелов.

Отмечая функциональные особенности субъектов инвестиционной деятельности, важно подчеркнуть, что данные субъекты нацелены на получение прибыли от использования ее результатов или на совершение в процессе инвестирования практических действий. Однако пользователи объектов инвестиционной деятельности не всегда отвечают данным критериям, поэтому предлагается не относить данную группу лиц к субъектам инвестиционной деятельности путем внесения соответствующих изменений в законодательные акты в рассматриваемой сфере.

С точки зрения анализа объектов инвестиционной деятельности можно констатировать, что перечень таких объектов, имеющий место в ряде нормативных актов в инвестиционной сфере, не заменяет собой само понятие объекта инвестиционной деятельности. Поэтому предлагается законодательно закрепить определение объекта инвестиционной деятельности, а именно понимать под объектом инвестиционной деятельности то имущество, которое может быть создано или приобретено в результате процесса инвестирования, приносящее доход при использовании в предпринимательской деятельности.

Рассматривая понятие государственного регулирования инвестиционной деятельности как совокупность действий государства в лице его органов по реализации государственной инвестиционной политики с использованием установленных форм и методов воздействия, можно утверждать, что совершенствование государственного регулирования инвестиционной деятельности должно осуществляться на основе баланса интересов государства и частного инвестора с использованием новых механизмов воздействия на участников инвестиционных отношений. При этом должно быть исключено дублирование в нормативных регуляторах отдельных положений, таких как объекты государственного (муниципального) частного партнерства и объекты концессионных соглашений, которые фактически совпадают.

Правовые гарантии в инвестиционной сфере можно рассматривать в качестве нормативно установленных средств, которые призваны обеспечить действие защитных механизмов прав инвесторов. Характеризуя государственные гарантии прав субъектов инвестиционной деятельности, можно обозначить следующие особенности данных обязательств по обеспечению инвестирования: 1) государственные формы и методы по охране прав и законных интересов субъектов инвестиционной деятельности закреплены в законодательстве об инвестициях; 2) регулирование механизма государственных гарантий инвестиций осуществляется как внутри государства, так и нормами международного права; 3) направленность осуществления государственных гарантий на обеспечение сохранения собственности инвесторов. В целях совершенствования механизма государственных гарантий прав субъектов инвестиционной деятельности предлагается разработать и принять на уровне Правительства Российской Федерации программу мероприятий по контролю за соблюдением прав национальных и иностранных инвесторов на территории Российской Федерации. Предлагается рассматривать институт государственных гарантий прав субъектов инвестиционной деятельности как совокупность правовых норм, устанавливающих льготы и гарантии инвесторам, а также регулирующих деятельность по страхованию инвестиций и разрешению инвестиционных споров.

В целях совершенствования правового регулирования отношений в сфере действия соглашений о разделе продукции предлагается в значительной степени упростить порядок заключения таких соглашений, так как существующий в настоящий момент порядок заключения является сложной поэтапной процедурой. Необходимо установить ясные по содержанию условия раздела продукции, которые позволят ликвидировать препятствия к осуществлению инвестором его деятельности.

Государственное регулирование концессионных соглашений обладает особенностями, которые связаны как с самой конструкцией, так и со спецификой осуществления данных соглашений в различных сферах применения, поэтому при использовании, например, в качестве объектов концессионных соглашений объектов инфраструктуры морских портов, которые относятся к недвижимому имуществу, существуют такие специальные правила. Нормативное регулирование данных отношений предлагается четко обозначить как специальное по отношению, в частности, к кодифицированным актам и общему закону о концессионных соглашениях.

Дискуссионным является вопрос, касающийся тех концессионных соглашений, которые заключены на уровне поселений, так как изменения в нормативном регулировании данной сферы вывели перечисленные задачи из компетенции таких субъектов. Поэтому возникающие споры между муниципальными поселениями и публично-правовыми образованиями, к компетенции которых отнесены вопросы сбора, транспортирования, обработки, утилизации, обезвреживания, а также захоронения отходов по поводу порядка передачи прав на принадлежащие поселениям объекты обращения с отходами можно рассматривать как индикатор, свидетельствующий о пробеле в законодательстве.

Реализация венчурных инвестиций осуществляется путем вложений в развитие новых технологий, научных и практических идей, которые на момент вложения не подтвердили еще свою окупаемость. Особенностью венчурных инвестиций является наличие значительного риска утраты капитала самим инвестором одновременно с возможностью получить высокую прибыль при благоприятных обстоятельствах реализации инвестиционного процесса. Венчурные инвестиции имеют в основном долгосрочный характер. Для создания соответствующих технологий и разработки методик, для выстраивания процессов требуются значительные периоды времени. Особенностью венчурного инвестирования выступает также состав участников данного процесса. В частности, ими являются, наряду с инновационными компаниями, также венчурные фонды, частные инвесторы (бизнес-ангелы), профессиональные управляющие и государство. В целях реализации эффективного государственного регулирования венчурных инвестиций предлагается осуществлять постоянный мониторинг исполнения Стратегии инновационного развития в Российской Федерации. Необходимо вносить по итогам мониторинга изменения в основные показатели указанного документа. Предлагается посредством указов Президента Российской Федерации создать правовые условия для развития венчурного инвестирования в наукоемкие проекты с последующей разработкой соответствующих законов. Предлагается расширить участие представителей предпринимательского сообщества в подготовке решений органов государственной власти, связанных с регулированием инновационной сферы.

Список литературы

1. *Богатырев А. Г*. Актуальные проблемы правового регулирования инвестиционных отношений в Российской Федерации // Вопросы экономики и права. – 2015. – № 9. – С. 25–28.

2. Доклад о мировых инвестициях, 2018 г.: инвестиции и новая промышленная политика (издание Организации Объединенных Наций). – URL: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2018_overview_ru.pdf (дата обращения: 03.02.2019).

3. *Доронина Н. Г.*, *Семилютина Н. Г.* Проблемы и пути развития российского инвестиционного законодательства // Журнал российского права. – 2015. – № 6 (222). – С. 5–14.

4. Инвестиционное право / под ред. Г. Ф. Ручкиной. – М. : Кнорус, 2018.

5. *Каширин А. И., Семенов А. С.* Инновационный бизнес: венчурное и бизнес-ангельское инвестирование. – М. : Дело : РАНХиГС, 2015.

Международная денежно-кредитная система, основанная на правилах разумной политики

М. Г. Мехтиев
аспирант, научный сотрудник отдела научного обеспечения деятельности секретариата делегации Российской Федерации в Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.
Адрес: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 107078, Москва, Большой Харитоньевский переулок, д. 22/24.
Email: mekhtiev.mg@gmail.com

International Monetary System Based on the Rules of Reasonable Policy

M. G. Mekhtiyev
Postgraduate Student, Researcher of the Department of Scientific Support for the Secretariat of the Russian Delegation to the European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.
Address: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 22/24 Bolshoy Kharitonyevskiy Lane, Moscow, 107078, Russian Federation.
E-mail: mekhtiev.mg@gmail.com

Аннотация

Данная статья посвящена анализу взаимозависимости деятельности центральных банков (ЦБ). Эта взаимозависимость обусловлена не только влиянием состояния международной финансовой системы на деятельность центральных банков, но также и влиянием действий ЦБ одних стран на ведение денежно-кредитной политики других стран. Соответственно, есть необходимость исследовать новое направление в международном валютном праве – ведение международной денежно-кредитной политики. Данное направление требует также принятия практических мер международным сообществом, а точнее – создания как общих правил ведения денежно-кредитной политики ЦБ государств, так и правил их взаимодействия на межправительственном уровне. Ввиду этого в статье используется дедуктивный метод исследования. Существование международной денежно-кредитной политики и отсутствие ее осмысления, а также формирования правовой базы требует разработки концепции регулирования указанной сферы. Автор статьи приходит к заключению, что правила осуществления международной денежно-кредитной политики способны найти баланс между независимостью ЦБ в ведении монетарной политики, с одной стороны, и созданием условий для предотвращения дестабилизации мировой финансовой системы, с другой, через гармонизацию правовых и валютных режимов в рамках национальной юрисдикции.

Ключевые слова: международная денежно-кредитная политика, глобальная сеть финансовой безопасности, центральный банк, международное валютное право, международные финансовые механизмы.

Abstract

This article is devoted to the analysis of central bank (CB) activities' interdependence. This interdependence is caused not only by the influence of the international financial system's conditions on CB activities, but also by some CBs actions' influence on the monetary policy conduct in other countries. Accordingly, there is a need to explore a new legal field in international monetary law – international monetary policy conducts. This field also requires the adoption of practical measures by the international community, or rather, the creation of both general rules for the conduct of monetary policy by central banks and rules of their interaction at the intergovernmental level. In view of this, the article uses the deductive method for the research. The existence of an international monetary policy and the absence of its comprehension, as well as the formation of a legal framework, requires the development of a concept for regulating this sphere. The author concludes that the rules for the implementation of international monetary policy can find a balance between the independence of the CB in the

conduct of monetary policy on the one hand, and creating conditions for preventing destabilization of the global financial system on the other, through the harmonization of legal and monetary regimes within national jurisdiction.

Keywords: international monetary policy, global financial safety net, central bank, international monetary law, international financial mechanisms.

Цель этой статьи – рассмотреть реформу международной денежно-кредитной системы, в которой каждый центральный банк (ЦБ) устанавливает и санкционирует правила денежно-кредитной (или монетарной) политики в качестве внутренних инструментов (далее – правила) ведения монетарной политики. Отличительной чертой этих правил является то, что они представляют собой финансовые инструменты, т. е. ЦБ оказывает влияние на финансовую среду посредством применения экономических мер, что имеет характер правовых инструментов, так как они закреплены в нормативных актах центрального банка и направлены на регулирование денежного оборота.

В последние годы международная валютная система перестала основываться на каких-либо правилах, и этот отход от правил привел к значительному росту движения капитала, неустойчивости обменных курсов и низким общим экономическим показателям. Приверженность модели международной валютной системы, основанной на правилах, может повысить международную стабильность. Такая система может быть достигнута таким образом, чтобы каждый центральный банк мог самостоятельно выполнять свои собственные задачи в области достижения национальной финансовой стабильности, обеспечивая при этом открытость международным рынкам и гибкие режимы обменного курса [23].

Хотя некоторые утверждают, что международная валютная система на основе правил невозможна, Джон Тейлор [3; 22; 26; 28; 29] в своих трудах демонстрирует отсутствие обязательной несовместимости международно-независимой денежно-кредитной политики, с одной стороны, и открытыми рынками капитала и гибкими режимами обменного курса, с другой. Эмпирические корреляции, которые показывают иное, скорее всего, необоснованны или ложны и обусловлены отходами многих стран от монетарной политики, основанной на правилах, что не является ни необходимым, ни целесообразным.

Нет никаких сомнений в том, что международная валютная система отошла от той системы, основанной на правилах, что были разработаны экономистами и политиками, начиная от Милтона Фридмана [13] и заканчивая Полом Волкером [31]. Произошло распространение и амплификация необычных мер денежно-кредитной политики и валютных интервенций в разных странах.

Причиной стало то, что амплификация происходит тогда, когда более чем один центральный банк следует за другими центральными банками в выборе инструментов регулирования национальной финансовой системы. Затем возникает ряд побочных эффектов, на которые каждый ЦБ реагирует изменением процентной ставки вслед за другим ЦБ, что приводит, по мнению Дж. Тейлора [24] к эффекту мультипликатора. Правительства все чаще прибегают к контролю за движением капитала, вмешиваются в валютные рынки и используют макропруденциальные правила для воздействия на операции, осуществляющиеся на международных валютных рынках. Некоторые официальные лица в международных финансовых институтах одобряют такие меры контроля и вмешательства, предполагая, что они должны быть встроены в новую глобальную валютную систему [16] несмотря на то, что эти же институты ранее выступали за устранение такого контроля [5].

Этот отход от системы, основанной на правилах, был связан с разочаровывающими экономическими результатами. По всему миру произошли огромные колебания в движении капитала, особенно в развивающихся рынках, продолжающиеся до сегодняшнего дня [10]. Волатильность обменного курса увеличивалась и напоминала валютные войны и конкурентную девальвацию национальных валют. К тому же экономические показатели включали глобальный финансовый кризис и очень медленное восстановление, а позднее еще и разочаровывающие темпы экономического роста во многих странах с формирующимися рынками и в развивающихся странах.

Эти события заставили некоторых специалистов заключить, что такая международная валютная система невозможна или по крайней мере та, что основана на режиме гибкого валютного курса, открытости рынков капитала и независи-

мости денежно-кредитной политики, основанной на внутригосударственном регулировании. После недавних «скачков и сокращений движения капитала» на недавней конференции ЦБ «Джексон Холл» Хелен Рей утверждала, что существует «непримиримый дуэт: независимая денежно-кредитная политика возможна тогда и только тогда, когда управляется капиталом прямо или косвенно на основе принципа макропруденциального регулирования», и «если этого недостаточно, то необходимо применять меры контроля за движением капитала» [19].

Другими словами, независимая денежно-кредитная политика и открытость рынков капитала несовместимы друг с другом. После исследования доказательств того, что ведение монетарной политики рядом ЦБ значительно осложнено из-за косвенного влияния денежно-кредитной политики других центральных банков, Себастьян Эдвардс назвал сомнительной идею о том, что в гибких валютных режимах существует независимость денежно-кредитной политики [8]. К такому выводу пришли и другие специалисты, исследования которых показали, что учетные ставки иностранных центральных банков имеют статистически значимые коэффициенты в регрессиях с правилами монетарных политик зарубежных монетарных властей [4; 7; 14]. Более того, к такому выводу приходили и сами центральные банки многих стран [25; 27]. Таким образом, возвращаясь к мнению Себастьяна Эдвардса, отметим, что другим, по-видимому несовместимым, «дуэтом» является то, что независимая денежно-кредитная политика направлена на достижение внутренней экономической стабильности и гибкого режима валютного курса.

Практические исследования Р. Аренда [1] по стратегии установления процентных ставок в странах ОЭСР, а также Дж. Тейлора [25], Дж. Кана [17] и Дж. Сельджина, Д. Бекворта и Б. Бахадира [20] по политике процентных ставок в Соединенных Штатах показывают, что отклонение от правил началось в 2003–2005 гг. (т. е. задолго до финансового кризиса), создавая резкий рост и неизбежный спад. Б. Хаффман и Б. Богданова [15] в свою очередь выявили постоянное «глобальное значительное отклонение», что частично обусловлено распространением и усилением отклонений денежно-кредитных политик от правил по всему миру. Такие отклонения также наблюдаются ввиду крупномасштабных программ покупки активов, известных как количественное смягчение, а также в часто изменяющихся дискреционных операциях в стратегии обнародования дальнейшей политики. Очевидным ответом на количественное смягчение в Соединенных Штатах было то, что в Японии монетарные власти также начали процесс количественного смягчения, а вслед за ними и в Еврозоне в ответ на обе предыдущие (США и Японии). Стоит обратить внимание, что эти отклонения от политики, основанной на правилах, относятся к событиям до и после кризиса 2008 г., а не к действиям, предпринимаемым центральными банками во время самого кризиса.

Как уже говорилось ранее в данной статье, увеличение волатильности (колебаний) потоков капитала и обменных курсов связано с отклонениями от политики, основанной на правилах (например, увеличение волатильности обменного курса доллара США начиная с 2003 г.). Существует также резкий рост волатильности потоков капитала, заемного капитала и оплаченной (собственной) части капитала в развивающихся странах примерно в тот же период [4]. К тому же «денежно-кредитная политика в основном государстве… влияет на соотношение собственных и заемных средств глобальных банков, кредитные потоки и рост кредитов в международной финансовой системе» [19]. Большая часть этого эффекта, по-видимому, объясняется чрезмерными изменениями монетарной политики последних лет, когда очень низкие процентные ставки в Соединенных Штатах вынудили искать инструменты с более высокой доходностью по всему миру.

Есть свидетельства и того, что увеличение побочных эффектов от других ЦБ связано также с отклонением от политики, основанной на правилах. Опасения представителей развивающихся рынков по поводу влияния на стабильность их финансовых систем политикой ФРС, безусловно, в этот период стали увеличиваться. И подобные «валютные войны» как результат количественного смягчения (мягкой денежно-кредитной политики), порожденного в Соединенных Штатах, а затем перетекшего в Японию и Еврозону, в последние годы были дискреционными, а не основанными на определенных соглашениях между центральными банками. Большая часть эмпирической работы, документирующей значительное присутствие иностранных процентных ставок в правилах монетарной политики центрального банка, началась после отклонения от политики, основанной на правилах [23].

Основная монетарная теория говорит о том, что политика, основанная на правилах, может препятствовать чрезмерному потоку капитала и позволить каждому государству преследовать свои цели в области обеспечения внутренней финансовой стабильности, не нарушая систему отношений [3; 26]. То, как эта теория работает, наглядно объясняется Дж. Тейлором: если обменный курс является гибким, капитал мобилен и каждый ЦБ устанавливает свою процентную ставку в рамках ведения денежно-кредитной политики, основанной на правилах, а различия в процентных ставках между государствами могут возникать при движении капитала, позволяя любую разницу курсов валют, то изменения реальных обменных курсов влияют на импорт и экспорт и, следовательно, на торговый баланс и реальный ВВП. Более того, цены и заработная плата являются взаимозависимыми, поэтому изменения процентной ставки ЦБ в одной стране могут влиять на объем производства и уровень инфляции в другой стране. Наконец, изменение обменного курса также влияет на инфляцию [23].

Как правило, каждый ЦБ систематически увеличивает процентную ставку, когда инфляция поднимается выше цели или когда реальный ВВП ниже своего предполагаемого потенциала. Аналогичным образом ЦБ систематически снижает процентную ставку, когда инфляция падает ниже целевого показателя, а реальный ВВП превышает его предполагаемый потенциал. Если предположить, что целевой показатель инфляции будет установлен на уровне 2% во всех странах, долгосрочная процентная ставка монетарной политики составит 2% и мировая экономика не подвергнется шокам, то мировой уровень инфляции опустится до 2%, номинальная процентная ставка будет на уровне 4%, ВВП будет соответствовать своему потенциалу и обменный курс будет стабильным.

В таком случае, если существует ценовой шок, который повышает инфляцию в одной стране выше цели, то это приведет к тому, что ЦБ в этой стране предпримет действия по повышению процентной ставки, и поэтому производство временно снизится, а уровень инфляции снизится до его целевого показателя. В конце концов последствия шока будут преодолены.

Однако первоначальный инфляционный шок приведет к росту инфляции также и за рубежом, поскольку затраты на импортные товары будут расти, но она будет незначительной, так как иностранный ЦБ будет смягчать последствия своей учетной ставкой.

С другой стороны, с ростом процентных ставок иностранные центральные банки будут опасаться оттока капитала или обесценивания (девальвации) своей валюты. Они могут принять решение повысить процентные ставки до уровня первого центрального банка и тем самым отклоняться от правила. Это пример того, как ЦБ следуют друг за другом. Но если первый ЦБ будет придерживаться политики, основанной на правилах, то влияние на дифференциалы процентных ставок будет, как известно, довольно временным, что уменьшит необходимость или стимул для других центральных банков «перерегулировать». По сути, приверженность правилу позволяет каждому иностранному ЦБ лучше исполнять свои собственные полномочия. Так, правило будет меньше реагировать на изменения обменного курса, но важно и то, что такая реакция будет более предсказуемой. Напротив, если политика первого ЦБ является ad hoc, или дискреционной, то иностранный ЦБ может опасаться большего или более длительного оттока капитала и даже нисходящей спирали обменного курса, а значит, начнет принимать более активные меры. Более строгое соблюдение политики, основанной на правилах, со стороны первого ЦБ уменьшит вероятность того, что за ним последуют другие центральные банки, и тем самым не сделает их функционирование менее эффективным. Это рассуждение предполагает, что волатильность потоков капитала будет уменьшаться при действиях, более приверженных политике, основанной на правилах: при ожидаемой стабилизации обменного курса будет меньше причин выводить капитал из-за рисков падения курса валюты.

Эти же аргументы применимы и к другим типам шоков, дестабилизирующих финансовую систему. Предположим, что существует шок, который снижает уровень инфляции. В этом случае первым ответом является снижение процентной ставки ниже начального порога в 4%. После периода корректировки эта мера приведет к повышению уровня инфляции. Тем не менее после незначительного реагирования на процентные ставки, подобного тому, которое применяется в остальном мире, процентные ставки будут выше за рубежом, вызывая озабоченность по поводу притока капитала или повышения обменного курса. У ЦБ за рубежом появится тенденция к снижению процентной ставки.

Но с помощью политики, основанной на правилах, эта тенденция будет смягчена благодаря тому, что отток капитала и последствия обменного курса будут временными.

Существует много других видов шоков и сценариев, которые требуют более детального анализа валютной системы. Однако общее понимание того, что политика, основанная на правилах, будет смягчать чрезмерные объемы потоков капитала и нежелательные внешние эффекты, вероятно, будет устойчивым.

Что касается обменных курсов, эмпирические исследования показали [9], что страны, которые нацелены на инфляцию, на форму монетарной политики, основанной на правилах, имеют значительно менее волатильные обменные курсы. Что касается потоков капитала, то принятие правил, основанных на инфляции, повлияло на ряд стран с формирующимся рынком, что привело к сокращению движений значительного объема капитала, связанного со «страхом перед свободным падением» [30]. К тому же правила таргетирования инфляции снижают переход риска с обменного курса на инфляцию [6]. Это еще раз уменьшает необходимость чрезмерной реакции из-за опасений изменения обменного курса.

Хотя рассмотренные здесь сценарии применимы к определенному правилу монетарной политики, эти аргументы можно отнести и к другим типам монетарной политики, основанным на правилах. Например, Д. Бекворт и Дж. Хендриксон рассмотрели правила процентных ставок, в которых ЦБ реагирует на номинальный ВВП, а не на уровень инфляции и ВВП отдельно [2]. Они подчеркивали, что такое правило имеет то преимущество, что ЦБ не нужно оценивать потенциальный ВВП, что отражает проблемы, поднятые А. Орфанидесом [18]. Дж. Тейлор в свою очередь не видит причин, по которым одни и те же аргументы не могут применяться к реализации таргетирования номинального ВВП или другим показателям, предложенным С. Самнером [21]. Еще один недавний пример – исследование двух правил денежно-кредитной политики, относящихся к двум разным денежно-кредитным моделям, которые были исследованы в течение периода золотого стандарта с 1879 по 1914 г. [11]. Одно правило политики рассматривает денежную базу, исследуемую на основе авторегрессии процентной ставки с учетной, где последняя определяется спросом и предложением на денежные средства. Другое – правило прогнозируемой процентной ставки. Согласно этому правилу волатильность инфляции значительно снижается, в то время как волатильность уровня производства и занятости снижается незначительно. Разумеется, динамические свойства правил очень важны для оценки монетарной политики, и необходимо, чтобы правила эффективно исполнялись в рамках юрисдикции каждого государства, если они направлены еще и на то, чтобы внести позитивный вклад в глобальную денежно-кредитную политику, основанную на правилах.

Следствием таких действий является то, что международная экономика будет более стабильной, если монетарные власти смогут создать международную валютную систему, основанную на правилах. Но как можно реализовать такую систему? Работоспособным предложением будет международное соглашение, в котором каждый ЦБ определяет и обязывает исполнение правил или стратегии денежной политики для установления соответствующих правовых инструментов. Стратегия может включать конкретную целевую инфляцию, оценку равновесной процентной ставки и список ключевых переменных для реагирования определенным образом. Этот процесс не повлияет на монетарные стратегии других стран. Это будет гибкая система обменного курса, хотя валютные зоны, такие как Еврозона, и их ЦБ, безусловно, могут быть ее частью.

Такое соглашение не создало бы никакой угрозы ни национальной, ни международной независимости ЦБ. Каждый ЦБ будет формулировать и описывать свою стратегию. ЦБ, участвующие в этом процессе, не будут действовать исходя из стратегий других ЦБ, за исключением тех, о которых сообщалось бы в стратегиях. И стратегии можно было бы изменить или отклонить, если мировое сообщество изменится или возникнет чрезвычайная ситуация. Процедура формирования и изменения, а также их причины могли бы быть прописаны в международном договоре. Возможно, что некоторые ЦБ будут включать в свою монетарную политику список факторов, которые влияют на процентные ставки и на которые необходимо реагировать, но, когда одни ЦБ увидят, что другие ЦБ этого не делают, они, скорее всего, будут оказывать меньше влияния на валютные отношения, применяя финансовые и правовые инструменты.

Такой международный договор должен быть глобальным в принципе, а не для определенной группы государств. Как и процесс, который при-

вел к Бреттон-Вудской системе, новое международное соглашение о ведении международной денежно-кредитной политики можно начать неофициально с небольшой группы, а затем распространить его. Обязательства, основанные на правилах, позволят снизить волатильность потока капитала и устранить некоторые причины, по которым ЦБ следуют друг за другом в последние годы [23].

Подобная реформа создаст правила, позволяющие окончательно отменить контроль за движением капитала. Согласно классификации стран по версии А. Фернандеса [12], в 2015 г. было 36 государств с открытыми счетами движения капитала и 48 с ограничительными, а 16 – с разной степенью контроля за движением капитала. В реформе следовало бы учесть переходный период. Она должна сопровождаться адекватным соблюдением правил безопасности и регулированием устойчивости финансовых учреждений. При этом если пруденциальные нормативы уже существуют, то фазовый переход может не понадобиться. Несмотря на противоречивость, эта реформа концептуально совпадает с соглашением первоначальных членов МВФ о снятии валютного контроля в 1944 г. [23].

Многие специалисты призывают к реформированию международной валютной системы, отражая озабоченность по поводу нестабильности, побочных эффектов международной монетарной политики, неустойчивых потоков капитала и плохих экономических показателей. Банк международных расчетов (BIS) провел исследование, предлагаемый подход которого привлекателен, поскольку каждая страна может выбрать свою собственную независимую стратегию и одновременно способствовать глобальной стабильности [15].

Анализ взаимозависимости денежно-кредитных стратегий ЦБ в данной работе показывает, что существует не только влияние международной финансовой системы на принятие решений ЦБ в рамках достижения целей, установленных законодателем конкретной страны, но и влияние действий одних ЦБ на ведение денежно-кредитной политики другими ЦБ. Отсюда следует, что необходимо и дальше развивать такое направление в международном валютном праве, как международная денежно-кредитная политика, а также разрабатывать единые правила ее (международной денежно-кредитной политики) ведения.

Список литературы

1. *Ahrend R.* Monetary Ease: A Factor Behind Financial Crises? Some Evidence from OECD Countries // Economics. – 2010. – N 4 – P. 1–30.

2. *Beckworth D., Hendrickson J.* Nominal GDP Targeting and the Taylor Rule on an Even Playing Field // AIER Sound Money Project Working Paper. – 2016. – N 2018-10.

3. *Carlozzi N., Taylor J.* International Capital Mobility and the Coordination of Monetary Rules // Bhandhari J. Exchange Rate Management. – MIT Press, 1985.

4. *Carstens A.* Challenges for Emerging Economies in the Face of Unconventional Monetary Policies in Advanced Economies. – Washington : Peterson Institute for International Economics, 2015.

5. Communique of the Interim Committee. – International Monetary Fund, 1997.

6. *Coulibaly D., Kempf H*. Does Inflation Targeting Decrease Exchange Rate Pass-through in Emerging Countries? – Documents de Travail du Centre d'Economie de la Sorbonne. – 2010. – N 49.

7. *Edwards S.* Monetary Policy Independence under Flexible Exchange Rates: An Illusion? // NBER Working Paper. – 2015. – N 20893.

8. *Edwards S.* The Illusion of Monetary Policy Independence under Flexible Exchange Rates // VOX, CEPR's Policy Portal. – 2015.

9. *Eichengreen B., Taylor A.* The Monetary Consequences of a Free Trade Area of the Americas // NBER Working Paper. – 2003. – N 9666.

10. European Central Bank. Account of the Monetary Policy Meeting of the Governing Council of the European Central Bank, held in Frankfurt am Main on Wednesday and Thursday, 12–13 December 2018.

11. *Fagan G., Lothian J., McNelis P.* Was the Gold Standard Really Destabilizing? // Journal of Applied Econometrics. – 2013. – N 8. – P. 131–249.

12. *Fernández A., Klein M. W., Rebucci A., Schindler M., Uribe M.* Capital Control Measures: A New Dataset // IMF Working Paper. – 2015.

13. *Friedman M.* The Case for Flexible Exchange Rates // Essays in Positive Economics. – University of Chicago Press, 1953.

14. *Gray C.* Responding to a Monetary Superpower: Investigating the Behavioral Spillovers of U.S. Monetary Policy // Atlantic Economic Journal. – 2013. – Vol. 21 (2).

15. *Hofmann B., Bogdanova B.* Taylor Rules and Monetary Policy: A Global Great Deviation? BIS Quarterly Review, 2012.

16. International Monetary Fund. The Liberalization and Management of Capital Flows. An Institutional View. – 2012.

17. *Kahn G. A.* Taylor Rule Deviations and Financial Imbalances : Economic Review, Second Quarter. – Federal Reserve Bank of Kansas City, 2010.

18. *Orphanides A.* (2003), Monetary Policy Evaluation with Noisy Information // Journal of Monetary Economics. – 2003. – Vol. 50 (3). – P. 605–631.

19. *Rey H.* Dilemma not Trilemma: The Global Financial Cycle and Monetary Policy Independence // Global Dimensions of Unconventional Monetary Policy A Symposium Sponsored by the Federal Reserve Bank of Kansas City. – Jackson Hole, 2013.

20. *Selgin G., Beckworth D., Bahadir B.* The Productivity Gap: Monetary Policy, the Subprime Boom, and the Post-2001 Productivity Surge // Journal of Policy Modeling. – 2015. – Vol. 37. – Issue 2.

21. *Sumner S.* Nominal GDP Targeting: A Simple Rule to Improve Fed Performance // Cato Journal. – 2014. – Vol. 34. – N 2.

22. *Taylor J.* A Rules-Based International Monetary System for the Future // Bergsten F., Green R. International Monetary Cooperation: Lessons from the Plaza Accord after Thirty Years. – Washington. D.C. : Peterson Institute for International Economics, 2016.

23. *Taylor J.* An International Monetary System Built on Sound Policy Rules // International Conference on Macroeconomic Analysis and International Finance. – University of Crete, Rethymno, 2016.

24. *Taylor J.* Globalization and Monetary Policy: Missions Impossible // Gertler M., Gali J. The International Dimensions of Monetary Policy. University of Chicago Press, 2009. – P. 609–624.

25. *Taylor J.* Housing and Monetary Policy // Housing, Housing Finance and Monetary Policy. – 2007. – P. 463–476.

26. *Taylor J.* International Coordination in the Design of Macroeconomic Policy Rules // European Economic Review. – 19985. – N 28. – P. 53–81.

27. *Taylor J.* International Monetary Coordination and the Great Deviation // Journal of Policy Modeling. – 2013. – N 35 (3). – P. 463–472.

28. *Taylor John B.* Rethinking the International Monetary System," The Cato Journal, Vol. 36, No. 2 (Spring/Summer); (2016),

29. *Taylor J.* The Federal Reserve in a Globalized World Economy // The Federal Reserve's Role in the Global Economy. – Cambridge University Press, 2016.

30. *Vegh C., Vuletin G.* Overcoming the Fear of Free Falling: Monetary Policy Graduation in Emerging Markets // NBER Working Paper. – 2012. – N 18175.

31. *Volcke P.* Remarks. Bretton Woods Committee Annual Meeting. – 2014.

Реализация политики устойчивого развития Монголии

Т. А. Витульева
преподаватель Улан-Баторского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»,
210351, Монголия, Улан-Батор, пр. Мира, д. 131.
E-mail: t-vituleva@mail.ru

The Implementation of the Sustainable Development Policy of Mongolia

T. A. Vitulyeva
Lecturer of the Ulan Bator Institute (Branch) of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 131 Mira Avenue,
Ulaanbaatar, 210351, Mongolia
E-mail: t-vituleva@mail.ru

Аннотация

В данной статье автором предпринята попытка рассмотрения вопросов, связанных с реализацией политики экономического и социального развития Монголии. Устойчивое развитие территории современных государств на сегодняшний день одна из ключевых задач, стоящих перед человечеством. Монголия – уникальная страна с самобытной культурой, историей и социально-экономической спецификой развития. Устойчивое развитие территории страны требует активных мер со стороны государственного аппарата, а также реализации последовательной эффективной политики поддержания сбалансированного развития с учетом главных направлений устойчивости: экономики, социальной сферы и сохранения окружающей среды. Автор справедливо соглашается с тем, что, согласно Всемирной стратегии охраны природы, устойчивым является такое развитие, которое обеспечивает реальное улучшение качества жизни людей и в то же время сохраняет природное разнообразие Земли. Благодаря стремлению к балансу ключевых составляющих, возможно дальнейшее развитие и процветание страны, повышение благосостояния ее населения при сохранении окружающей среды для будущих поколений. В статье затронуты вопросы перехода Монголии на устойчивое развитие, определен ряд документов, проведена оценка их реализации, сделаны авторские выводы и даны рекомендации по данному вопросу.

Ключевые слова: Монголия, устойчивое развитие, зеленое развитие, Индекс человеческого развития, Конституция Монголии, конференция ООН, благосостояние населения, инновации.

Abstract

In this article, the author attempts to address some issues related to the implementation of the policy of economic and social development of Mongolia. Sustainable development of the territory of modern states is one of the key challenges facing humanity today. Mongolia is a unique country with a distinctive culture, history and socio-economic specifics of development. Sustainable development of the country's territory requires active measures by the state apparatus, as well as the implementation of a coherent and effective policy of maintaining balanced development, taking into account the main directions of sustainability: the economy, the social sphere and the preservation of the environment. The author rightly agrees that, according to the World Conservation Strategy, the sustainable development is the one, which “provides a real improvement in the quality of life of people and at the same time preserves the natural diversity of the Earth”. Due to the commitment to the balance of key components the country can further develop and prosper, improving the well-being of its population while preserving the environment for future generations. The article raises issues of transition of Mongolia to sustainable development, identified a number of documents, evaluated their implementation, made the author's conclusions and made recommendations on this issue.

Keywords: Mongolia, sustainable development, green development, human development Index, Mongolian Constitution, UN conference, population welfare, innovation.

Ключевым вопросом сбалансированного социально-экономического развития территорий страны становится устойчивое их развитие с учетом трех направлений: экономики, социума и состояния экологии. В связи с тесной взаимосвязью трех основных сфер постепенный переход стран на устойчивое развитие привлекает внимание со стороны международных организаций, аппарата государственного управления, отечественных и зарубежных исследователей, требуя комплексного урегулирования последствий глобализации и растущего динамизма экономик. Для Монголии переход на устойчивое развитие особенно важен в силу специфики социально-экономического развития страны за счет богатых природных ресурсов, обширной территории и малочисленного населения. Переход к политике устойчивого развития территории Монголии и ее успешная реализация сегодня становятся приоритетной составляющей благосостояния населения и страны в целом [1].

Впервые термин «устойчивое развитие» в широкое использование был введен Международной комиссией по окружающей среде в 1987 г. Данное понятие предполагает «развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности» [9. – С. 358]. Первоначально устойчивость развития была рассмотрена с точки зрения экологической составляющей на конференции ООН по окружающей среде и развитию, которая прошла в 1992 г. в Рио-де-Жанейро. На этой же конференции были определены основные направления устойчивого развития. Согласно Всемирной стратегии охраны природы, устойчивым является такое развитие, которое «обеспечивает реальное улучшение качества жизни людей и в то же время сохраняет природное разнообразие Земли» [6]. В современных условиях трактовка термина была расширена и вышла за рамки только экологической составляющей. Сейчас к вопросам устойчивого развития относятся проблемы взаимодействия трех сфер: экономики, экологии, социума.

Одной из основ благосостояния населения становится переход стран на устойчивое, а следовательно, и сбалансированное развитие, цели и задачи которого были определены на Конференции ООН по окружающей среде и развитию. В настоящее время реализация данной программы проходит повсеместно во всех странах – членах ООН, и Монголия не исключение.

В начале 1992 г. в Монголии была принята новая Конституция, согласно которой высшей целью стало построение и развитие в стране гражданского и демократического общества. Реформирование экономики и экономических отношений проходило по рекомендациям специалистов Международного валютного фонда, и Монголия стала парламентской республикой с демократическим укладом.

Конференция по окружающей среде и развитию послужила хорошим стимулом для определения приоритетных направлений развития страны в переходный период. На ее основании была разработана Программа действий устойчивого развития Монголии XXI в. (МАР 21). Данный документ послужил фундаментом планирования развития страны в целом. В нем впервые были сформулированы положения, касающиеся развития национальной политики, основанные на принципах охраны окружающей среды с опорой на внутренние ресурсы. Но реализация данной программы была затруднена кризисной ситуацией: Азиатский финансовый кризис, резкое сокращение государственных расходов, падение цен на медь на международном рынке – главный экспортный товар Монголии, а также большая ориентация на переход к рыночной экономике, чем достижение приоритетный направлений устойчивого макроэкономического развития.

После 1999 г. Монголия испытала ряд крупных стихийных бедствий, таких как зуд, в результате которых широко распространилась бедность и безработица в стране. По данным Национального статистического комитета Монголии, в 1995 г. 36,3% от всего населения страны приходилось на бедных [3]. В период 1999–2000 гг. по причине зуда доля сельскохозяйственного сектора сократилась с 33 до 16,8% от ВВП, при этом рост безработицы продолжился. Социальные проблемы стали особенно острыми, происходила миграция населения в города из сельской местности, экологическое состояние ухудшилось. Стало понятно, что макроэкономическая стабильность и экономический рост не могут решить возникающие социальные проблемы.

После присоединения Монголии в 1997 г. к ВТО правительственная политика в основном была ориентирована на дальнейшее внедрение принципов рыночной экономики, экономической либерализации и стабилизации бюджетных дисбалансов, не уделяя должного внимания разработке и осуществлению стратегии устойчивого

развития, в том числе развития человеческих ресурсов.

В течение первого десятилетия перехода к рыночной экономике Монголия не смогла в полной степени осуществить заложенную стратегию развития. Проблема заключалась в недостаточно разработанной законодательной базе и несовершенстве организационных механизмов.

Разработка политики современного развития страны началась в 2000 г., вместе с ней возникли трудности ее реализации, среди которых стоит отметить отсутствие комплексной национальной политики и стратегии развития, принципов ее реализации, системы мониторинга и оценки, а также необходимость проведения мер для восстановления макроэкономической стабильности и сокращения дефицита бюджета.

Решающую роль тогда для Монголии сыграла принятая Декларация тысячелетия и девять Целей развития тысячелетия (ЦРТ) 2000–2015 гг., с учетом которых была определена национальная политика долго- и среднесрочного периода, а также стратегия развития страны, принципы создания экономического механизма, системы мониторинга и оценки.

За период 2000–2015 гг. Монголия добилась значительного прогресса в осуществлении Стратегии комплексного национального развития на основе ЦРТ (CNDS). За этот период монгольская экономика характеризуется устойчивым ростом. Так, рост ВВП в 2000–2005 гг. составил 5,6%, в 2005–2010 гг. он увеличился до 6,7%, а в дальнейшем ускорился до 10,9% в 2010–2015 гг. Важным шагом развития в этот период выступил переход из группы стран с низким уровнем доходов населения в рейтинг стран со средним уровнем доходов [5].

В результате усилий по принятию девятой ЦРТ «Укрепление прав человека и содействие демократическому управлению» (2008) Монголии был достигнут значительный прогресс в области прозрачности управления и участия граждан, а также борьбы с коррупцией и снижения ее уровня. Согласно индексу восприятия коррупции, рассчитанному международной организацией Transparency International, Монголия в период 2012–2015 гг. поднялась с 36 пунктов до 39 [4]. Уровень бедности населения Монголии удалось сократить в период 1995–2014 гг. – данный показатель снижен до уровня 21,6% [7], что на 14,7% меньше по сравнению с данными за 1995 г. Сокращение бедности можно рассматривать как результат эффективной политики, проводимой правительством государства. В 2014 г. Монголия относилась к группе стран с высоким уровнем человеческого развития. Индекс человеческого развития (ИЧР) Монголии составил 0,727 в 2014 г., в то время как средний ИЧР стран восточной Азии и тихоокеанского региона за тот же период равен 0,710. На основании этих данных можно сделать вывод о том, что Монголия по ИЧР опережает ряд других стран Азиатско-Тихоокеанского региона [2. – P. 29] За этот же период значительный прогресс был достигнут в продвижении гендерного равенства и расширении участия женщин в политике и принятии решений.

Несмотря на значительный прогресс в разработке и проведении политики в области развития, финансирования, мониторинга и оценки, страна столкнулась с проблемами несовершенствования и недоработки правовой базы, отсутствия опыта. В период, когда страна готова приступить к реализации глобальных целей, крайне важно выявить факторы, влияющие на успешную реализацию национальной политики Монголии, и проблемы, возникающие при ее осуществлении.

Ряд нерешенных проблем все же остался, среди них безработица, высокий уровень бедности, недостаточно сильная экономическая структура страны, высокая доля агропромышленного комплекса, сильная зависимость от окружающей среды, погодных условий, зависимость от горнодобывающей промышленности и вследствие этого от мировых цен на ресурсы.

Опыт Монголии как страны с развивающейся экономикой показывает, что для достижения устойчивого развития внимания заслуживают следующие вопросы: несовершенство правовой базы, необходимость перенимания опыта развитых стран, наличие слабых институтов власти, осуществляющих политику и разработку мероприятий, непоследовательность политики развития и различия в поставленных целях реализуемых программ.

С момента перехода на рыночную экономику в стране был разработан, принят и реализован ряд основных программных документов, отражающих цели в области устойчивого развития государства на средне- и долгосрочную перспективу. В апреле 2016 г. Указом Великого государственного хурала также была сформирована рабочая группа для разработки долгосрочной политики развития Монголии. Для улучшения коорди-

нации политики, обеспечения согласованности, последовательности действий и интегрированности управления в стране проводятся научные исследования, которые вносят значительный вклад в ее реализацию и корректировку.

В настоящее время в Монголии реализуется программа «Цель устойчивого развития – 2030», которая является продолжением программы «Цели развития тысячелетия 2000–2015 гг.». Принятая в 2016 г. программа представляет глобальный долгосрочный политический документ устойчивого развития страны, основанный на трех основных принципах социально-экономического и экологического характера [8]. В марте 2017 г. на 48-й сессии Комиссии ООН по статистике было определено 17 целей, 169 задач и 244 показателя для оценки осуществления программы.

Согласно Концепции устойчивого развития Монголии до 2030 г. [8], планируется достигнуть следующих показателей:

1. Увеличить валовой национальный доход на душу населения до 17 500 долларов США.

2. Обеспечить среднегодовой экономический рост не менее 6,6% за период 2016–2030.

3. Сократить уровень бедности среди населения.

4. Уменьшить неравенство в доходах населения.

5. Увеличить коэффициент обеспечения начальным и профессиональным образованием до 100%, создать систему непрерывного обучения.

6. Улучшить условия жизни монгольского народа, увеличить среднюю продолжительность жизни населения до 78 лет.

7. Укрепить позиции в рейтинге стран по индексу человеческого развития, а именно войти в первые 70 стран.

8. Обеспечить экологический баланс всех территорий страны, войти в список первых 30 стран в рейтинге экологической эффективности.

9. Войти в список 40 стран по индексу легкости ведения бизнеса и в список 70 стран по индексу глобальной конкурентоспособности.

10. Обеспечить профессиональное, стабильное и активное участие органов государственной власти, реализующих политику развития территории на всех ее уровнях, а также усилить борьбу с коррупцией.

Концепция политики устойчивого развития Монголии 2016–2030 гг. заключается в понимании того, что на основе всеобщего благосостояния политики развития человеческих ресурсов, проведения интенсивного социально-экономического развития необходимо придерживаться сбалансированной экологической политики, а также учитывать внутренние и внешние обстоятельства, региональные и глобальные тенденции развития [7]. Сокращение дисбаланса территориального, социально-экономического и экологического развития Монголии является важной предпосылкой для устойчивого развития XXI в.

В результате проведения последовательной политики устойчивого развития территорий Монголии ряд показателей свидетельствуют о стабильном росте и укреплении своих позиций, так ИЧР страны на основе данных 2015 г. составил 0,735 (92-е место). В соответствии с рейтингом экологической эффективности 2016 г., страна на 114-м месте с показателем 64,39, в рейтинге стран по уровню жизни в 2017 г. – на 68-м месте. По состоянию на июнь 2017 г. Монголия занимает 62-е место в рейтинге благоприятности условий ведения бизнеса, при этом рост ВВП в 2017 г. составил 5,1% против прошлого года. В 2017 г. исследование рейтинга конкурентоспособности стран мира охватило 63 страны, среди которых на предпоследнем месте находится Монголия (62-е место), индекс восприятия коррупции в 2017 г. в Монголии составил 36 баллов (104-е место).

В заключение следует отметить, что устойчивое развитие Монголии является актуальной проблемой сегодня. Монголия предпринимает активные и последовательные меры для реализации поставленных целей, определенных в области устойчивого развития до 2030 г., проводит на их основе реализацию национальной политики повышения благосостояния страны, но сталкивается с рядом проблем, требующих решения.

Среди приоритетных задач устойчивого развития страны можно выделить:

1. Необходимость выхода на международный рынок и эффективное использование ресурсов путем диверсификации экономики в пользу развития сельского хозяйства, сферы услуг и экотуризма.

2. Развитие человеческого капитала, формирование высококвалифицированной рабочей силы, повышение ее производительности и производственных мощностей.

3. Укрепление позиций среднего класса, являющегося движущей силой развития; сокращение неравенства в доходах населения, диспропорций между городом и сельской местностью, а также совершенствование условий общественной охраны здоровья и безопасности.

4. Применение современных технологий и инноваций во всех секторах экономики, их адаптация к изменению климатических условий. Бережное использование природных ресурсов, способствующих устойчивому развитию сельского хозяйства и животноводства, адаптированных к изменению климата, а также увеличение доли возобновляемых источников энергии.

5. Повышение эффективности работы органов власти, совершенствование законодательной базы, укрепление связей и сотрудничества с географическими и третьими соседями с целью разработки совместных проектов и программ по реализации устойчивого развития территорий. Также следует уделять внимание обмену опытом в приоритетных сферах сотрудничества.

Результативное достижение поставленных целей устойчивого развития Монголии возможно благодаря четко спланированной государственной политики в данной области. При выполнении приоритетных задач, направленных на благосостояние страны, международное сотрудничество выступает основой для согласованности в выборе путей устойчивого развития, способствует достижению компромисса между тремя элементами устойчивости. Необходим постоянный мониторинг и оценка эффективности проводимой политики, а также согласованность действий со стороны исполнительных органов и исключение их противоречий.

Международное сообщество XXI в. вынуждено искать пути перехода на устойчивое развитие и зеленый рост, опорой которых служит компромисс трех сфер, использование ресурсосберегающих и экологически безвредных производств, повышение благосостояния общества и экономики в целом, а также минимизация рисков для окружающей среды. Устойчивое развитие должно стать рычагом экономического развития XXI столетия стран и отдельных территорий, а усилия по их достижению должны носить комплексный характер.

Список литературы

1. *Витульева Т. А.* Проблема перехода Монголии на устойчивое развитие // Экономика и предпринимательство. – 2016. – № 4. – Ч. 2. – С. 756–760.

2. Доклад о человеческом развитии 2015. Human Development Report 2015: Work for Human Development. – URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr15_standalone_overview_ru_0.pdf

3. Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо. – URL: http://www.nso.mn

4. Официальный сайт Transparency International. – URL: http://www.transparency.org/cpi2015

5. Официальный сайт Всемирного банка, данные по Монголии. – URL: http://data.worldbank.org/country/mongolia

6. IUCN/UNEP/WWF (1980): The World Conservation Strategy: Living Resource Conservation for Sustainable Development

7. Mongolia Sustainable Development Vision 2030, Parliament of Mongolia.

8. Mongolia's National Report "Managing the Transition from the Millennium Development Goals to the Sustainable Development Goals". 2015. – URL: http://www.un.org/en/ecosoc/newfunct/pdf15/nvp_mongolia_report.pdf

9. Sustainable Development Strategies: a Resource Book / compiled by B. Dalal-Clayton, S. Bass of IIED. OECD & UNDP. – URL: http://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/

Оценка и пути повышения инвестиционной привлекательности предприятия[1]

О. В. Литвишко
кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Litvishko.OV@rea.ru

А. В. Гвоздева
студентка магистратуры финансового факультета РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова», 117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: gvozdeva_av@bk.ru

Assessment and Ways of Increasing the Investment Attractiveness of the Enterprise

O. V. Litvishko
PhD in Economics, Associate Professor of the Department for Financial management of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Litvishko.OV@rea.ru

A. V. Gvozdeva
Master Student in the Faculty of Finance of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane, Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: gvozdeva_av@bk.ru

Аннотация

В настоящее время в связи с высоким уровнем конкуренции в предпринимательской среде фирмы вынуждены улучшать количественные и качественные показатели своей деятельности, что требует дополнительных финансовых ресурсов. Одним из основных источников финансирования деятельности организаций являются инвестиции. Привлекая инвестиционные ресурсы, предприятия внедряют в свою производственную деятельность инновационные технологии, расширяют ассортимент продукции, увеличивают объемы производства. Данная статья посвящена анализу путей повышения инвестиционной привлекательности предприятия в современных условиях. Предприятию путем учета внешних факторов инвестиционной привлекательности и воздействия на внутренние необходимо оптимизировать данный показатель, а государство должно создавать все необходимые условия для эффективного функционирования рыночных механизмов, что позволит повысить конкурентоспособность всей экономики страны. В настоящее время не существует единой методики оценки инвестиционной привлекательности компании, которая содержала бы общепринятый перечень показателей и позволяла однозначно охарактеризовать полученные результаты. Преимуществом метода оценки, предложенного авторами в статье, является комплексный подход к исследованию инвестиционной привлекательности предприятия, учет как внутренних факторов, так и факторов внешней среды.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность, инвестиции, факторы, предприятие, финансовые ресурсы, анализ, конкуренция, внешняя среда, государство, методика, эффективность, финансовый результат.

Abstract

Currently, due to the high level of competition in the business environment, firms are forced to improve the quantitative and qualitative indicators of their activities, which requires additional financial resources. One of the

[1] Статья подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ, проект № № 18-310-20008.

main sources of funding the organizations is investment. With the use of investment funds, enterprises introduce innovative technologies into their production activities, expand the product range, and increase production volumes. This article is devoted to the analysis of ways to increase the investment attractiveness of the enterprise in modern conditions. The company, by taking into account external factors of investment attractiveness and impact on domestic, needs to optimize this indicator, and the state should create all the necessary conditions for the effective functioning of market mechanisms, which will increase the competitiveness of the entire economy. At present, there is no uniform methodology for assessing the investment attractiveness of a company, which would contain a generally accepted list of indicators, and would unambiguously characterize the results obtained. The advantage of the valuation method proposed in this article is an integrated approach to the study of the investment attractiveness of an enterprise, taking into account both internal and environmental factors.

Keywords: investment attractiveness, investments, factors, enterprise, financial resources, analysis, competition, external environment, state, methods, efficiency, financial result

Конкурентоспособность национальной экономики зависит от ряда факторов, среди которых прежде всего следует выделить состояние основных фондов. Количественные и качественные характеристики основных фондов определяются соотношением темпов их обновления и выбытия, степенью износа, удельным весом полностью изношенных машин и оборудования. Проблема активизации процесса привлечения в экономику страны реальных инвестиций сегодня как никогда актуальна. Острота этой проблемы обусловлена ситуацией, в которой находится в настоящее время наша страна. Низкий уровень технического вооружения труда, изношенность парка оборудования являются одной из основных проблем современной России. По данным Федеральной государственной службы статистики за 2017 г., степень износа основных производственных фондов на предприятиях в Российской Федерации составляет 47,3% [9]. При этом абсолютное значение учетного износа основных фондов в 2017 г. равнялось 7 786 млрд рублей, что на 545 млрд рублей больше, чем в 2016 г., и на 1 316 млрд рублей больше, чем в 2015 г. [9]. Негативная динамика данного показателя подтверждает факт того, что производственные фонды предприятий нуждаются в скорейшем обновлении на современной технологической основе, чтобы существенно поднять конкурентоспособность отечественной продукции и завоевать достойные позиции на мировых рынках, однако финансирование данного процесса требует больших затрат.

В настоящее время одной из самых актуальных проблем российской экономики является ее развитие до конкурентного мирового уровня. В реальном секторе экономики России сложился не совсем позитивный инвестиционный климат. В экономике зафиксированы тенденции стагнации, недостаточные темпы роста ВВП и объемов промышленного производства. В отсутствие инвестиций основные фонды предприятий находятся в крайне изношенном и морально устаревшем состоянии, что еще больше углубляет пропасть между нашей страной и развитыми странами.

Основные фонды являются фундаментом деятельности любого российского предприятия. Их состояние характеризуют такие показатели, как коэффициенты обновления и выбытия. Динамика данных показателей в Российской Федерации приведена на рис. 1.

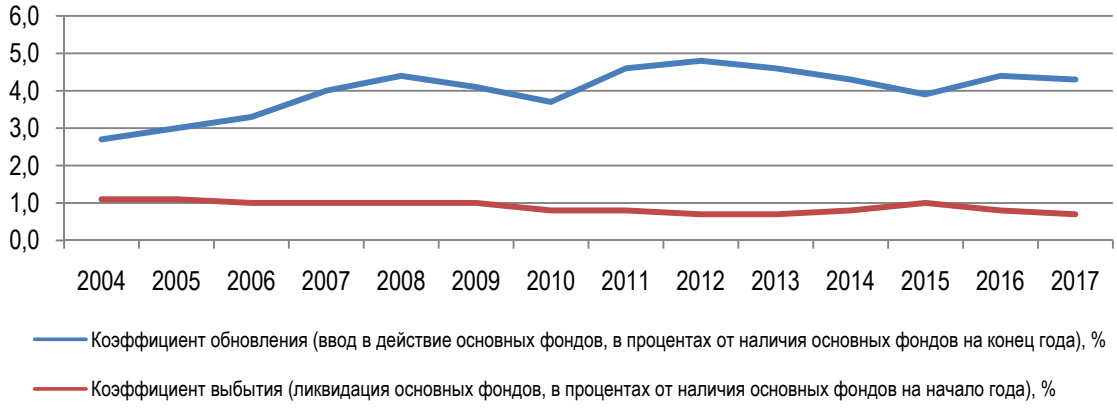

Рис. 1. Динамика состояния основных фондов Российской Федерации [9]

Динамика фиксирует незначительный рост коэффициента обновления основных фондов, в то время как коэффициент выбытия характеризуется понижающей тенденцией. По состоянию на 2017 г. коэффициент обновления российских основных фондов составил 4,3%, а коэффициент выбытия – 0,7%. С таким темпом обновления основные средства российской экономики пройдут полное обновление не раньше чем через 50–70 лет. Если учесть, что современный этап мирового развития характеризуется переходным состоянием между пятым и шестым технологическими укладами, то данный темп обновления основных фондов вселяет изрядную долю пессимизма при анализе перспектив России обеспечить себе достойное место в постиндустриальном мире.

Обновление основных фондов происходит за счет инвестиций в основной капитал. На данный момент активизация инвестиционного процесса России приобретает исключительную важность. Степень влияния инвестиций на развитие экономики можно оценить благодаря инструментарию корреляционного анализа, который позволяет изучить характер связи между двумя экономическими величинами и оценить степень взаимозависимости оцениваемых величин. Теоретически мы можем выдвинуть гипотезу о прямой зависимости уровня ВВП от объема инвестиций в основной капитал.

Характер связи между показателями иллюстрирует диаграмма рассеивания (поле корреляции) на рис. 2.

По диаграмме рассеивания можно судить о наличии линейной, прямой связи между ВВП и объемом инвестиций в основной капитал.

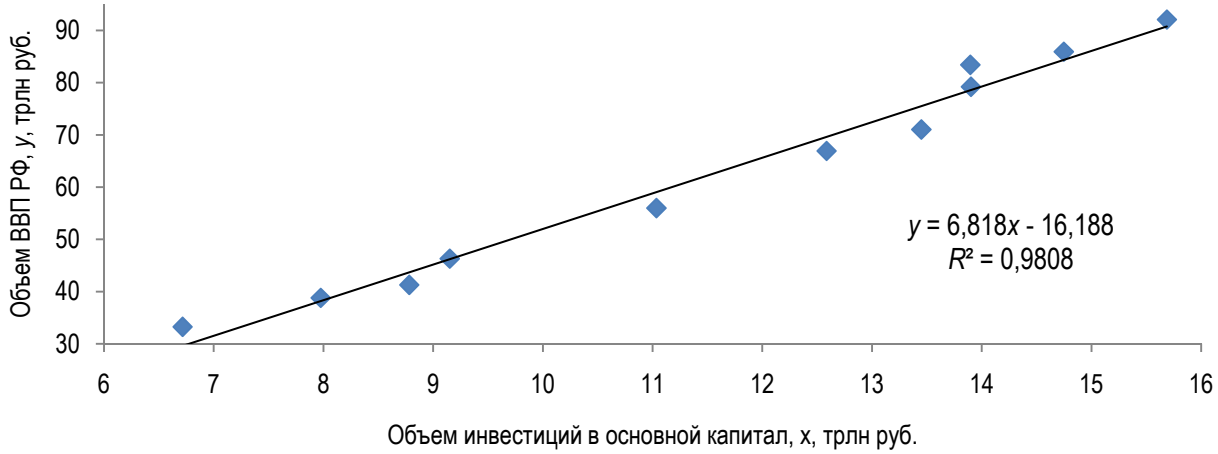

Рис. 2. Поле корреляции и линия регрессии [9]

С помощью средств табличного процессора Excel на базе исходных данных построим линию регрессии и отобразим на рис. 2 значение коэффициента детерминации.

Коэффициент детерминации: R^2 = 0,9808, т. е. в 98,08% вариации ВВП России зависит от объема инвестиций в основной капитал на 1,98% от других факторов, которые мы не учитывали при составлении данной модели.

Коэффициент корреляции r = 0,990 по шкале Чеддока свидетельствует о наличии прямой, очень тесной (практически функциональной) связи между экономическим ростом и динамикой инвестиций в основной капитал.

Адекватность полученной модели проверим с помощью F-теста:

$$F = \frac{(n-m)R^2}{(m-1)(1-R^2)} = \frac{(11-2)\cdot 0{,}9808}{1-0{,}9808} = 460{,}79$$

Для степеней свободы $k_1 = m - 1 = 2 - 1$, $k_2 = n - 2 = 11 - 2 = 9$ и уровня значимости α = 0,001 найдем критическое значение $F_{кр}$ = 27,99.

Так как $F > F_{кр}$, то модель с вероятностью 0,999 можно считать адекватной и пригодной к использованию.

Коэффициент эластичности:

$$E = b\frac{\bar{x}}{\bar{y}} = 6{,}818 \times \frac{11{,}630}{63{,}104} = 1{,}256.$$

Коэффициент эластичности показывает, что с приростом инвестиций в основной капитал на 10% прирост ВВП составит 12,56%.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующий вывод: по шкале Чеддока коэффициент корреляции указывает на очень высокую прямую зависимость уровня ВВП от объема инвестиций в основной капитал. *F*-статистика Фишера засвидетельствовала адекватность полученного уравнения регрессии с вероятностью 0,999. Коэффициент эластичности показывает, что с приростом инвестиций в основной капитал на 10% прирост ВВП составит 10,26%. Таким образом, гипотеза о прямой зависимости объема ВВП от уровня инвестиций в основной капитал подтверждается.

Очевидно, что источником роста экономики России является активизация инвестиционной деятельности предприятия. Несомненно, любое промышленное предприятие, за исключением случаев преднамеренного банкротства, стремится максимизировать свою прибыль. Условием ее получения и ключевым фактором повышения конкурентоспособности продукции является своевременная модернизация технико-технологической базы.

Показателем, от которого зависит объем притока капиталовложений, является инвестиционная привлекательность, на основании которой инвесторы принимают решение о целесообразности финансирования того или иного проекта. Таким образом, увеличение уровня инвестиционной привлекательности выступает необходимым условием успешной деятельности компании.

На сегодняшний день данный вопрос является объектом изучения большого количества авторов. Так, О. В. Буторина и И. В. Шишкина изучают сущность инвестиционной привлекательности компании [1]. Н. В. Лаврухина в своей работе рассматривает методы и модели оценки инвестиционной привлекательности предприятия [5], а О. М. Фокина акцентирует свое внимание на оценке инвестиционной привлекательности промышленного предприятия [7]. Однако многочисленные работы и публикации посвящены общим вопросам управления инвестиционной привлекательностью. Комплекс проблем, связанный с поиском конкретных путей повышения инвестиционной привлекательности на микроуровне, остается актуальным.

Инвестиционная привлекательность представляет собой совокупность экономических и финансовых показателей предприятия, которые определяют возможность получения максимальной прибыли в результате вложения капитала при минимальном уровне риска вложения средств [8].

Инвестиционная привлекательность предприятия зависит от множества факторов, основная классификация которых подразумевает их деление на внешние и внутренние [3]. К внешним факторам относятся показатели, которые косвенно влияют на степень привлекательности предприятия для инвестора и на которые предприятие не имеет возможности оказать прямое воздействие: политическая и экономическая стабильность в стране; правовая система; система налогообложения; демографическая ситуация; инструменты развития бизнеса; емкость и конъюнктура рынка; ресурсообеспеченность. Внешние факторы инвестиционной привлекательности предприятия характеризуются инвестиционным климатом страны, региона и отрасли, в которых функционирует организация.

К внутренним факторам относятся те показатели, на которые предприятие имеет возможность воздействовать напрямую, в силу чего организация может регулировать уровень своей инвестиционной привлекательности. Основными внутренними факторами являются:

– финансовое положение предприятия, характеризующееся показателями финансовой устойчивости, ликвидности, платежеспособности, рентабельности;

– производственный потенциал, включающий в себя средства и предметы труда, трудовые ресурсы и производственные мощности;

– качество менеджмента, элементами которого являются миссия и стратегия компании, конкурентоспособность продукции, устойчивость связей с поставщиками, клиентоориентированность, бренд;

– инвестиционная деятельность, характеризующаяся наличием инвестиционной программы, объемом инвестиций и эффективностью управления инвестиционными проектами;

– инновационная деятельность, показателями которой являются инновационная активность и научно-технический потенциал компании;

– рыночная устойчивость, зависящая от параметров предприятия, его типов и размеров, а также от маркетинговых условий;

– юридические аспекты, к которым относятся форма собственности организации, ее организационная правовая форма, состав участников и структура собственников.

В связи с недостаточной исследованностью содержания категории «инвестиционная привлекательность» в настоящее время нет единой методики ее оценки, содержащей определенный перечень показателей, позволяющей однозначно охарактеризовать полученные результаты.

Существующие методики базируются на использовании различных показателей, способов анализа и интерпретации результатов. Основополагающими факторами, определяющими инвестиционную привлекательность промышленного предприятия, выступают те, которые отражают его стабильное развитие в долгосрочной перспективе, финансовую устойчивость, учитывают процессы, происходящие во внешней среде.

Методика оценки инвестиционной привлекательности на основе анализа факторов внешней и внутренней среды включает несколько взаимосвязанных этапов: выделение на основе экспертного метода основных факторов инвестиционной привлекательности; построение многофакторной модели влияния выбранных факторов на инвестиционную привлекательность предприятия; проведение анализа с учетом выявленных факторов; разработка рекомендаций. Преимущество данного метода состоит в комплексном подходе к оценке инвестиционной привлекательности предприятия и учету как внутренних, так и внешних факторов.

Предприятие путем воздействия на внутренние факторы способно увеличивать уровень инвестиционной привлекательности. Наиболее распространенными мероприятиями, направленными на повышение инвестиционной привлекательности предприятия, являются:

– разработка долгосрочной стратегии бизнеса и создание бизнес-плана, что позволит инвестору ознакомиться с перспективами развития деятельности предприятия;

– создание положительной кредитной истории, которая является важным показателем финансового состояния предприятия;

– реализация мероприятий по оптимизации деятельности компании, элементами чего, в частности, являются акционерный капитал, активы и производство;

– повышение эффективности организационной структуры и методов управления, что позволит изменить стратегию развития предприятия и достичь более высоких количественных и качественных показателей своей деятельности;

– усиление значимости бренда.

Стоит отметить, что только динамично растущие инвестиции, трансформируясь в создание новых конкурентоспособных производств, не только являются движущей силой развития производства, но и за счет внедрения инновационных разработок способны обеспечивать высокие темпы и качество экономического роста как отдельной компании, так и всей экономики. Особую важность имеет выявление причин, препятствующих осуществлению серьезного и долговременного инвестиционного подъема на отечественных предприятиях.

В первую очередь необходимо отметить, что в функционирующей в 90-х и начале 2000-х гг. системе экономических и производственных отношений практически отсутствовал важнейший элемент – воспроизводство расходуемых ресурсов, а, наоборот, действовала отлаженная система проедания накопленного еще во времена Советского Союза национального богатства страны.

Во-вторых, финансово-кредитная система, созданная в результате ряда реформ, не выполняет свои основные задачи, заключающиеся в трансформации сбережений в инвестиции и перемещении капитала из депрессивных отраслей в прогрессирующие.

В-третьих, государству за все время реформ так и не удалось стать полноправным руководителем экономических процессов. Это относится к государству и как акционеру, в собственности которого находится весомая доля всех имеющихся активов, и как институту власти, в обязанности которого входит создание механизма эффективного регулирования экономических процессов, особенно в кризисные периоды. Рыночная экономика не исключает действия государства в процессах управления и регулирования. Сущность заключается в том, что данные процессы не должны являться непосредственным вмешательством государства в производственно-финансовую деятельность предприятий. Государство должно создавать все необходимые условия для функционирования рыночных меха-

низмов, с помощью которых происходит регулирование экономики.

Подводя итог, стоит отметить, что инвестиционная привлекательность является одним из основных факторов эффективного функционирования предприятия, поскольку от ее уровня напрямую зависит привлечение дополнительных финансовых ресурсов в деятельность предприятия. Исходя из этого, предприятию путем учета внешних факторов инвестиционной привлекательности и воздействия на внутренние необходимо оптимизировать данный показатель, что позволит увеличить объем производства, улучшить качественные показатели деятельности компании, расширить рынки сбыта, внедрить в производство инновационные технологии, что в конечном счете приведет к росту чистой прибыли.

Список литературы

1. *Буторина О. В., Шишкина И. В.* Инвестиционная привлекательность компании: сущность, сопоставление методик оценки // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. – 2017. – № 2. – С. 206–221.

2. *Дубовик М. В., Зайцева Е. В., Литвишко О. В.* Ценностный подход как методология оценки инновационного развития // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2018. – № 3 (45). – С. 422–431.

3. *Ефименко А. З.* Маркетинговый анализ и управление развитием предприятий : монография. – М. : Ассоциация строительных вузов (АСВ), 2017.

4. *Мелай Е. А., Сергеева А. В.* Факторы инвестиционной привлекательности организации // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. – 2015. – № 3-1. – С. 63–69.

5. *Лаврухина Н. В.* Методы и модели оценки инвестиционной привлекательности предприятия. Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 8. – С. 113–117.

6. *Литвишко О. В.* Роль рынка первичных размещений в модернизации российской экономики // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2011. – № 5 (41). – С. 52–57.

7. *Фокина О. М.* Оценка инвестиционной привлекательности промышленного предприятия // ЭКОНОМИНФО. – 2015. – № 23. – С. 61–65.

8. *Эргардт О. И., Блудова Н. А.* Анализ и оценка инвестиционной привлекательности предприятия // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2015. – № 2. – С. 105–111.

9. Федеральная государственная служба статистики. – URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения 21.12.2018).

Рецензия на учебник «Право Союзного государства» / под ред. Р. А. Курбанова. – М. : Проспект, 2018

Т. И. Довнар
профессор кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Белорусского государственного университета.
Адрес: Белорусский государственный университет, Республика Беларусь,
220030, Минск, Пр. Независимости, д. 4.
E-mail: Gregory_1@tut.by

Review of the Textbook "Law of the Union State" / ed. by R. A. Kurbanov. – M. : Prospect, 2018

T. I. Dovnar
Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the
Faculty of Law of the Belarusian State University.
Address: Belarusian State University, 4 Independence Avenue, Minsk, 220030, Republic of Belarus.
E-mail: Gregory_1@tut.by

На сегодняшний день в мире наблюдается расширение интеграционных процессов, ввиду чего исследование путей организации сбалансированного, стабильного и эффективного сотрудничества государств в финансовой, транспортной, экологической, образовательной, научной, культурной и иных областях приобретает все большую актуальность как на региональном, так и на международном уровне.

На территории постсоветского пространства действует множество интеграционных образований, активной участницей которых является Республика Беларусь. Особый интерес в современных реалиях приобретает прошлое, настоящее и будущее в развитии двустороннего сотрудничества Беларуси и России.

Существует множество научных публикаций российских и отечественных авторов, посвященных отдельным вопросам интеграции Беларуси и России, однако для целей образовательного процесса важен комплексный подход. С этой точки зрения рецензируемый учебник, состоящий из двух томов, в которых авторами системно анализируются историко-правовые аспекты развития интеграционных отношений между Беларусью и Россией в экономической, социальной и иных сферах, а также характеризуются состояние, перспективы и направления взаимодействия названных стран в рамках Союзного государства, безусловно, может быть полезен для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей юридических вузов и факультетов, а также научных работников, занимающихся исследованием функционирования Союзного государства Беларуси и России.

В первом томе учебника содержится краткий экскурс в историю развития белорусско-российской интеграции, охватывающий анализ ее предпосылок и основных этапов, акцент делается на характеристике современного периода интеграции Беларуси и России в форме Союзного государства и развития экономического сотрудничества.

Первая часть первого тома учебника посвящена характеристике целей, задач, институциональных систем таких интеграционных объединений, как Сообщество России и Беларуси и Союз Беларуси и России, послуживших основой для создания качественно нового межгосударственного объединения – Союзного государства Беларуси и России.

Правовые основы организации и деятельности Союзного государства Беларуси и России, особенности институциональной и правовой систем анализируются во второй части первого тома учебника. Положительного отзыва заслуживает освещение авторами учебника вопроса о правовой природе Союзного государства, дискуссии вокруг которого не утихают с момента образования последнего.

Лаконично и доступно изложены главы, посвященные правовой системе Союзного государства. В них затрагиваются как теоретические вопросы (понятие «правовая система», источники первичного и вторичного права, иерархия норм), так и прикладные аспекты (соотношение права Союзного государства и национального права, разработка, принятие и совершенствование правовых актов Союзного государства, механизмы их реализации).

В части третьей тома первого учебника анализируются правовые основы и направления торгово-

экономического, таможенного, транспортного сотрудничества государств – членов Союзного государства, освещается правовой статус институтов и органов Союзного государства, ответственных за организацию эффективного взаимодействия в отдельных, особенно важных отраслях промышленности и сельского хозяйства, в том числе в регионах.

Одним из главных условий реального сотрудничества в рамках Союзного государства является создание единого бюджета Беларуси и России. Этому немаловажному вопросу посвящен четвертый раздел первого тома рецензируемого учебника, в котором характеризуются принципы и источники формирования бюджетов Союзного государства, ЕАЭС и проблемы их исполнения, а также особенности организации валютных отношений между Россией и Беларусью.

В тесной взаимосвязи с организацией единого рынка находятся проблемы налогообложения и валютного регулирования. В связи с чем в отдельном разделе учебника «Право Союзного государства» излагаются основы налогового законодательства стран-участниц, исследуются нормативные правовые акты, регламентирующие отношения Беларуси и России в налоговой сфере, существующие проблемы в унификации налогового законодательства и предлагаются варианты их разрешения.

Второй том учебника затрагивает вопросы социального, природоохранного и военно-политического сотрудничества Беларуси и России.

В условиях стремительного развития техногенного общества перед человечеством остро стоит задача охраны окружающей среды как на международном, так и на региональном уровне. Следуя мировым тенденциям, в рамках Союзного государства Беларусь и Россия активно развивают сотрудничество в области создания общего природоохранного пространства, унификации законодательства, направленного на обеспечение рационального и эффективного использования природных ресурсов, экологической безопасности и надлежащую охраны природных объектов. Вышеуказанные вопросы нашли свое отражение в рецензируемом учебнике посредством анализа природоохранного законодательства, документов программного характера и полномочий органов Союзного государства в сфере охраны окружающей среды.

Особого внимания заслуживает раздел учебника, посвященный проблеме формирования единого социогуманитарного пространства. Авторами данной структурной части учебника разработаны теоретические положения об институте союзного гражданства, до настоящего времени детально не исследованном, дана характеристика особенностей правового статуса граждан Союзного государства, затронуты проблемы и способы обеспечения равных прав граждан Беларуси и России, их защиты, а также вопросы организации единого миграционного, информационного, культурного пространства, рынка труда, системы образования и здравоохранения, научно-технического взаимодействия.

В современных реалиях, в условиях регулярно обостряющихся межгосударственных противоречий весьма актуальным также представляется проведенное исследование особенностей достижения согласованной внешней политики Беларуси и России, их сотрудничества в области обороны и обеспечения правопорядка и безопасности государственных границ.

Следует отметить профессиональный юридический подход авторского коллектива к подготовке и содержанию учебника. Структура и содержательная составляющая учебника в полной мере соответствуют тем профессиональным компетенциям, которыми необходимо овладеть при изучении правовой стороны функционирования Союзного государства. Материал изложен доступно, изобилует ссылками на источники права Союзного государства и ориентирован на развитие аналитических способностей у студентов.

Заслуживает положительной оценки размещение в конце каждой главы вопросов и заданий для самоконтроля, позволяющих закрепить и систематизировать изученный ранее материал. Для углубленного исследования студентами интеграционных процессов между Беларусью и Россией к каждой главе рецензируемого учебника также прилагается перечень дополнительной литературы по данной тематике, что подтверждает ориентацию на образовательный процесс.

Следует отметить, что учебник «Право Союзного государства», подготовленный коллективом авторов в составе Р. А. Курбанова, Л. Л. Баланюка, А. М. Белявловой, Г. А. Василевича, С. Г Василевича., Р. А. Гурбанова, В. С. Жигулич, Т. Э. Зульфугарзаде, А. С. Лалетиной, С. Д. Людвигом, Т. Н. Михалевой, А. М. Моисеева, К. И. Налетова, И. В. Петровой, Н. А. Поветкиной , Н. В. Свечниковой, О. В. Шведковой, полностью отвечает требованиям, предъявляемым к научным работам, в нем затрагиваются дискуссионные теоретические вопросы образования и функционирования Союзного государства, а также содержатся предложения прикладного характера, обладающие научной новизной и значимостью.

Принимая во внимание вышеизложенное, считаю, что учебник «Право Союзного государства» займет достойное место среди публикаций, посвященных союзной тематике. Он будет полезен как в образовательном процессе, так и в практической работе по углублению интеграционных связей между Республикой Беларусь и Российской Федерацией.

Требования к публикациям

1. Статья должна обладать определенной новизной, представлять интерес для широкого круга читателей журнала, а также соответствовать требованиям, предъявляемым к научным публикациям.
2. Представляемый материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в том же виде в других печатных и электронных изданиях.
3. Статья представляется в редакцию в электронном и распечатанном виде в формате Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, размер шрифта – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5 строки.

Поля: левое – 2,5 см; правое – 1,5 см; верхнее – 2 см; нижнее – 2 см.

Материал статьи, представленный на бумажном носителе, должен соответствовать материалу статьи, представленному в электронном виде. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант статьи.

4. Материал для публикации в электронном виде должен содержать 3 файла:

– 1-й файл: текст статьи на русском языке со следующей структурой:

а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;

б) заглавие статьи;

в) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:

– предмет исследования;

– метод или методологию исследования;

– научную новизну и выводы;

г) ключевые слова – не менее 15 слов;

д) текст литературы в конце статьи в алфавитном порядке по фамилиям авторов;

– 2-й файл: текст на английском языке со следующей структурой:

а) на первой странице в верхнем правом углу (перед заглавием) необходимо указать Ф. И. О. автора, ученую степень, ученое звание;

б) заглавие статьи;

е) аннотация – не менее 150 слов – должна включать:

– предмет исследования;

– метод или методологию исследования;

– научную новизну и выводы;

в) ключевые слова – не менее 15 слов;

– 3-й файл: сведения об авторе по следующей форме на русском и на английском языке: фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; занимаемая должность; телефон; почтовый адрес; электронный адрес.

5. Объем текста статьи должен составлять не менее 12 страниц, включая таблицы, графический материал, аннотацию и список литературы.

6. Статья должна содержать библиографию (список литературы (других источников), используемой в статье), минимальное количество источников – не менее 5. При добавлении списка использованной литературы необходимо соблюдать правила действующих стандартов.

6.1. В качестве источников, на которые автор ссылается в статье, следует использовать следующие:

- статьи из периодических изданий;
- статьи из продолжающегося издания (сборника трудов);
- материалы конференций;
- монографии.

6.2. Все источники в списке литературы необходимо группировать по алфавиту фамилий авторов или первых слов заглавий документов**.**

7. На все нормативно-правовые акты следует ссылаться путем их упоминания в тексте статьи с указанием полного названия и даты утверждения без использования постраничных сносок. В статье допускается использование только внутритекстовых ссылок на источники. Ссылки оформляются в основном тексте статьи путем указания в конце предложения в квадратных скобках порядкового номера упоминаемого источника из списка литературы, а в случае цитаты – и номера страницы цитируемого источника [3. – С. 5].

8. В бумажном варианте статьи должна присутствовать сквозная нумерация страниц.

9. Таблицы в тексте статьи должны иметь заголовки; на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

10. Иллюстрации должны иметь порядковый номер и название. При написании формул, схем, построении графиков, диаграмм, блок-схем не допускается размер шрифта менее 8.

11. Размер графиков, диаграмм, рисунков не должен превышать по вертикали 21 см, по горизонтали – 13,5 см.

12. Представленные статьи направляются по профилю научного исследования или по тематике рассматриваемого вопроса на рецензию экспертам-ученым и специалистам университета в данной области. Статьи, принятые к публикации, но нуждающиеся в доработке, направляются для внесения необходимых исправлений. После доработки статьи повторно рецензируются, после чего редакционная коллегия принимает решение о возможности публикации.

Не рецензируются научные доклады, заслушанные на съездах, конгрессах, конференциях; информационные сообщения и объявления.